

№ 1. Круглая дата

Фестиваль экстремальных видов спорта проводится в Екатеринбурге с 1997 года. Не одно поколение принимало участие в становлении и развитии этой замечательной традиции. Однако в этом году «Майский» празднует юбилей, пятнадцатую годовщину своего существования. Помимо зрителей и журналистов, список приглашенных составили водные гонщики, рыболовы, игроки канополо, масс-рестлеры, яхтсмены и даже люди с ограниченными физическими возможностями.

№ 2. Большая рыба

8.00, утро воскресенья. Набережная исторического сквера. Моросит мелкий дождь. Только он с радостью здесь прохлаждается. В самом людном месте города — никого. Почему-то это всегда выглядит особенно грустно, когда популярные места пустуют. Только дворник в красном дождевике — единственное яркое пятнышко, снующее по серому холсту асфальта. Чуть позже внимание редких прохожих привлекает горстка людей, расположившихся на берегу с палатками. «Странное время для пикника» — должно быть, думают зеваки, но любопытство толкает их подойти ближе, и тогда они приходят в еще большее замешательство. Зачем на самый край берега поставили надувной бассейн? Кого купают? Далее взгляд упирается в буй, который, кажется, покачивается на водной глади скакой-то особой уверенностью.

фото П. Захарова

фото П. Захарова

фото П. Захарова

фото П. Захарова

Мол, «я тут не первый год красуюсь и, заметьте, не последний». А что на нем написано? Зве-ро-бой... Уральский следопыт. Должно быть, что-то намечается.

В это время горстка людей отвлеклась от установки палаток и окружила маленький бассейн. Они улыбаются, ласково что-то приговаривают, кивают, показывают пальцами, причем, явно желая до чего-то дотронуться, но все время одергивают руки. И вот один из них (может, самый смелый?) приседает и поднимает со дна бассейна нечто большое. По тому, как человек согнулся, видно, что в руках у него что-то тяжелое. Это «что-то» извивалось, открывало огромный рот и било хвостом. В ярком свете фотовспышек блеснула темно-зеленая крупная чешуя. Огромный карп, весом более двадцати килограммов, почил своим присутствием открытие фестиваля «Майский экстрим-2011». Как на любой светской тусовке, звезды собираются вместе и являют ослепительные улыбки жаждущим объективам. Теперь карп-гигант может похвастаться совместным снимком с начальником управления по развитию физической культуры спорта и туризма администрации г. Екатеринбурга Людмилой Фитиной. «Очень приятно видеть, как год от года уже ставший славной традицией фестиваль выходит на новый, более высокий уровень и привлекает все больше людей» — подчеркнула начальник управления.

Однако, если чудо-рыбу наградили фотовспышками, как настоящую звезду, то красной ковровой дорожкой обделили — просто выпустили в речную воду из мешка.

№ 3. Умный спорт

Торжественный выпуск карпа в воды Исети ознаменовал начало первого состязания в рамках фестиваля — рыболовные соревнования на поплавочную удочку. Участники, количество которых при регистрации достигло около человек, выстроились в шеренгу на набережной. На заспанных лицах — ни тени энтузиазма или довольства. Да и чему радоваться? В такую погоду и улыбка требует усилия. Особенно когда немалую часть времени придется провести в сырости. Только дети, маленькие рыбаки, а были и такие, искренне радовались началу состязаний, нетерпеливо постукивая удочками о землю и поглядывая с интересом на переминающихся с ноги на ногу родителей. Наконец вступительное слово организаторов прозвучало. Можно приступать к ловле. «Похоже, что дождь будет идти целый день, так что участники вольны сходить с дистанции, когда пожелают», — бросил напоследок один из авторов напустивших слов. «Еще чего!» — звонко отозвался кто-то из рыбацкой шеренги. Азартные нотки, влитые в эту краткую фразу, вызвали на лицах рыболовов хитроватые усмешки. Каждый настраивался на победу. Недовольство погодой оказалось лишь прикрытием.

Подхватив снаряжение, участники заняли свои места на набережных и приступили к состязаниям. Любители динамики вряд ли нашли бы что-то для себя захватывающее в долгом и однообразном процессе ловли. Львиную часть времени ловец проводит в сидячем положении, взор устремлен на поплавок.

Иногда он перекидывается парой фраз с соседями, но через минуту умолкает и вновь замирает в ожидании. Казалось, каждый из участников погружен в свой собственный, недоступный другим, мир. Картина представлялась любопытная: задумчивые рыбаки неподвижно караулят добычу, но не в лодке посреди тихого пруда, а в центре города. Обыватели проходят мимо, с интересом оглядывая их, будто те застыли или превратились в гигантские сувениры. Согнувшись с удочкой в руках, подперев подбородок ладонью, рыболовы действительно напоминали статуэтки на огромной витрине.

Также статичный спорт дополнили шахматисты. Неподвижные игроки с сосредоточенными лицами, подобно фигурам на клетчатой доске, не изменили своего положения, даже когда небо с грохотом расколола молния и хлынул ливень. Казалось, не глядя, они раскрыли над головами зонты и продолжили игру.

Если с моросью участники и зрители более-менее смирились, то внезапная гроза точно внесла в фестиваль свою долю экстрима.

№ 4. «На воде, как на воде...»

Пока вспененные воды Исети не подхватили гонщиков ралли, на просторах реки развернулась игра в канополо. Игроки на сплавных и родео-лодках на протяжении двух таймов ожесточенно боролись за победу. Мне, как зрителю, отдаленно знакомому только с обычным водным поло, было интересно наблюдать за развитием игры. По сути, все движение участника зависит от его корпуса и рук. Люди-лодки (именно так они и выглядели со стороны) толкались, старались обогнать друг друга, перехватить мяч и направить его в ворота противника. Поразительно — вся борьба сопровождалась улыбками и радостными восклицаниями. Позже мне сказали, что соперники умудрялись даже незаметно откручивать сливные пробки

с лодок. Разумеется, все хитрости проворачивались лишь ради смеха.

Поначалу я с замиранием сердца думала, глядя на одного из игроков: «Вот еще чуть-чуть, и не удержится, перевернется». Как это, должно быть, страшно... Но когда на моих глазах «человек-лодка» несколько раз перевернулся, полностью погружаясь под воду, смахнул нависшие капли с бровей, подобные мысли меня оставили.

«Главный залог успеха, бесспорно, заключается в умении чувствовать лодку и управлять ей. В этом случае определяющие для матча умения как, например, вовремя увернуться от противника или дотянуться до мяча — выполняются интуитивно. Не стоит также забывать, что канополо — командная игра. Здесь многое зависит от сплоченности коллектива и верно выбранной тактики. Особенность канополо — в кайфе от скольжения по воде и получаемом адреналине, который не получаешь в таких порциях во время, скажем, простой гребли», — делится впечатлением игрок Татьяна Умпелева.

№ 5. Большие гонки

Ливень усиливался. Порывы ветра не стихали. На какое-то время бушующая стихия спугнула всех, заставив лихорадочно искать укрытия. Пока я боязливо прятала фотоаппарат от назойливых дождевых капель, кто-то ютился вшестером под одним хилым зонтиком, другие спасались под кронами деревьев или прятались в своих машинах. Вода в реке бурлила, словно ее кипятят. «Еще немного и воду сбрасывать нет надобности!» — пошутил кто-то из наблюдателей. Смотрю на часы. Довольно уместное замечание, ведь через 20 минут должны начаться водные ралли. Тем временем, каякеры и байдарочники готовят свое оборудование и снаряжение. Одеты в непромокаемые костюмы, спортсмены надувают катамараны, застегивают жилеты и шлемы. Некоторые находили время

фото Д. Дашковой

для вардрии на танец маленьких лебедей или игры в снежки горстями града, обрушившегося на головы экстремалов после очередного оглушительного раската. Нет, эти люди не собирались отсиживаться в палатках, ожидая, пока распогодится. Вместо ожидаемого брюзжания и жалоб на невезение они, напротив, радовались грозе. Как будто каждый удар грома будил в них кураж, и они с чувством присоединяли свои голоса к звукам стихии. Природа бросала вызов, который они принимали.

Вскоре тучи отступили, и, согретые запоздалым солнцем, участники приготовились к старту. В заплыве приняли участие представители СМИ. Так называемый пресс-заплыв – явление новое для ежегодного праздника. В каждом из пяти катамаранов разместились двое журналистов и пара профессиональных гребцов. Раздается стартовый гонг. Вперед!

фото П. Захарова

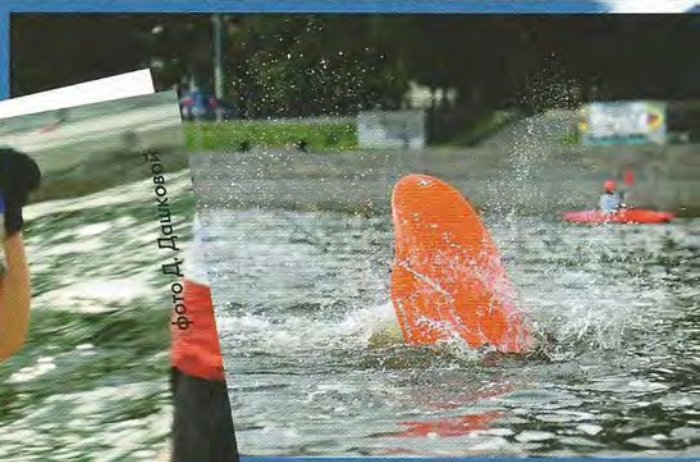

фото Д. Дашкович

Гребцы ожесточенно работали веслами. Зрителю со стороны довольно диковинно видеть, как громоздкий катамаран быстро движется по воде только за счет усилий

фото Д. Дашкович

фото Д. Дашковой

человеческих рук, даже если этих рук восемь. Будто бы на корпусе лодки закрепили несколько цветных вентиляторов, которые работали без усталы, разрезая воду. Цель — доплыть до упомянутого ранее буя, обогнуть его и вернуться к финишу.

Пока продолжается пресс-заплыв, остальные водные гонщики лишь краем глаза следят за действием, все внимание уделяя последним приготовлениям и проверкам. Затем они направляются к месту построения.

фото В. Медведева

Вот водники уже ютятся у нижнего парашюта, ожидая сигнала судьи. Лодки то и дело бьются корпусами, но никто не возмущается и не бросает ни в чью сторону злобных взглядов. Здесь все свои. Все в одной лодке.

фото Д. Дашковой

фото Д. Дашковой

Помимо младших рыбаков, фестиваль принимает к участию и молодых гребцов. Дети и подростки боролись за победу, ничуть не уступая взрослым. Особенно поразили меня пара девушек на двухместном катамаране, которые с первых же секунд заплыва значительно опередили остальных борцов. Когда они обогнули буй, другие только подбирались к нему. Девчонки, расслабьтесь, можно грести вполсилы! Все равно придете первыми! Но они даже головы не подняли. Всем телом устремившись вперед, они, как автоматы, работали веслами синхронно, в такт выкрикивая себе что-то одобряющее. Как будто каждая из них сидела на своем катамаране, когда рассчитывать, кроме себя, не на кого, некому крикнуть «Давай!» или «Не зевай», стукнуть напарника по плечу... Должно быть, успехом своим девушки обязаны своей собранности и, безусловно, доверию друг к другу.

№ 6. Против течения

«Лосось идет на нерест» — так нарекли популярный конкурс основатели «Майского экстрима». Толпа болельщиков окружает Плотины, прохожие, отняв от уха сотовые телефоны, останавливаются и с интересом смотрят, как отважные гонщики пытаются подняться против течения в бушующем и ревущем жерле плотины. Каждый старается добраться первым до призов, покачивающихся на веревке над дымящимися волнами.

Зрители восторженно кричат, размахивают руками, прыгают. Позабыв об осторожности, опускаются на колени на скользкую бетонную поверхность, стараясь сделать кадр получше или разглядеть лица участников. Как в гангстерском фильме, зрители собачьих или петушиных боев с замиранием сердца следят за исходом боя, так в этот воскресный день собравшиеся в сквере, сжав кулаки, не могли оторвать глаз от происходящего. В этот момент на набережных практически не остается ни души. Даже суровые сотрудники милиции с собаками на привязи старались разглядеть хоть что-то поверх живого забора спин.

За плотными брызгами еле угадываются очертания лодки и лица гонщиков. Но как отчетливо видно мускулистые руки, минуту назад сжимавшие весло, а теперь цепко схватившие приз. Слово огромный прожектор, освещает солнце ликующее лицо победителя. Он кричит, хватая добычу, обнажив клыки так яростно, что рядовой рыжий зонтик (один из призов) кажется,

на миг превращает-
ся в мелкую рыбешку,
спасающуюся от неумолимого хищника.
Рывок, еще рывок
и рыбка в зубах охот-
ника. Он вскидывает
руки в знак победы
и снисходительно
позволяет побеж-
денным волнам от-
нести себя обратно
к линии старта.

фото П. Захарова

№ 7. Экстрим

для всех

Городской пруд приютил еще одну группу экстремалов. Здесь состязания не столь ожесточенные, как на другой стороне сквера. Время в состязании — чисто номинально. Главное — полученные ощущения, глоток свободы.

Хорошо знакомые читателям «Уральского сле-
до-

фото Д. Дашковой

фото Д. Дашковой

пыта» активисты команды «Восхождение» во главе с альпинистом Анатолием Вязовцевым готовятся к заплыву. Сегодня инвалиды, участники команды, впервые примут участие в фестивале «Майский экстрим», станут частью сформированной «тусовки».

«Посмотрите на них, — воодушевленно говорит гость фестиваля, заслуженный врач России, нейрохирург Семен Исаакович Спектор. — Здесь устраиваются соревнования. И кого? Колясочников! Казалось бы, о каком движении вообще может идти речь, если у человека парализованы обе ноги. Тем не менее, благодаря уделяемому вами вниманию, эти люди передвигаются по горам, снегу. Еще зимой мы встречались здесь же, на пруду, во время «Ледового штурма». Я видел, как колясочники не просто двигались, они получали удовольствие, и главное — поверили в себя. Сейчас мы станем свидетелями их передвижения по воде».

Специализированные коляски закрепили на четырехместных катамаранах. Впереди расположились двое гребцов «Восхождения», за ними — профессиональные спортсмены.

«Поразительно!» — выдыхали стоящие рядом зрители, когда девушка-колясочник, оказавшись на катамаране во всеоружии, с улыбкой, без доли малейшего страха взирала на воду и нетерпеливо крутила в руках весло.

Задача состязания — схожая с ралли — доплыть, обогнуть буй и вернуться. Лодки на воду! Первая команда устремилась вперед. Пустые темные коляски смотрели с берега, как стремительно удаляется катамаран с их хозяевами. Небо прояснилось, вода пруда посветлела и стала похожа на чистое зеркало, в котором отразился весенний город. Блики на мокрых веслах перекликались со сверкающими куполами Храма на Крови.

«Видите, ребята, а Бог-то есть, — улыбаясь, говорит Семен

фото Д. Дашковой

Исаакович, указывая на небо. — О, как прояснилось. Это все для вас, чтобы вы смогли осуществить задуманное».

В заключение отметим, что, как всегда, никто из участников спортивных состязаний в обиде не остался. Старая, как мир, истина «главное не победа, а участие» особенно в чести среди почитателей «Майского экстрима». Каждый год количество участников возрастает. Здесь встречаются друзья по интересам, давние соперники с чувством жмут друг другу руки, ярые болельщики срывают голос.. На время центр шумного города перестает быть бездушной местностью, которую каждый ежедневно пересекает, спеша по своим делам. Несмотря на поистине экстремальные погодные условия, улыбок на Плотинке 29 мая было явно больше, чем в рядовой солнечный день. Впрочем, может быть, имеет смысл в екатеринбургских календарях наряду с 1 и 9 мая выделить красным цветом и наш фестиваль, как особенно любимый праздник.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ выражает благодарность всем, кто оказал действенную поддержку в организации и проведении молодежно-патриотического туристского фестиваля МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ 2011:

- Министерство по физической культуре, спорту и молодежной политике Свердловской области,
- Управление по развитию физической культуры, спорта и туризма Администрации города Екатеринбурга,
- Управление по благоустройству Администрации города Екатеринбурга,
- Отдел ГИМС ГУ МЧС РФ по Свердловской области.
- Генеральный информационный партнёр «РЕН-ТВ-Урал».
- официальная сотовая связь «МОТИВ»,
- Спортивно-туристский клуб города Екатеринбурга
- «команда «Восхождение»,
- школа водного туризма Свердловской области
- отдел спортивного и любительского рыболовства Облхотрыболовсоюза,
- представительство в России компании FaVal,
- представительство в России компании SATILA of Sweden

фото Д. Дашковой

июнь 2011

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

veter@uralstalker.com

Наши проекты

Д. ДАШКОВА	С новым экстримом!	2 обл.
<u>Путешествие по Уралу. Пермский край</u>		
Н. ШОСТИНА	Пермский звериный стиль в коллекциях музеев	11
<u>Путешествие по Уралу. Башкортостан</u>		
В. ОМЕЛЬЧЕНКО	Велосипедное путешествие через Южный Урал	19
<u>Путешествие по Уралу. Башкортостан</u>		
Д. ХЛОПУНОВ	САКМАРА 2011 Второй раз в ту же реку	29

ЭЛИТА

aelita@uralstalker.com

Законы Вселенной
 М. ЛЕНСКАЯ
Координаты чудес
 И. ФУНТ
 С. ИГНАТЬЕВ

Последнее испытание	33
Думай о звездах	36
Le general Niver	41

РЕКА ВРЕМЕНИ

reka@uralstalker.com

Далекое-близкое

Н. ЗАПОРОЖЦЕВА	Родословные перекрестки	51
В. ПУРОНЕН	Ленд-лиз в переводе на русский	56
<u>Портреты</u>		
А. МОЛЧАНОВ	Филофонист Шестернев	63
<u>На страже Родины</u>		
Ю. ГОРБУНОВ	Зотов, крестьянский сын	67
<u>Клуб собирателей</u>		
В. ПОПОВ	Как Иван Шадр «делал деньги»	74
<u>Тропой поиска</u>		
И. ПЛОТНИКОВ	Партизаны белого генерала	79
<u>Добрые попутчики "Уральского следопыта"</u>		
У нас есть чем удивить даже бывалых туристов	3 обл.	

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго
Литературный консультант – В. Абоян.
Худ. редактор, верстка – Е.С. Горда.
Набор – В.М. Кадочникова.
Корректор – Л.В. Юсупова.
Интернет – Е. Марков
Фото 1 полосы обложки – Д. Дашкова
 Евгений Сильчук – заместитель министра по молодежной политике Свердловской области.
Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»
Редакционный совет –
 Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.
Наблюдательный совет –
 • Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
 • Семен Спектор, заслуженный врач России,
 • Виктор Байдуков, свердловское отделение РГО
 • Виктор Христороблиов, Председатель Курганского ро РГО
 • Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
 • Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
 • Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
 • Сергей Лерин, Председатель Тюменского ро РГО
 • Николай Наваров, Председатель Пермского ро РГО
 © ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»
 Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургнева, 13.
 Почтовый адрес редакции, издателя
 620014, г. Екатеринбург, 4/а 479
 тел. (343) 295-61-27, (343) 295-61-28
 E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».
 Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на потитить и название журнала. Рукописи принимаются опечатанными не менее 12 шт. по 60 знаков в строке, 25–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе, указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. После использования материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:
 – Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
 – Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
 – Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
 – Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
 – Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт» uralstalker.com, №6 подписка с июля 05.05.2011 года. Печать офсетная. Тираж 5000. Отпечатано в ООО «УРА-УТК» 620145, г. Екатеринбург, ул. Шаумана, 83. Тел. (343) 269-18-83. Заказ №529.

Лидер
 Уральского
 Турбизнеса
2007

Пермский звериный стиль в коллекциях музеев

ПЭС. Бляшка с изображением медведя

Датировка: V-VI вв. н.э.

Место создания: Прикамье

Материал: бронза

Техника: литье по восковой модели

Размеры: 80х60 мм

Место, дата и автор находки:

Пермская губ. река Кын (Предмет найден в береговых осыпях). XIX в.

Случайная находка

Археологическая коллекция:

Коллекция Теплоуховых

«Этот стиль совершенно необычен и, пожалуй, не знает себе подобного нигде в мире. Правда, и возник он в очень своеобразной стране, сочетавшей тонкую роскошь сасанидского серебра с первобытной грубостью диких охотников»

А.А. Спицын

ПЭС. Пластина с изображением всадника на фантастическом животном

Датировка: V-VI вв. н.э.

Место создания: Прикамье

Материал: бронза

Техника: литье

Размеры: 92x68 мм

Место, дата и автор находки: Пермская губ.

Верхнее Прикамье. Случайная находка

Археологическая коллекция:

Коллекция Зеликмана

Место хранения: Пермский краевой музей, отдел археологии

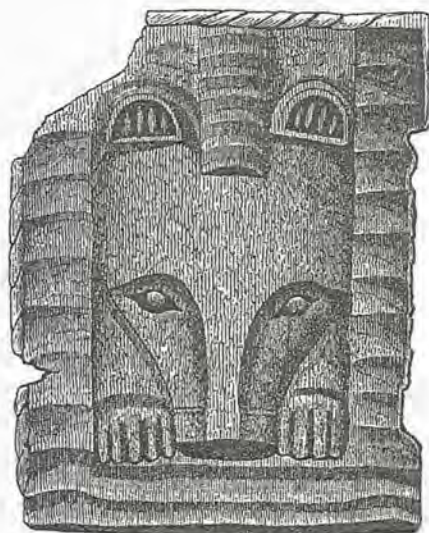
Эта яркая характеристика дана известным русским археологом пермскому звериному стилю, искусству, с которым А. А. Спицын был хорошо знаком, поскольку именно ему суждено было стать первым историком коллекций культового литья Урала и Сибири.

Пермский звериный стиль — это средневековые металлические изображения, которые использовались в обрядовых действиях, поэтому вполне уместно называть их культовыми предметами. С этим интересным и ярким феноменом можно познакомиться, не только побывав в музеях Пермского края. Собрания пермского звериного стиля также имеются в Государственном Эрмитаже, Государственном историческом музее, Национальном музее Финляндии. Откуда берут свое начало эти коллекции? Как они оказались в разных городах нашей страны и за рубежом? Кем были первые собиратели пермского звериного стиля? Обо всем этом и пойдет речь в этой статье.

История собирания культового литья неразрывно связана с возникновением интереса к коллекционированию предметов древности, в русском обществе подобный интерес возникает во многом под влиянием европейской культуры и своего рода моды. В странах Европы коллекционирование появилось в период Возрождения, прежде всего, собирались античные древности, а с XVII — XVIII вв. частное коллекционирование становится достаточно распространенным явлением, появляются научные и художественные

собрания. В России частное коллекционирование начинает развиваться с XVIII века, редко приобретая в этот период осознанное отношение и научный интерес. Так, один из первых историков частного собирательства в России. Е. П. Карнович в «Замечательных богатствах частных лиц в России...» (1874) отмечал, что при Екатерине II «Дома русской богатой знати, не понимавшей ничего не только в классической, но и в родной древности, а также не знавшей толку в художественных произведениях, наполнялись редкостными коллекциями мраморов, антиков, «болванчиков» и картин». Доходило даже до того, что выгодно продавались обломки камня, на котором якобы спал Дмитрий Донской после Куликовского побоища.

В начале XIX в. отношение к коллекционированию меняется, появляется интерес к отечественным древностям, появляются идеи о создании национального

музея. Именно в это время появляются частные собрания пермского звериного стиля.

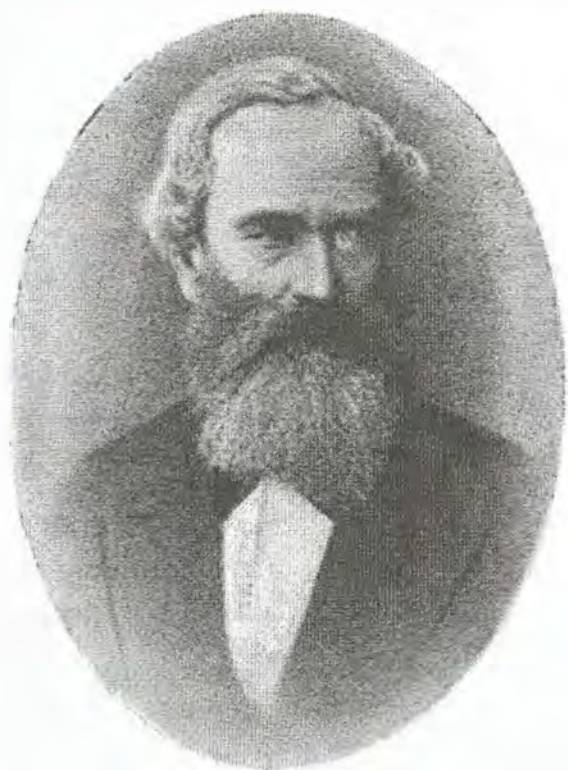
Первым собирателем пермских древностей стал управляющий пермскими имениями Строгановых Василий Алексеевич Волегов. К сожалению, коллекция Волегова не сохранилась до наших дней, но благодаря П. И. Мельникову осталось небольшое описание этого собрания, находившегося в селе Ильинском. Впоследствии, после смерти В. А. Волегова, часть его коллекции была приобретена известным финским археологом, основателем финно-угорского направления Й. Р. Аспелиным. В 1877 г. Аспелин издает Атлас финно-угорских древностей, это одна из первых публикаций, где встречаются предметы пермского звериного стиля, в том числе и из собрания В. А. Волегова. Коллекция, собранная Й. Р. Аспелиным, находится сейчас в фондах Национального музея Финляндии. Периодически финские ученые обращаются и к теме звериного стиля.

Другая часть коллекции Волегова была приобретена Александром Ефимовичем Теплоуховым, главным лесничим и управляющим пермских имений Строгановых. О личности А. Е. Теплоухова можно многое сказать, сам факт, что крепостной мальчик из далекого с. Ильинского сможет не только получить образование в России, но и закончить лесохозяйственную академию в Германии, получит впоследствии характеристику как «патриарх русского лесоводства», говорит о многом. Включившись первоначально в собирательскую деятельность в связи с просьбой Строганова, которого он едва не боготворил, А. Е. Теплоухов очень

быстро увлекся и археологией, и коллекционированием. Именно эта деятельность станет для него настоящей страстью, в которой видно все: и боязнь потерять коллекцию, что приводило к публикации научных работ первоначально не в России, а в Европе, и постоянное любовное предание предметом увлечения. Но вместе с тем, именно А. Е. Теплоухов стал первым собирать информацию в путешествии по Европе о том, как хранить, систематизировать археологические предметы, в конце концов, он сможет увлечь своим интересом к археологии и своих детей. Поэтому неудивительно, что в семье было решено передавать коллекцию по наследству тому, кто в наибольшей степени сможет ее пополнять и изучать. Таким человеком стал Ф. А. Теплоухов, он имел непосредственное отношение к возникновению пермского музея в 1890 г., консультировал работников музея, в том числе и у себя, в селе Ильинском, читал публичные лекции с целью просвещения местных жителей. Об изменении отношения местного населения к предметам древности под влиянием просветительской деятельности музея говорит сам Ф. А. Теплоухов: «Еще недалеко то время, когда в нашей губернии, как и в других местностях, большинство публики смотрело на различные предметы доисторической культуры исключительно как на курьезные вещи и, если они не представляли ценности по своему материалу, то не придавало им никакого значения. Поэтому не только простые земледельцы — крестьяне, в руки которых всего чаще попадают различные древности, но и лица, принадлежащие к более образованным классам, не только не принимали мер к сохранению найденных предметов, но нередко прямо содействовали их уничтожению... благодаря усилившемуся в последние годы интересу к изучению древностей вообще, не только более интеллигентные слои публики, но и масса земледельцев стала смотреть на свои находки другим образом. Благодаря этому, крестьянин, нашедший при обработке своего поля литого идола, шумящую привеску или красивые бусы, уже не отдает их детям в качестве игрушек, а приобретающие подобные вещи лица из более интеллигентных классов, если не собирают коллекции для себя, то все чаще дарят их в один из местных музеев».

К собранию Теплоуховых обращались многие известные русские археологи, А. А. Спицын в письме Ф. А. Теплоухову писал: «Ваша коллекция — двери, ведущие к пониманию древностей огромного района». Коллекция предметов пермского звериного стиля семьи Теплоуховых насчитывала более 55 предметов, все они поступили в Пермский областной краеведческий музей, составив тем самым ядро современного собрания культового литья данного музея.

Знаменитое собрание пермских древностей С. Г. Строганова в 1925 году поступило в Государственный Эрмитаж, где и хранится до сих пор. В предметах пермского звериного стиля С. Г. Строганов видел отражение мифологических образов, связывал их с загадочной страной Биармией. Легендарную Биармию многие в XIX веке искали именно в Прикамье, первые

археологические раскопки В. Берха должны были подтвердить ее местонахождение. «Мечтая о магазинах персиян и индейцев», Берх искал развалины городов, «но, не находя ничего сему подобного, решился искать древности в земле». Достаточно частые находки восточного серебра позволяли «поддерживать» легенду о Биармии, С. Г. Строганов был увлечен этим интересом, отмечая в письмах к своим управляющим, что хотя предметы пермского звериного стиля не выполнены из драгоценных металлов, но они важны для науки как свидетельства мифологических сюжетов и образов. Одним из самых ярких предметов пермского звериного стиля из коллекции Строганова является так называемый «ильинский медведь», которому посвятила свою статью хранитель Государственного Эрмитажа Е. И. Оятева.

Большое собрание предметов пермского звериного стиля находится в Чердынском музее. Сами археологические богатства Чердынского края привели в конце XIX в. местную интеллигенцию к мысли о необходимости создания научного общества и музея при нем. Так и возникает Общество любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края, которое получило право ведения археологических раскопок, находки передавались в созданный музей. Фонды музея пополнялись и благодаря пожертвованиям, так несколько предметов пермского звериного стиля были переданы лесничим М. Н. Зеликманом. Но большая часть находок культового литья окажется в Чердынском музее в тот период, когда им руководил И. А. Лунегов. В 1929 году в музей будет передан

Редикорский клад, состоящий из 34 предметов пермского звериного стиля. Таких кладов пермского звериного стиля немного, но они вызывают особый интерес исследователей. Часть из них связывает эти клады с бывшими святилищами, существует точка зрения и о специальном «захоронении» предметов пермского звериного стиля в некоем сакральном центре.

Более 70 предметов пермского звериного стиля находятся на данный момент в собрании Чердынского краеведческого музея. Не всегда найденные предметы сразу попадали в музейное собрание, так, например, в 1904 г. Е. Ф. Наумовой у д. Омелино была найдена бляха, которую местные жители называли «ячменным богом», в Чердынский музей ее передали только в 1950 г.

Собрания пермского звериного стиля Государственного Эрмитажа и Государственного исторического музея возникают благодаря деятельности Императорской археологической комиссии, созданной в 1859 году, в обязанности которой вменялось собирать, сохранять и изучать древности.

Главным источником пополнения коллекций пермского звериного стиля для Императорской археологической комиссии были не проводимые археологические изыскания, а передача кладов, находимых на территории Пермской губернии. В книге для внесения кладов и коллекций древностей отражена и история пополнения предметов пермского звериного стиля. За большую часть находок Императорская археологическая комиссия выплачивала вознаграждение, что привело к тому, что местное крестьянство

видело в находке лишь возможность заработать деньги для поправки своего хозяйства. Кладоискательство из случайного занятия отдельных крестьян стало в летнее время своеобразным ремеслом для многих сотен крестьян в губерниях. Таким образом, появлялись и новые находки пермского звериного стиля, которые, в свою очередь, попадали в Императорскую археологическую комиссию, а затем в музей.

Предметы пермского звериного стиля могли быть принесены и в дар Императорской археологической комиссии, как это было с небольшой археологической коллекцией студента Гавриленко из Кунгурского уезда. В состав этого дара входили три «чудских образка», представляющих собой птицевидное изображение с лицом человека на груди и ящером внизу, и два сложных изображения трех антропоморфных фигур, найденных у городища Морозовского.

Одна из самых многочисленных коллекций пермского звериного стиля, сложившаяся благодаря дея-

тельности Императорской археологической комиссии, находится в Государственном Эрмитаже. Она включает в себя более 130 предметов культового литья Прикамья.

В 1897 г. в Эрмитаж было передано 11 предметов пермского звериного стиля, найденных в ходе проведения раскопок у камня «Светик» С. И. Сергеевым.

**ПЗС. Пластина с изображением
трех человеческих фигур на ящере**

Датировка: VIII-X в.н.э.

Место создания: Прикамье

Материал: бронза

Техника: литье

Размеры: 44x30 мм

Место, дата и автор находки: Пермская губ. д. Федотова Пермского уезда. Случайная находка

Археологическая коллекция:

Коллекция Теплоуховых

Место хранения: Пермский краевой музей, отдел археологии

Всего на жертвенном месте у камня «Светик» было найдено 22 предмета пермского звериного стиля, известный исследователь пермского звериного стиля Ф. А. Теплоухов в свое время подразделил их на три группы в соответствии со своей классификацией:

1. Идолы с драконами и ящером с одной человеческой фигурой — 8 экземпляров, с двумя — 1, с тремя — 2.

2. Отдельные изображения драконовидных существ — 3 экземпляра, ящера — 4 экземпляра.

3. Изображения животных, не имеющих фантастического характера, — 4 экземпляра.

Особое внимание автора привлекла одна из найденных С. И. Сергеевым культовых пластин, где изображены две человеческие фигуры и ящер, постоянный атрибут подобных изображений, «обращенный головой влево, между тем как ему дано во всех прочих случаях противоположное направление».

В это же время поступили в Эрмитаж 12 находок пермского звериного стиля из сборов урядника А. Н. Береженцева по различным населенным пунктам Чердынского уезда: близ деревень Амбор, Аниковской, Мелехино, Редикор, с реки Колвы, а также с камня «Светик». Береженцев покупал у местных крестьян находки древностей, и об этой деятельности узнала Императорская археологическая комиссия. По требованию комиссии Береженцев передал свою коллекцию, получив за нее вознаграждение. В состав коллекции А. Н. Береженцева, переданной в Эрмитаж, входит 7 антропоморфных изображений, 2 — птицевидных и 3 изображения ящера.

«Кунгурский» клад, состоящий из 34 предметов пермского звериного стиля, до сих пор остается одним из самых ценных поступлений, он был найден крестьянином А. Д. Флоровым в Усть-Кишерти в 1900 г. и передан Императорской археологической комиссией в Эрмитаж.

Также в собрание Эрмитажа поступил клад, состоящий из 42 предметов пермского звериного стиля и пополнивший коллекцию Эрмитажа в 1900 г., он был найден у деревни Пешкова и приобретен Н. Н. Новокрещенных. Описывая обстоятельства находки, Новокрещенных отмечает, что «речка Кондас постоянно подмывает гору, на которой расположена деревня, и вымывает разные изображения животных, так называемых дивовиц, и вообще вещей, признаваемых за чудских идолов. Все это тонкие плоские вещицы, литые в виде кружков или прямоугольников с закругленными углами и т. п. Изображения людей с крыльями, хвостами нередки, и вот подобные вещи, найденные весной на спаде воды, ломались, уничтожались или швырялись в воду как нечто очень нечистое, дьявольское, а если оставались, то изображения медведей или животных, но не чертей, как их называли крестьяне».

Коллекция пермского звериного стиля Государственного исторического музея была сформирована в дореволюционное время при непосредственном

участии Императорской археологической комиссии. Командированный в 1894 г. для археологических изысканий в Чердынский уезд А. А. Спицын приобрел около 26 предметов пермского звериного стиля, все они были переданы в дар музею в 1897 г. Таким же образом были получены предметы культового литья из раскопок С. И. Сергеева в 1895 г. на территории Чердынского уезда. Часть предметов пермского звериного стиля, найденных в ходе раскопок Н. Л. Гондатти в Чердынском уезде, были подарены музею Московским археологическим обществом.

Кроме того, в Государственном историческом музее находится клад культового литья, в свое время приобретенный известным меценатом и коллекционером П. И. Щукиным. С коллекцией П. И. Щукина был хорошо знаком Н. К. Рерих, художник обращался к пермским древностям в 1890–1910-х гг., используя «чудские» мотивы в создании проектов мебели, а также декораций.

В Государственном историческом музее хранится более 60 предметов пермского звериного стиля, часть из них экспонировалась не только в самом музее, но и в музеях других стран, например, в Венгрии и Индии.

Большая часть предметов пермского звериного стиля была найдена случайно, оказываясь в дореволюционный период в руках частных коллекцио-

неров или научных обществ и учреждений, а затем и в музеях. Но есть музеи, где пермский звериный стиль оказался благодаря проводимым археологическим раскопкам. Отдельные предметы пермского звериного стиля имеются в коллекции музея археологии и этнографии Прикамья Пермского государственного педагогического университета, они были найдены в ходе археологических раскопок, проводимым Камской археолого-этнографической экспедицией.

В коллекцию Березниковского историко-художественного музея им. И. Ф. Коновалова были переданы семь предметов пермского звериного стиля, также найденных в ходе археологических раскопок на селище Володин Камень I в 1983 и 1988 гг.

Имеется небольшая коллекция пермского звериного стиля в Коми-пермяцком окружном краеведческом музее им. П. И. Субботина-Пермяка, состоит она из 9 предметов, найденных и приобретенных в разных местностях округа в течение 1927–1987 гг. К сожалению, предметы пермского звериного стиля не всегда оказываются в музейных коллекциях, а оседают и в руках местного населения. В местной прессе периодически помещаются

объявления о покупке предметов культового литья Прикамья, встречаются сведения о находках пермского звериного стиля, оказывающихся в собраниях современных коллекционеров. Хочется отметить, что эта деятельность не только является незаконной, но и абсолютно бесполезной с точки зрения развития научного знания о культовом литье. Частные коллекционеры XIX века принимали «огонь на себя», т. к. деятельность государственных учреждений и научных обществ не всегда могла обеспечить сохранность находок от их переплавки и уничтожения. Частное собирательство перерастало в научное коллекционирование, публиковались каталоги собраний, на их основе писались первые работы о пермском зверином стиле. Более того, как правило, частный коллекционер задумывался о том, в какие руки коллекция попадет, и передавал собрание в возникающие музеи. Путем таких пожертвований и формировались фонды музеев.

До сих пор актуальной задачей, связанной с дальнейшим исследованием пермского звериного стиля, является задача создания полного каталога всех предметов древнего искусства Прикамья, волею исторических событий оказавшихся в разных музейных коллекциях.

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Государственный Эрмитаж

Государственный исторический музей

Пермский краевой музей

Музей кабинета археологии ПГУ

Музей археологии и этнографии Прикамья ПГПУ

Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина

Коми-пермяцкий окружной краеведческий музей

им. П.И. Субботина-Пермяка

Свердловский областной краеведческий музей

Национальный музей Республики Татарстан Музей археологии КГУ

Национальный музей Финляндии

Березниковский историко-художественный музей им. И. Ф. Коновалова

Валерий Омельченко
 Фото предоставлены автором

Велосипедное путешествие через Южный Урал

На фотоснимке действующие лица путешествия. Слева направо: Вокуев Алексей Иванович — 26 лет, главный механик, трудолюбив, честен, энергичен до безумства; Омельченко Валерий Николаевич — 41 год, обер-штурман, исследователь, стратег, временами бывает дерзок; Воложанинов Денис Валерьевич — 34 года, генеральный консул команды, дипломатичен, презентабелен, склонен к философии.

На заднем плане стена остановки на объездной дороге города Стерлитамак и прислоненные к ней наши навьюченные двухколёсные друзья.

Глава 1. «О том, как порой бывает трудно сообразить на троих».

Уже два года часть отпуска я провожу верхом на своём, не лучшем в своём семействе cross-mounting bike, велосипеде. В прошлом году впервые отважился на путешествие с ночёвкой. И, несмотря на то, что был в целом неплохо подготовлен, мой велотур доставил мне немало неприятностей. Прошло время. Негативные эмоции улеглись. Из отрицательного опыта получилась неплохая добавка к руководству велотуриста-пользователя. Настало время составлять новый план путешествия. Учитывая несовершенство своего разума и воздействия возможных неблагоприятных обстоятельств будущего путешествия, я осознавал, что преодолеть сложный многодневный маршрут мне одному будет, скорее всего, трудно. В том плане, например, что тяжелоатлетично сохранить душевное равновесие и принимать адекватные решения, когда наступает ночь, льёт дождь, ты в горах по щиколотки в грязи, велик сломался, а кругом ни души. Маршрут же я планировал

именно по горам Южного Урала. Вариантов было несколько, но они были сырыми, прилизительными и разновеликими.

Сама идея велопутешествий родилась три года назад в тандеме с моим коллегой Денисом Валерьевичем Воложаниновым. В первый год осуществить совместно эту идею нам помешала внезапная операция Дениса, которая как раз пришлась на запланированное для путешествия время. В 2009 году у нас не совпало время отпусков. В этом году особых проблем не возникло. Поэтому клич к началу подготовки был брошен ещё с осени.

В нашей серьёзной конторе с очень авторитетным названием Администрация города Губкинского сложилась однобокая демографическая ситуация с пре-

обладанием женского населения. И как было приятно, что среди вымирающей андроидной расы, кроме Дениса, нашёлся ещё один желающий заниматься велотуризмом во время отпуска. Это серьёзный молодой мужчина — Вокуев Алексей Иванович. Очень скромно вопрошал он о присоединении к экспедиции у нас с Денисом. И мы, зная Алексея не первый год, двумя голосами против нуля приняли его в свою компанию.

Процесс подготовки был разбит на три направления: первое — разработка и утверждение детального маршрута; второе — составление списка необходимых в путешествии вещей и их последующая комплектация, разумеется, подбор велосипедов для Дениса и Алексея представлял собой отдельный подпункт; третье — физическая подготовка наших организмов, изнеженных благами цивилизации. По всем направлениям подготовка шла одновременно.

После долгого обсуждения предстоящего маршрута в итоге в N-ом чтении был принят проект, который предполагал, что путешествие по длительности не будет превышать 10–11 дней; будет иметь спортивный уклон с элементами краеведения; пройдёт частями по бездорожью, но в большей части по дорогам с твёрдым покрытием, но не сильно загруженным автотранспортом; начнётся в уездном городе Стерлитамак, что в Башкирии, а закончится в равновеликом ему городе Миасс в Челябинской области. На прилагаемой карте маршрут нашего велосипедного путешествия обозначен ярко-зелёной линией, а места ночёвок — синими квадратиками.

Все участники нашей экспедиции — ребята ни разу не деревенские, а привыкшие к определённому комфорту. В предстоящем путешествии многого из того, что мы имеем в городских квартирах, не будет. Поэто-

му морально к этому надо было тоже подготовиться. Физическая подготовка у всех нас была и есть в целом хорошая. Каждый из нас поддерживает тонус организма регулярными занятиями в спортзале и на спортплощадках. Кроме того, в течение нескольких месяцев перед путешествием мы тренировались на велотренажёре на максимальной нагрузке, а также пользовались прокатом велосипедов у нас в городе, совершая в мае поездки в сторону водозабора и лыжной базы.

При утверждении маршрута было изначально оговорено, что базовым лагерем нашего путешествия будет усадьба моей тётки Людмилы Андриановны в деревне Кистенли-Богданово Бижбулякского района республики Башкортостан.

Глава 2. «Поехали!».

К 7 июля в деревню приехал Алексей. Возле Уфы я его вместе с велосипедом загрузил в машину и доставил в место обетованное. К приезду участников экспедиции был подготовлен дом. Когда-то в нём жил дедушка моей супруги. После смерти дедушки в доме никто не жил, и он постепенно стал ветшать. Общими усилиями родственников его подремонтировали снаружи, разобрали печь, сделали хороший ремонт внутри, закупили кровати. Туда-то мы и заселились с Алексеем. Два дня использовали, чтобы докупить палатку и снаряжение, подогнать технику (багажники, цепи, велосипедные компьютеры и т.п.). 10 июля все были осчастливлены прибытием Дениса. Пишу с иронией, так как на следующее утро надо было уже трогаться в экспедицию. Право, меня его беспечность несколько обескуражила. Тем более что по девственному виду его аккуратно сложенного в багажнике велосипеда, на него, извините, муха не садилась. Добрый Алексей

Иванович сразу же пришёл к Денису на помощь, и уже в вечерних сумерках велосипед был собран и готов к обкатке.

11 июля в 9 часов 12 минут утра по местному времени наш кортеж из двух машин выдвинулся к месту старта. Температура воздуха к тому времени была уже $+21^{\circ}\text{C}$ (здесь и далее показания термометра, который находился у меня во внешнем кармане рюкзака). День обещал быть жарким. В первой машине ехали мы с супругой, которая после нашей выгрузки отгонит пустую машину домой, и загруженные уже собранные три наших велосипеда с частью вещей. Во второй машине старший брат жены Алексей вёз остальных участников экспедиции и основную часть вещей. На повороте к посёлку Шафраново машина с ребятами остановилась у продавцов с кумысом. Опорожнив по бутылочке экзотического напитка, парни сели в машину и все двинулись дальше. К 11.30, преодолев около 150 км, мы подъехали к пересечению дорог Раевский-Стерлитамак и Уфа-Оренбург. Там возле остановки припарковались, выгрузились и стали навьючивать поклажу на велосипеды. В 12.15, аккуратно переехав оживлённое шоссе, мы двинулись по направлению к городу Стерлитамак. Температура воздуха поднялась до $+31^{\circ}\text{C}$ в тени. Но мы жары не особо чувствовали, так как были на эмоциональном подъёме. Местность была равнинная, ехали спокойно, со скоростью около 14–15 км/ч. На кольце при въезде повернули налево, чтобы не углубляться в город. Благополучно миновали зелёную и промышленную зону, переехали мост через реку Белая. Водители нескольких обгонявших нас фур приветствовали нас протяжными сигналами. Это музыкальное сопровождение придавало нам сил и вдохновения. При выезде из города немного замешкались, так как по указателям трудно было сориентироваться для дальнейшего продвижения. Но, как известно, язык до Киева доведёт. Сейчас и в последующем мы, не стесняясь, уточняли дорогу у местного населения. Проехав в сторону Уральских гор

чуть больше километра, повернули на юг, так как первая промежуточная цель нашего путешествия была гора Торатау (Шихан). К этому времени закончились запасы воды, которые мы брали с собой. У каждого из нас была полулитровая бутылочка, прикреплённая к раме, и «полторашка» в рюкзаке. При путешествии в жару — это слёзы. По пути нашего следования располагалась деревня Карайганово. Там-то мы и планировали вдоволь напиться, пополнить запасы, купить хлеба и тушёнки (изначально не брали, чтобы не переть на себе лишнего груза). В глубине деревни с трудом нашли водоклонку, а с покупкой продуктов, вообще, было проблематично. Магазинов, как оказалось, в деревне нет. Но есть подпольные торговцы, у которых можно было разжиться пропитанием. Я проехал на выезд из деревни, а Денис с Алексеем, раздобыв нужную нам еду, минут 15 спустя присоединились ко мне, и мы продолжили путь. Было около 14.30. Преодолели около 24 км пути.

Впереди слева огромным бугром вставал Торатау. У подножья располагались какие-то шатры, изгороди. Видимо, здесь у местных проходит ежегодно Сабантуй. Протащив немного вверх по склону велосипеды и припрятав их в кустарнике, мы начали штурмовать гору. Преклоняюсь перед теми людьми, которые

мужественно покоряют восьмимысячники. В абсолютном исчислении мы поднялись всего на 270 метров в высоту или около того, но не скажу, что это было легко. Да и штурмом назвать наше карабканье тоже не очень получается. Зато какой вид открывался с вершины! Если бы не дымка знойного дня, то, пожалуй, можно было бы почувствовать себя властелином мира и размахом крыла объять необъятные просторы нашей планеты.

У подножья горы с северной части виднелось озерцо. Утомлённые солнцем, мы начали спуск, чтобы, забрав велосипеды, наконец-то достигнуть долгожданного оазиса. Было воскресенье. Озеро (его название Тугар-Салган) было облеплено людьми и автомобилями со всех сторон. С подъездной стороны даже имелись забор и пропускной пункт. Денис начал договариваться с охранником. Оказалось, что въезд платный — 100 рублей и мест нет. Но, узнав, что мы из Бижбулякского района, охранник, наверное, решив, что мы рулим прямо оттуда, видимо, проникся к нам сочувствием и пустил нас. Мы сразу его предупредили, что будем ночевать у озера, а выедем только утром.

Первым делом, оставив велосипеды у беседки охранника, мы залезли в озеро. После 32 км езды по жаре и восхождения на гору принятие водных процедур было са-

мым желанным моментом этого дня. С Денисом вдвоём решили переплыть на остров, который расположен почти на середине озера. Потом немного другим путём проплыли к берегу. Обсохли, забрали велосипеды, стали искать место для ночёвки, потому что день кончился к вечеру. Расположиться не удавалось. Все ровные поверхности были заняты. Народ перед началом трудовой недели домой не спешил. Временно примостившись под деревом недалеко от берега, мы решили перекусить в сухомятку хлебушка, печенья, кураги, чайку с сахаром попили. Потом ещё раз окунулись, чтобы смыть с себя усталость. Время уж разбивать лагерь, а мест как не было, так и нет. Поднялись от озера на холмик. Место ровное, удобное для установки палатки, но до воды и лесочка с дровами далеко. Отвязали вещи. Денис и Алексей поехали к ближайшему хутору за водой, а я пошёл к опушке сшибать сухие ветки для костра.

— С северо-западной стороны, — говорю ребятам, — дымка превращается в слоистые облака, которые постепенно движутся в нашу сторону. Погода будет меняться. Надо быть к этому готовым.

Кроме этих изменений в атмосфере, мы располагали также интернет-прогнозом от главного синоптика — нашего сослуживца Станислава Ермаченкова, который в это время нёс нелёгкую службу муниципального бюрократа.

Используя верёвку с привязанным к одному концу камнем как лассо, я нашибал сухих веток и, сделав несколько ходок, подтащил дрова к месту стоянки. Солнце уже заслонилось облаками. По скорости наслонения облаков я прикинул, что дождь начнётся не ранее, чем через 30–40 минут. Парни ещё не вернулись. Ну, думал, мне этого времени вполне хватило бы, чтобы поставить палатку. Не торопясь, развернул внутреннюю часть, расправил дно, растянул его, закрепил

колышки. Достал сложенные дуги, продел их в петли внутренней части, закрепил в колышках, связал между собой. Только собрался третью дугу ставить на тамбур, тут как налетит шквал! Обе дуги сложились как соломинки, палатка начала трепыхаться. Две пластмассовые скобы у основания палатки, в отверстия которых были закреплены колышки и концы дуг, разорвало по живому. Начинал накрапывать слабенький дождик. Думаю, сейчас в течение 5–10 минут первый шквал закончится, пока вещи не намокли, продолжу установку палатки. Закрепил колышки и дуги в петлях, в которых болтались остатки скоб. Вроде чуть ветер поутих. Только опять поднял и скрепил дуги, налетел порыв и опять всё повалил. Гляжу, Алексей и Денис поднимаются на холм.

— Народ, — сквозь порывы ветра кричу я им, — немного быстрее шевелите поршнями! — Палатку давайте ставить, пока дождь не полил.

— Мы за водой ездили аж в то село, где тушёнку покупали, — пояснил мне Денис. — Здесь на хуторе, мутные какие-то, нерусские живут и сказали, что у них нет воды.

Парни намотали ещё около 14 км только ради воды! А иначе — никак.

Продолжили мы установку палатки уже вдвоём. Денис изнутри, как атлант, натягивал дуги, а мы с Алексеем пытались натянуть верёвками и колышками парусину. Всё тщетно. Забыли, наверное, помолиться. Вместо этого из моего поганого рта сыпались проклятья и ругательства в адрес скоропостижно налетевшего шквала.

Надо было что-то предпринимать.

— Мы когда поднимались, там народ у озера уже начинал сворачиваться и уезжать. Может, там попробуем поставить палатку. Там ветер вроде поменьше, — предложил Алексей.

Вход в преисподнюю

— А если ливень ночью пойдёт, нас в низине за-
льёт, — говорю я.

Налегке спустившись вниз и прикинув «за» и «про-
тив», мы всё же решили перебазироваться. Темнело.
Перетаскали вещи. Дождик еле накапывал. Ветер по-
утих немного, а здесь в ложбине он чувствовался ещё
меньше, что позволило нам установить внутреннюю
часть палатки, а потом и внешнюю. Развели костёр,
быстро вскипела вода, в которую плюхнулось содер-
жимое двух пакетиков фасолевого супа быстрого при-
готовления и банки тушёнки. Ближе к полуночи суп-
чик был с большим желанием и аппетитом поглощён
тремя предельно уставшими, но не побеждёнными
любителями путешествий. Наше уединение вначале
было нарушено приبلудной собакой средних разме-
ров простых кровей и светлого окраса. Зверь был явно
не голоден, ибо отказался вылизывать банку из-под
тушёнки. Помыв котелок, мы ещё раз вскипятили воду
для чая. Дождь припустил чуть сильнее, но нам он уже
был не страшен. К 00.30 мы улеглись. Но отдохнуть
нам было не суждено. Уже ночью на «десятке» прие-
хали какие-то отдыхающие и остановились невдалеке
от нас. Эпизодически были слышны женские вопли
и идиотский смех. Мы были настолько уставшие, что
лень было даже идти на разборки. К утру эти варвары
так и не угомонились. Напротив, то ли «принцессам»
захотелось общения, то ли они дошли до кондиции,
но в наш адрес сквозь сон послышалось:

— Эй, велосипеды нам оставьте!

— Хватит спать!

Ну и тому подобный пьяный базар. Подходить к на-
шей стоянке они не решались. Наверное, вид собаки,
мирно спавшей у наших велосипедов, их несколько
смутил. Сон у меня прошёл. Начался рассвет. Я достал
блокнот и начал писать дневник. Потом развёл костёр,
вскипятил воду. Ребята тоже проснулись. Позавтракав,
спустились к берегу умыться и почистить зубы. Неда-
леко от озера встретили двух «принцев», сидящих у са-
модельного столика. Прощельги принимали утрен-
нюю порцию пива и сигарет. Типичная низкосортная
в наколах братава уездного пошиба. Под стать «прин-
цессам».

Свернули лагерь и к началу десятого утра выдви-
нулись от озера по направлению к деревне Ахмерово.
Двигались по мягкой грунтовке. Несмотря на ранний
час, припаривало.

Глава 3. «Страна затерянных пещер и водопадов».

После непродолжительного подъёма от озера
несколько километров наш путь проходил по равнине.
Дорога ровной линией уходила между обширными
полями.

Сельскохозяйственная спецтехника начала уже вы-
езжать на работу и поднимать завесу пыли, через кото-
рую нам приходилось проезжать. Через 6 км пути при
въезде в деревню Канакаево начался довольно-таки
неплохой асфальт, по которому мы докатили до Ахме-
рово. Наблюдательный Алексей Иванович сразу заме-

тил метрах в 100 по улице, уходящей в глубь деревни,
водоколонку. Это случилось как раз вовремя, запас
вчерашней воды закончился. Пекло уже прилично. На-
полнив все имеющиеся у нас ёмкости и термос холод-
ной водой и проехав ещё около полутора километров,
мы вернулись на вчерашнюю дорогу, ведущую от Стер-
литамака в Белорецк. Небольшие подъёмы и спуски
были настоящим удовольствием путешествия, прав-
да, немного подпорченным усиливающейся жарой.
Рельеф местности позволял двигаться с приличной
средней скоростью. Вначале собака, приبلудившаяся
к нам вчера, бодро нас сопровождала. Потом на спу-
сках начала отставать, но на подъёмах опять догоня-
ла. К 12.45, проделав 31,4 км пути, мы остановились,
дабы перекусить. Собачка безнадежно отстала, и боль-
ше мы её не видели. Места подходящего не было, по-
этому расположились в кармане с угрюмой железобе-
тонной будкой автобусной остановки советских времён
на повороте к видневшемуся с дороги селу Васильев-
ка. Перекусив и передохнув, под палящим солнцем
двинулись дальше. Отроги Уральских гор на подъезде
к районному центру Макарово выглядели очень живо-
писно. Молодые крепкие хлопцы рванули чуть вперёд,
я немного отстал и, двигаясь в щадящем режиме, на-
слаждался открывающимися за каждым новым пово-
ротом пейзажами. На некоторое время я потерял ребя-
т из виду, но спустя несколько минут возле моста через
речку снова заметил их, сворачивающих к берегу. Это
было ничем не примечательная речка Зиган, но её на-
личие оказалось как нельзя кстати. Денис и Алексей,
сняв обувь, плюхнулись в реку прямо в одежде. Прият-
ная прохлада обволакивала наши разгорячённые тела.
Плюс к этому некая водная животинushка покусывала
и пощипывала нашу кожу. Мы так и не поняли, кто это
был — мальки, пиявки или ещё какие-нибудь мелкие
пираньи. Омовение придало нам сил. Не представляю,
как иные путешественники по многу дней, а не часов,
как мы, путешествуют по пустыням, не имея удоволь-
ствия освежиться.

В село Макарово мы прибыли к половине третье-
го дня. Остановились у первого попавшегося магази-
на. Необходимо было запастись провизией, так как
впереди начинались горы с редкими поселениями.
Прогноз погоды тоже не радовал — на ближайшие
два дня обещали дожди при жаре 30 и более граду-
сов в тени. Тропики, одним словом. Учитывая относи-
тельную глушь, в магазине оказался вполне широкий
выбор свежих продуктов. Запаслись, как полагается,
хлебом и тушёнкой. Для перекуса взяли кефира и бу-
лочек. Алексей решил «упасть» на колбасу. Народ,
видать, небогато живёт там. Поэтому колбаса в мага-
зине была только варёная и очень недорогая, думаю,
что и соответственного качества. Алексею же она по-
казалась очень вкусной, и уплетал он её за обе щеки.
Трапезничали мы недалеко от магазина на автобусной
остановке, с шутками и прибаутками, веселя местно-
го безобидного жителя-бедолагу, на вид «временно
безработного», который присел на лавочку невдалеке
от нас. Осталось нам только докупить кураги и зубную

щётку для Дениса. У местных мы узнали, что дальше по улице есть ещё один магазин. Проехав около одного километра, мы остановились у этого двухэтажного сельского универсама и купили и щётку, и на удивление свежей кураги.

Далее в наших планах было посещение пещеры Девичьей, которая находилась невдалеке от нашего маршрута. Ребята задержались у родника прямо в селе, чтобы набрать воды, я же, доехав до предполагаемого поворота на пещеру, прислонил велосипед с поклажей к забору одной из усадеб, так как только там давали тень деревья, и стал их ждать. Вскоре и парни подъехали. К 15 часам после полудня мы намотали без малого 45 км. До предполагаемого места ночёвки оставалось по приблизительным прикидкам около 10 км. Это означало, что времени для посещения пещеры оставалось предостаточно. Судя по карте, до неё было не более 2 км. Денис Валерьевич оказался очень ценным участником экспедиции. Предпочитая спортивный уклон, он не очень увлекался исследовательской стороной путешествия, в особенности углублёнными проникновениями во всяческие норы, образовавшиеся в горных породах. Мне было очень отраднo, что вещи наши остаются под надёжным присмотром. Только мы с Алексеем собрались идти, из калитки вышел хозяин забора и попросил, чтобы мы не опирали свои велосипеды, потому как забор хлипкий и может завалиться. Мы, ребята воспитанные и вежливые, не стали вступать в полемику. Проехали метров 200 дальше и оставили Дениса с велосипедами у маленького магазинчика в тени нескольких деревьев.

— Вы долго собираетесь в пещере лазить? — спросил он нас. Понятное дело, ждать одному ему было не очень-то интересно.

— Не-е, — говорю, — что тут, два километра туда, два обратно, там минут пятнадцать. Максимум к половине пятого вернёмся.

И пошли по переулку, ведущему в сторону пещеры. Дойдя до конца переулка, в одном из последних дворов ещё раз уточнили местоположение пещеры.

— Да тут недалеко. Идите вверх по тропинке по ручью, — объяснил местный дядька. — Дойдёте до старого колодца, там налево в гору. Пещера почти на самом верху.

Пошли мы с Лёшей, как говорил мужик. Ручей протекал, спускаясь по горной долине. Все склоны поросли не очень густым лесом. Мы шли вверх по ручью и поглядывали на левый склон, пытаюсь разглядеть или саму пещеру, или хотя бы тропинку, ведущую к ней. Ручей вроде закончился, какие-то доски валяются.

— Может, это и есть остатки старого колодца, — говорю я. — Да и по карте пещера уже должна быть на горе слева. Надо подниматься искать.

И мы начали подниматься искать. А потом прошли по склону немного вперёд, поднялись чуть вверх и вернулись немного назад, а потом по диагонали, а потом ещё так и эдак. Пейзажи открывались изумительные, но пещеры нигде не было.

— Мы обшарили всю местность, — начал я размышлять вслух, — по карте она должна быть где-то здесь, не дальше. Да и мужик говорил, что она недалеко.

Прошло полтора часа, мы изрядно выбились из сил. Решили спуститься в долину к тропинке, но не ровно, а пологим спуском, забирая в противоположную от села сторону. Дошли до тропинки.

— Ну, всё, — сказал я, — давай снимем кино, о том какие мы горе-исследователи, и пойдём уже в село. Но главное, что мы пытались её найти...

— Да, мы отчаянно пытались, — подтвердил немного с огорчением Алексей.

Сделав небольшую видеосъёмку, мы начали возвращение. Не пройдя полных 100 метров, моё внимание привлекло некое искусственное сооружение. Прямо на тропинке был выложен круг из засушенных веток папоротника до 1 м в диаметре, в центре которого лежали три плотно прижатых друг к другу камня.

— Это ещё что такое? — обратился я то ли к Лёше, то ли к самому себе. — Что это за капище для религиозного поклонения?

Остановился. Положение камней отдалённо напоминало стрелку, указывающую на тот склон, который мы только что бороздили своими кроссовками. Присмотрелся. Вроде бы тропинка. В нескольких метрах валялась пустая пластиковая бутылка. Значит, промелькнуло у меня в голове, здесь ступала нога человека. Разглядывая дальше заросли и подлесок, заметил ещё одну бутылку.

— Ну-ка, — сказал Алексею, — подожди. Сейчас поднимусь немного. Понимаю, что мы устали, но это может быть как раз то, что мы ищем.

Прошёл полтора десятка метров по склону. Тропинка просматривалась, хоть и не совсем отчётливо.

— Ещё одна бутылка! — заорал я Лёше. — А вон выше ещё одна (Далее пошёл поток восторженной ненормативной лексики, ибо эмоции меня переполняли)! — Спасибо тому доброму человеку, который оставил нам знак на тропинке. Слава засранцам, бросавшим пустые бутылки на своём пути! — ликовал я.

Появился прилив сил. Мы в «-надцатый» раз начали восхождение. Нам попалался ещё кое-какой мусор, оставленный гомосапиенсами. Один раз по ходу нам попало уже знакомое место. Мы явно здесь проходили, только в перпендикулярном направлении. Поднявшись круто вверх от тропинки метров на 150 (и где-то 70–80 по абсолютной высоте), увидели вход в пещеру. Вход был невысок — 1–1,2 м.

Повесив на лбы светодиодные фонари, мы полезли внутрь. Через несколько метров ход расширился в галерею, переходившую в широкий выход. Здесь же было оставленное давно кострище, пара пустых бутылок из-под водки, несколько надписей на стенах. Явно следы деятельности не первобытных ребят. Длина этой пещеры была около 20–22 метров. Дальше был обрыв. На выходе справа оказался карниз с тропинкой. Пройдя по нему, мы увидели ещё один вход, такой же неширокий и ведущий в обратном направлении. Аккуратно начали в него залазить. Через 6–7 метров он пе-

реходил в галерею, которая дальше сужалась с некоторым наклоном вниз. Пройдя по ней несколько метров, Алексей заметил просвет в другом конце. Значит, и эта часть пещеры была сквозная. Её длина составила где-то 40 метров. Там тоже были следы кострища и скелет челюсти какого-то небольшого млекопитающего. Всё это мы снимали на видеокамеру. Велико было желание протиснуться на тот край. К большому сожалению, фотоаппарат, сумку от видеокамеры и другие вещи мы необдуманно оставили на входе в первую часть пещеры. Постояв немного в прохладе подземелья и полюбовавшись «обиталищем гномов», пробрались обратно. У выхода на тропинку я немного изменил конфигурацию камней, добавив к ним ещё один треугольный. Теперь это сооружение стало больше напоминать стрелку указателя. Спустившись по тропинке на несколько десятков метров, действительно миновали старый колодец и быстро стали возвращаться к месту, где нас ожидал Денис.

Обещанное ему время возвращения давно истекло. Его донимали местные сельяне. Один, узнав, что двигаемся мы из Бижбулякского района, и признав в Денисе Валерьевиче земляка, начал его завлекать предложениями о совместном поглощении пива. Денис совсем не проникся великодушным предложением и наотрез отказался. Потом его стали донимать пчёлы. Не те, которые приносят мёд, а те, которые нагло нападают

на ни в чём не повинных путников. Одно такое насекомое, с перегретым на солнце надглоточным ганглием вместо мозга, атаковало шею нашего уважаемого Дениса Валерьевича и оставило на ней свой подлый укус. А тут ещё и мы куда-то запропастились. Представляю, как он замаялся нас ждать на солнцепёке. Появились мы только к 17.30. Запаслись водой и двинулись дальше.

Асфальтированная дорога закончилась. Началась гравийная, местами переходящая то в грунтовую, то в щебневую. Несмотря на вечернее время, припаривало, как в духовке. Постоянно хотелось пить, благо воды хватало. Дорога шла по ровной долине вдоль русла реки Сикася. Навстречу с сенокосных участков и летних ферм, расположенных в горах, возвращались крестьяне. И на чём возвращались! В кузовах ЗИЛ-157.

Слева в прямом смысле стеной вставали западные отроги Уральских гор, поросшие лесом. Через 6–7 километров мы подъехали к пещере Салаватская. Она хорошо просматривалась с дороги на другом берегу пересохшего русла реки. На этом берегу было заезженное колёсами автомобилей место, там мы сделали остановку. Вход в пещеру был большим — несколько метров в длину и ширину, и на несколько метров приподнят от уровня русла реки. Стены входа, насколько проникал взгляд, все были покрыты, мягко скажем,

Фото: В. Садыршино

граффити. Мы с Денисом не стали посещать это место «помойничества». Алексей Иванович, несмотря на усталость, всё-таки взобрался к входу и немного углубился, но, не получив должного романтического удовлетворения, скоро вернулся. По карте до водопада Кук-Караук, расположенного на одноимённом ручье, который является притоком Сикаси, оставалось около 3 км. Дорога пошла волнами с преобладанием небольших подъёмов. Доехав до мостика через ручей в том месте, где он впадает в реку, мы остановились. Пересохшее русло реки уходило на север к своему истоку, живой ручей истоком уходил на восток. Дорога тоже круто поворачивала на восток, следуя руслу ручья.

Где же водопад?

Невдалеке от мостика располагались вывозные пачеки. Возле одной, кроме пчёл, никого не было. Мы с Алексеем направились к другой. Там стояла «одинадцатая», и в ней на разложенных сиденьях отдыхал мужчина лет 65, на вид русский. На вопрос, где же водопад, он отвечал, что не помнит точно, так как не был там «с пятьдесят девятого года». Это притом, что по карте этот объект должен находиться в радиусе одного километра от пачеки! Накопившаяся за день усталость, душный вечер, экзотические для горожанина грузовики и такой ответ! На короткий момент я засомневался в реальности происходящего — было мгновенное состояние провала во времени.

Парни решили вернуться на несколько сот метров к пещере и расспросить о водопаде у скалолазов и юных спецназовцев, которые там занимались. Через некоторое время они вернулись, так и не получив никакой полезной информации. Мы решили двигаться по дороге вдоль ручья дальше. Через пару минут нам навстречу запылила машина. В старенькой «девятке» ехал не совсем старенький мужчина. Я решил использовать этот шанс. И не зря. По его словам до водопада было около одного километра. Он рассказал, что водопад почти полностью пересох, но маленькая струйка всё же оставалась. Вдохновлённые полученной информацией, мы продолжили путь. По велокомпьютеру один километр от места встречи с мужчиной на «девятке» миновал, а водопада не было. Русло ручья

проходило справа от дороги и немного отдалялось. Через несколько десятков метров между дорогой и руслом ручья показалась поляна. Алексей сходил на разведку и рассказал, что напротив поляны ручей пересох, а начинается он родником (а может, продолжает свой путь из-под камней) немного ниже по пересохшему руслу. Уже втроём мы вышли на поляну. Осмотрелись, сходили к месту, где начинался ручей. На поляне было и ровное место, для того чтобы установить палатку, и место от старого кострища. По берегам пересохшего русла валялись принесённые паводком сухие ветки. Вода в ручье была довольно чистая, по крайней мере, её можно было перекипятить. Решили разбивать лагерь в этом месте, так и не добравшись до водопада. Сквозь духоту вечера моросил дождик. Мелкая мошка роилась и лезла в глаза. К нашему счастью, не кусалась.

Ребята установили палатку, я развёл костёр и поставил ужин. Наскоро поев супчика и попив неимоверное количество чая, мы спрятали вещи и немного дров в тамбур палатки и завалились спать. Почти сразу после отбоя началась гроза и припустил ливень.

Глава 4. «Слишливо или welcome to Новосаитово».

Ночь прошла спокойно. Проснулись мы достаточно поздно — в 8.40, видно, хорошо намаялись за вчерашний день. Дождь закончился ещё ночью. Под куполом палатки скопилось великое множество мошки — прятались от дождя. Поскольку мы находились в ложбине, солнце только-только начало показываться из-за гряды. Из сохранившихся сухих дров развели костёр, да и те вет-

ки, что не были спрятаны, уже успели немного подсохнуть.

Пока закипала вода для чая и на запас, совершали утреннее омовение в ручье и готовили велосипеды к предстоящему переходу. Впереди нам предстоял долгий подъём до перевала на уровне 691 метр по грунтово-гравийной дороге. Наружный тент палатки был влажный, пришлось ещё потратить время на его просушку.

Выехали мы только в 11.20. Опять припаривало. Было жарко и душно даже в футболках. Рои мошки продолжали забивать нам глаза, ноздри и уши. Интересно, в том месте каждый год бывают такие полчища отряда двукрылых или же мы просто попали на всплеск численности?

Проехали мы не более 400 метров и справа внизу увидели обрыв, нагромождения огромных камней и сходни. Это было то место, где по весне и в более полноводные годы бурлил водопад. Очень здорово, что мы не остались здесь на ночёвку, ибо места для разбивки лагеря в окрестностях водопада не было совсем.

Начался подъём. Почти на всём своём протяжении он был достаточно крут. Всё время ехать не получалось. Мы спешивались и медленно толкали вперёд и вверх свои гружёные велосипеды.

Двигались медленно, пытели. Спустя приблизительно полтора километра от водопада увидели, катится с горы нам навстречу такой же, как и мы, велотурист.

— О-о-о! Коллега! Мы рады тебя видеть! — приветствовали мы его. — Откуда путь держишь?

Он остановился.

— Я — француз, — ответил он с некоторым акцентом.

Это было неслыханно! В такой уральской глуши увидеть одинокого француза. По-русски он почти не говорил. До того дня я считал, что сносно владею английским языком. Поэтому я предложил французу общаться на английском. Он оживился. Начал рассказывать, что он путешествует из Китая в Париж. Что он пилот и много раз летал по этому маршруту, а теперь решил проехать его на велосипеде. Путешествует уже шесть месяцев, и проехал 7000 километров. В одиночку! Я себя рядом с ним сразу почувствовал беспомощным младенцем. То ли от неожиданности, то ли от отсутствия разговорной практики я не мог толком связать ни одного предложения. Благо Денис пришёл мне на помощь. И таким способом мы вдвоём с помощью отрывочных английских фраз, вперемешку с русскими словами и жестами разузнали немного о его путешествии и немного рассказали о нашем. «Велик» у него был «покруче» наших, рама от кросс-кантри и широкие шоссейные шины, которые уже изрядно стёрлись от езды по каменистым дорогам. На багажнике и впереди рюкзаки-штаны были из непромокаемого материала. Спал он в палатке или у людей, если те его приглашали. При этом денег за постой не брали.

— Русский и казах — welcoming people (гостеприимные люди), — говорил он.

А вот нам что-то не один «пиплоид» ни разу не предложил «на халявку» заночевать. Надо, наверное, было «косить» под иностранцев.

Мы сфотографировались. Нас он всё время снимал на камеру, которую установил на велосипед. Классно, в общем, пообщались. Только вот познакомиться забыли. А ведь могли бы и даже обменяться электронными адресами, могли бы и на видео снять, но не догадались. Опыта в международных отношениях явно у нас ещё маловато было тогда.

— Good luck (Удачи)!, — пожелали мы друг другу, и уже начали, было, разъезжаться.

Тут француз обратился ко мне:

— Can you know what's mean «слишливо» (Не знаете, что обозначает «слишливо»)?

Может, думаю, это название какого-то населённого пункта. Да вроде бы такого поблизости нет. Денис тоже пожал плечами. На том и разошлись. Протацились чуть в гору, и тут у Дениса случилось озарение:

— «Слишливо» — это же «Счастливо» — «Good luck»!

Но было уже поздно, француз давно скрылся из виду. Так это «слишливо» за нами прицепилось и до сей поры.

Несмотря на жару и постоянные подъёмы, этот участок не казался нам уж таким трудным, так как грунт был сухим, непыльным, велосипеды не подводили, да и мы за ночь успели восстановиться. Вода пилась большими порциями и уже подходила к концу. Надо сказать, что в день каждый из нас во время путешествия выпивал около 6 литров воды, включая чай и суп. Мы знали, что впереди должен быть источник.

К 15.45, преодолев всего-то около 14,5 км пути, мы достигли родника. Расположившись под оборудованным скамьями и столом навесом, мы принялись за скромную трапезу. С удовольствием поглощали курагу с серым хлебом, запивали водой из родника и рассуждали о предстоящем пути. Вода здесь была очень чистой и вкусной. Сюда подъезжали и водовозки с окрестных поселений, и легковые машины с пластиковой тарой даже из Уфы. Пополнив запасы пресной воды, двинулись дальше. Теперь подъёмы и спуски должны были начать чередоваться. Погода начала понемногу портиться, временами накрапывал дождик.

За родником начинался двухкилометровый спуск в Кулгунино — весьма крупное для данной местности сельское поселение. От него в разные стороны отходят просёлочные дороги, ведущие и оканчивающиеся в маленьких горных деревушках. От родника до центра села расстояние в 4,5 км мы преодолели за 15 минут, успев даже сфотографироваться.

По центральной дороге нам попалось всего два сельских магазина, в одном была приветливая продавщица, а в другом — не очень. Тушёнки-то мы купили и печеня овсяного, а с хлебом была напряжёнка. И этого следовало ожидать.

На выезде из села дороги ответвлялись то в одну, то в другую сторону. Ориентируясь по карте и по указаниям аборигенов, мы вырулили на нужное направление и двинулись дальше. Погода окончательно начала

портиться, дождь временами припускал всё сильнее. Через несколько километров мы встретили молодого человека из местных, шедшего под проливным дождём нам навстречу. Поздоровался.

— Я вас уже видел, — сказал и дальше зашагал.

Вот так вот.

От дождя дорогу немного развезло. Колёса начали скользить, особенно на мелких камешках. Местность была безлюдная: «... ни зверей, ни машин, ни людей...». Сама глушь. Мы упорно двигались вперёд, зная, что в такую погоду ночевать и разводиться огонь будет явно не комфортно. Часто на подъёмах велосипед приходилось с огромными усилиями выталкивать. Выглядело это примерно так. На первой передней и первой задней передаче докручиваешь до того момента, когда скорость падает до четырёх и ниже километров в час. Потом спешиваешься и начинаешь толкать велосипед, отмеривая в уме 50–100 шагов в зависимости от крутизны склона. Когда дыхания уже не хватает, останавливаешься на 1–2 минуты для того, чтобы отдышаться. Переднее колесо разворачиваешь в такое положение, чтобы велосипед не тащило вниз. Потом всё опять повторяется. При этом не знаешь, за какое место велосипеда ухватиться. Потому что при толкании двумя руками за ручки руля через пару-тройку подходов устают плечи — вес клажи и самого велосипеда около 30 килограммов. В конце каждого подъёма, после каждого поворота, мы надеялись, что вот наконец-то подъёмы и спуски закончатся. Но подъём продолжался или переходил в неудобный спуск. Потом опять начинался подъём. И этому не было конца. Момент ожидания сменялся очередным разочарованием. Мы ржали над этим нескончаемым процессом, над самими собой и матерились от души.

На месте бывшего села Кудашево справа от дороги стояло большое скопление автодорожной техники. Где-то что-то строили. Начался опять затяжной подъём, дождик закончился, начало припаривать. Через некоторое время опять пошёл дождь, и стало прохладно.

К вечеру, уже после восьми часов, преодолев от Кулгунино более 20 км, а всего за день 39,5 км, мы с дрожащими от усталости телами въехали в деревню Новосаитово. Следующая деревня Бретьяк была больше по размерам и находилась в 3,5 км дальше по маршруту. Но продолжать движение уже не было сил. Начали расспрашивать у местных, где можно заночевать. Один из мужчин провёл нас к каким-то старичкам. Мы с Алексеем вошли в их избушку. Люди оказались приветливые, но, судя по внутреннему убранству, не очень чистоплотные. Дедушка был умеренно подвыпивший. Мы решили с помощью нашего добровольного гида подыскать вариант получше. Алексей пошёл на разведку.

В итоге мы нашли приют в большой усадьбе. Нам был выделен отдельный дом, в котором обитали до постройки нового. На подворье располагалось много хозяйственных построек и техники: автомобильной, мотоциклетной и сельскохозяйственной. Сразу бросалось в глаза, что народ здесь живёт работающий. Договорились — за всех и все удобства мы платим 500 рублей.

Вот вам и welcoming people! Удобства соответствовали уровню приблизительно минус три звезды. Отхожее место, понятное дело, было на улице. Для приготовления пищи нам предоставили небольшую железную печку прямо на подворье. Дрова дали сухие для растопки, и за это большое спасибо. В доме стояли две раритетные «прабабушкины» кровати, застланные «прадедушкиными» одеялами и покрывалами. Глядя на них, мы сразу и единодушно решили спать на полу в спальнях мешках. Ещё был столик и маленький телевизор, который показывал лишь одну программу «БашТВ». По полу пешком ходили уховёртки, и, стесняясь нас, прятались в щели, и опять вылезали. У нас с собой были инсектициды и репелленты в аэрозольных баллончиках. Мы устроили небольшую газовую атаку и пошли готовить еду. Меня бил небольшой озноб от усталости, поэтому главным по кухне в тот вечер был Алексей Иванович. Варил он нам гречневую кашу с тушёной.

У меня в рюкзаке «почти случайно» оказалась металлическая 180-граммовая фляжка с пьянящим зельем, которое предположительно в ограниченных дозах употребить, если наступят тяжёлые времена. Предварительно изучив маршрут, я предполагал, что этот день будет являться для нас самым трудным. Поэтому объявил о том, что тяжёлые времена уже наступили, и предложил приложиться к фляжке не как к объекту порока человеческого, а ради восстановления физического и душевного равновесия. И был поддержан всеми без исключения членами нашего немногочисленного коллектива. Котелок с кашей мы принесли в дом, налили по чуть-чуть и славно отужинали. Не было и нет ничего приятней, чем три раза по двадцать капель, да ещё с кашей, приготовленной на костре и заправленной тушёной! Да ещё после трудного дня, в южноуральских горах в небольшой деревушке Новосаитово, в которой всего-то чуть более пятидесяти дворов.

Пока закипала вода для вечернего чая, а времени уже было половина одиннадцатого, с поля (или луга) вернулся на новом тракторе «Беларусь» глава этого большого семейства Флюр. Познакомился с нами, порекомендовал убрать даже пристегнутые замками велосипеды со двора в сени, дабы не возбуждать любопытства у местной молодёжи. Попив чая, мы по очереди спустились по переулку Звёздному (!) к недалече протекавшей речушке умыться.

Пока ребята ходили к речке, я, слегка уже расслабленный, обратил внимание на сборник кроссвордов на башкирском языке, лежавший на одной из кроватей. Больше половины слов в кроссворде было разгадано. Ради интереса заглянул в тумбочку под столом. Среди стопки беллетристики лежал томик Даниила Гранина. Казалось бы, глухая деревня, не искушённый достижениями цивилизации народ всё время работает, а, поди ж ты, тянется к просвещению и духовному обогащению, так сказать.

Постелили мы коврики на полу, на них положили спальники и благополучно отошли в царство Морфея, уж не помню, в котором часу.

Дмитрий Хлопунов

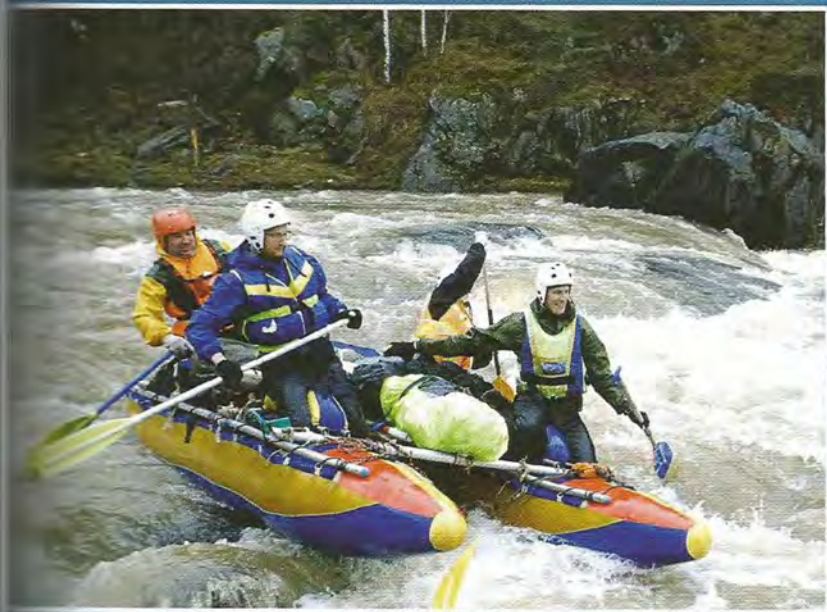
САКМАРА 2011

Второй раз в ту же реку

(записки инструктора школы водного туризма)

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Приближение мая всегда волнительно. За спиной остались занятия в школе водного туризма, руководители суетятся, составляя раскладку и расписывая участников по экипажам. Как всегда, на работе, заслышав об очередном отпуске на «майские», крутят пальцем у виска и говорят: «Ну что с тобой делать!». День отправки наступает всегда внезапно. Как, уже послезавтра! Но вот закончилась беготня по магазинам, перевозка снаряги на пункт сбора, и окрыленный турист, собрав всё, что забыл при сборах дома, закрывает за собой дверь и едет на встречу с мечтой, нежно хранимой в душе всю зиму.

Всё! Теперь его не смущают маленькие неудобства, и душный, трясущийся автобус переносит его из мира реального в мир мечтаний. В голове ещё живы воспоминания годовой давности: дорога, мост, стапель. Знаю точно, где сейчас выйдем, где расположимся, где переоденемся.

И вот она — красавица Сакмара! Но на берегу, где рассудок рисовал полчища туристов, стоят юрты, украшенные как для встречи дорогих гостей. Происходящее не на шутку взволновало. Зачем, для кого, что происходит? Но другого выхода нет, десант туристов вываливает на поляну и обходит юрты стороной. На берегу, кроме юрт, оказывается сцена и люди в национальных, башкирских костюмах. После высадки нашего десанта к нам подошел представитель местной администрации и вежливо попросил быстро не отчаливать. Как оказалось, весь праздник организован исключительно для нас как открытие туристического сезона администрацией Зилаирского района республики Башкортостан с одной лишь целью повышение туристической привлекательности района. Деликатно интересуемся насчёт оплаты. Каково было наше удивление, когда с нас не только не попросили денег, но и пообещали «дать воды» — увеличить водосброс с расположенного выше по течению водохранилища (мой туристический разум в шоке). Где еще увидишь такой приём, когда тебя угощают чаем со сладостями и воды в реку добавляют! Программа оказалась действительно насыщенной, встреча туристов хлебом-солью, выступления народных коллективов и местных исполнителей, щедрые угощения домашней выпечкой и чаем. Глава Зилаирского района лично поздравил всех присутствующих с открытием сезона, такого мы даже представить не могли!

Но прочь от мирского! После недолгих сборов передовой отряд в составе трёх каяков и одноместного надувного судна «Waterfly» уходит на «захват» места под стоянку для 60 человек на пороге Яманташ. Всегда поражаюсь, как мало надо человеку для полноценного отдыха, и тем дороже эта малость. Ощущать под собой тяжелый, груженный каяк, вдыхать ветер, летящий в лицо. Вновь нахлынули воспоминания: в прошлом году шел здесь на катамаране, тогда были совсем другие ощущения, но память быстро вспоминает каждый поворот. Воды действительно налили, и поток весело тянет за собой суда, унося их все дальше от цивилизации.

Первый порог «Ложный Яманташ», все по-серьезному: зачалились, пошли на разведку. Эмоции переполняют, даже самое простое препятствие встречаешь с восторгом. Решили, что первыми пойдут Паша, как самый опытный, и Серега, как самый непопляемый. Год назад передовая группа ошиблась и стоянку организовала за этим порогом, а мы, догоняя их, пролетели «Ложный Яманташ», почти не заметив. Сейчас все иначе: другое судно, другая вода.

Войдя в слив порога, получаю долгожданные ощущения и порцию холодной воды в лицо. Валы играючи подбрасывают груженный каяк с увесистым гребцом, аттракцион, да и только! Переполняемый эмоциями, выпрыгиваю на берег и бегу снимать Лехин проход. Большой зеленый озерник, явно не рассчитанный даже на вторую категорию сложности, войдя в слив порога, быстро наполнился водой и перевернулся. Проскользив мимо двух выброшенных нашими челябинскими соратниками, стоящими на страховке «концов», не попавших в цель, Леха сам достал из реки свое судно и весло. Хорош тот «киль», который удачно закончился.

Настоящий порог Яманташ целиком проходили уже только двумя лодками, с каждым сливом все больше влюбляясь в каяк. Только теперь понимаешь, что никакие лекции, проводимые нами в школе водного туризма, не сравнятся с живой практикой на реке. Люди, еще недавно не держащие в руках весло, после каждой возможности пройти с инструктором по порогу меняются на глазах.

К сожалению, без боевой тревоги на этот раз не обошлось. Вечером, изготавливая стол, Игорь серьезно повредил палец. Решение доктора как приговор — требуется транспортировка в больницу. Предстоит ночной марш-бросок в Юлдыбаево. Никогда не думал, что одиннадцать километров по пересеченке могут так умотать. Но впереди целая ночь ожидания такси на автозаправке. В трубке неоднократно слышим заверения диспетчера из Баймака, что машина уже вышла и скоро водитель нам позвонит. Группу поддержки и ребят из Уфы, вызвавшихся ночью показать нам дорогу, решаем отпустить.

Только под утро, потратив почти весь баланс на трёх телефонах, дозваниваемся до одного из нескольких таксистов из списка контактов работницы заправки. Славная женщина! Всю ночь помогала искать транспорт и напоила нас кофе.

Приехавшего с рассветом таксиста встречали с неподдельной радостью, он увёз ребят сразу в Екатеринбург. Возвращаясь, решили группу не задерживать, и после кружки компота и полтора часового сна собрались и отчалили вместе со всеми.

Правда, прохождение шиверы в полусонном состоянии вряд ли забудется, жаль только, камеру на каяку не успел поставить из-за ночных переключений.

Ничего не может так быстро ублажать усталого водника, как полноценный ходовой день на сорок два километра, если верить «духам гармина», в сочетании с красивейшей природой и веселыми перекатами.

Утро было облачным. Неправ был завхоз, выдав на дневке накануне ананасы для приготовления компота. Этот коварный фрукт уже не раз вызывал необъяснимые погодные изменения. Грести под дождем — занятие не из приятных, зато есть, что вспомнить, лежа дома на теплой кровати. Очередное препятствие встретило нас под хмурым небом — порог Баракал. Камни, когда-то упавшие в реку, образуют разгонную шиверу, а в самом конце — небольшой метровый

слив. Порог несложный, но коварный, множество струй, образующихся между камнями, направляя, подталкивают судно куда угодно, только не в следующий проход. Вследствие чего кто-то садится на камни, а кто-то выходит с катамарана от удара о громадный кусок скалы в центре русла, веселуха! Во время прохождения последних экипажей зарядил нешуточный ливень. Сидя в каяке, чувствовал себя подводной лодкой, рассекающей пространство между водой снизу и водой сверху.

Точно! Ананасы были в компоте лишними!

Долгожданная шивера, прозванная Сергеем Михайловичем в прошлом году «Электричкой» за характерный звук при приближении, не оправдала наших надежд. Залитая водой, она лишь намочила нам лица. День оказался переполнен событиями, но забыть главное не смогли! Год назад, четвёртого мая, в Иране на реке Бахтияри при прохождении порога «лагерный» погиб Антон Ряжкин, наш соратник и единомышленник, один из руководителей нашей школы водного туризма. В его память пустили кружку со спиртом по кругу, поговорили.

Наши неутомимые рыболовы утром получили первый улов, только поплавки с кустов снимать пришлось каякерам. Дождь уже порядком надоел и, вопреки искусно приготовленному на по-

следней стоянке тарту с ананасами, решено провести мероприятия по улучшению погоды. Превратив два каяка и спасжилет в музыкальные инструменты, просили хорошей погоды. Все дружно хохотали над нашим каякерским дуримарством, но погода на следующий день была прекрасной, и катамараны перед загрузкой в автобусы удалось высушить.

Глядя в запыленное окно автобуса на гладкий до горизонта башкирский пейзаж, невольно мечтаешь о следующем путешествии, мысли о котором будут греть каждого водника холодными зимними вечерами. А впереди у нас целое лето приключений и сплавов, ведь школа водного туризма – это состояние души.

Последнее испытание

Этого дня ожидали многие. Несколько месяцев вёлся отбор кандидатов для полёта на Землю. Желающих было предостаточно, в команду отбирались лишь лучшие. Пройдя множество испытаний, среди счастливых оказался и Никита Титарёв. Корабль, полностью подготовленный к полёту, стоял на космодроме, оставалась всего одна формальность. Космонавты по одному исчезали за дверью медотсека, через несколько минут появлялись, легонько потирая плечо. Техники помогали им надевать костюм и маску. С шипением отъезжала вбок дверь, улетающие уходили по коридору. Никита пытался разглядеть, что там было за дверью, но, кроме куска серебристой стены, ничего интересного не увидел. Титарёв немного волновался, лишь у него наблюдалась негативная реакция на прививку, всё почти в пределах нормы, но кто знает, какие в центре требования. Ещё не хватало провалиться на последнем этапе. Полёт на Землю был его давней мечтой. После тридцати поселиться под новым именем на планете, где исполняются все желания, начать новую жизнь. Чего он мог добиться на Виоле? Должности старшего мастера на заводе по переработке пластика? Нет уж, увольте. Жену Никита планировал забрать с собой. Потом, если Женька дождётся. Житель Виолы, перебравшийся на Землю, мог послать вызов родным, тогда и им разрешалось приехать. Правда, мало кто пользовался этой привилегией, приживались, забывали, заводили новую семью. На Виоле их никто больше не видел. Хотя здесь мало кто жил вместе с родственниками. Не та планета.

Подошла, наконец, очередь Ника пройти в медотсек. С потолка опустился иньектор, похожий на серебристый бластер. Жужжание, лёгкий укол в плечо. Головокружение, на мгновение плакат с инструкцией расплылся в белёсом тумане. Никита качнулся вперёд. В ушах послышался женский крик, стоны, холодные слова. «... привести в исполнение».

В дверь постучали.

— Никитос, ты что там — заснул? Время.

Ник пошарил, открыл дверь. Чья-то рука поддержала его. Никита опустился в кресло, спиной ощутил холод пластика.

Плохо, совсем плохо, только глюков не хватало для полного счастья. Нужно взять себя в руки. Он с усилием потёр щёки, поморгал. Постепенно пелена рассеялась, теперь можно было одеваться. Рядом копошились оставшиеся соискатели. Слышался шорох комбинезонов, приглушённые разговоры. Никита поднялся, нашёл шкафчик со своим номером. Достал защитный комбинезон. Техник помог натянуть маску. Никита собрал длинные светлые волосы в хвостик, стянул резинкой.

— Это нужно снять, помешает, — сказал техник.

— Хорошо, — Титарёв расстегнул серьгу, сжал в кулаке. Подарок Женьки. Не потерять бы. Он сунул украшение в нагрудный карман, тщательно застегнул клапан.

— Готов? — прогремел голос из динамиков под толчком.

— Да, можете открывать, — ответил техник.

Никита поправил на поясе сумку. Скоро он присоединится к группе. На массивной бронированной двери грозно алел плакат. «Помни: Земля любит сильных».

Все об этом знали. Виола, закрытая, холодная и негостеприимная, неохотно отпускала своих жителей в райские кущи, разве что после смерти. Самый верный и быстрый способ, но он почему-то никому не нравился.

Дверь открылась, Никита шагнул через порог, во рту мгновенно пересохло. Вот оно. Серебристый коридор заканчивался ещё одной дверью, с виду тяжелей и толще прежней. Титарёв почти бегом добрался, толкнул массивную створку, повинувшись движению, перед ним открылся вход в полутёмный пустой зал.

Мargarита Ленская родилась 8 сентября 1976 года в Казахстане, в городе Алматы. В 1997 году закончила Алматинский Государственный университет им. Абая по специальности психология-биология.

Впервые опубликовалась в 2007 году в соавторстве с М. Дробковой с рассказом «Экшн от киберпанкера» в альманахе «Безымянная звезда». Финалист и призёр литературных конкурсов. В данный момент есть несколько публикаций в России, Казахстане и США.

Никита вошёл, огляделся. Станный накопитель для путешественников. И куда дальше идти? Ожил динамик возле левого уха.

— Никита Титарёв? — спросил усталый голос.

— Он самый.

— Мы только что получили из больницы сообщение. Титарева Евгения — это ваша супруга?

— Ну да.

— Вам необходимо срочно приехать, положение очень серьёзное.

— Что случилось?

— Авария на комбинате. Подробности узнаете при встрече.

— Но я уже в накопителе, готов к полёту.

— Решать, конечно, вам, время ещё есть.

Он глянул на часы. А может, по-быстрому съездить, наверное, ничего страшного, чмокнет жену в щёчку, делает всё необходимое и назад. Столько лет вместе, прошли через многое. Женька добрая, поймёт...

Никита выскочил в отсек проверки, как можно быстрее разоблачился и помчался вниз к стоянке. Старенький мобиль приветственно мигнул фарами. С шуршанием поднялась дверь. Никита сел в кресло, поёрзал, чувствуя, как оно принимает форму тела. Ввёл нужную программу. Мобиль приподнялся, ворота распахнулись. Замелькали деревья, мобиль помчался к больнице, выбирая наиболее короткий путь. Вскоре показались белоснежные корпуса лечебного комплекса. На въезде висел гигантский билборд. Белозубый мужчина широкой ладонью указывал в сторону Солнца: «На Землю с просветлённой душой». Никита припарковался возле опоры, поддерживающей щит, вышел, посмотрел вверх. Хороший лозунг, вот только многие хотят, да не у всех получается.

Ситуация оказалась даже хуже, чем Никита мог предположить. Женя лежала на кровати, тело почти полностью скрывали повязки. Лишь на голове из-под бинтов торчало несколько коротких чёрных прядей. Карие глаза неподвижно смотрели в потолок. Казалось, жена замерла, затаилась, и, если сейчас потревожить неосторожным движением, невыносимая боль настигнет её сдавит, задушит навсегда.

Врач поманил Титарёва. Никита тихонько, боясь испугать больную, подошёл и спросил:

— Она будет жить?

— Увы, шансов мало. Возможно, пойдёт на поправку, но страдания будут невыносимы. Сами знаете, лекарства доставляются сюда с перебоями. Мы сможем немного облегчить боль, но убрать её... — доктор развёл руками.

— Что же делать?

— Вы можете помочь. Один укол, и ваша жена спокойно уснёт навсегда, а мы сохраним для вас виртуальную копию. Будете видеть её во время полёта, даже разговаривать. Разницы почти нет.

— Но я так не могу!

— Тогда вам придётся сидеть здесь сутками. Скорее всего, Евгения останется инвалидом. О полёте на Землю придётся забыть.

«И откуда он всё знает?» — мелькнула тревожная мысль. Никита бросил взгляд на часы. До отлёта оставалось совсем немного. Скоро придёт конец всем мечтам.

— Если вы согласны на эвтаназию, мы уже всё приготовили. Вот подпишете бумаги, и Евгению будет ждать покой.

— Может, это вы сделаете, ну как специалист.

— Нет, — голос врача стал жёстким. — Решение принимать вам. Не бойтесь, придётся всего лишь нажать вот на эту кнопку, игла войдёт быстро и безболезненно.

Титарев задумался. Эвтаназия на планете Виола оставалась большой редкостью, но время от времени это случалось. Всё происходило тайно, никто не вмешивался в решение родственников.

Никита прислонился к стене. Перед глазами прошла вся жизнь с Женей. Хотелось вспомнить что-нибудь доброе, светлое, а вместо этого проклятая память услужливо подсовывала не самые лучшие моменты. Скандалы, проблемы, почему всё хорошее зачастую тонет в море грязи. Стыдно-то как. Из бокса раздался протяжный стон. Никита бросился внутрь. Женя перевела взгляд на мужа.

— Больно, — прошептала она.

— Подожди, милая, сейчас станет легче, — пробормотал Никита.

Титарёв осторожно провёл пальцами по безвольной руке. Губы Жени дрогнули. Сколько раз он целовал их. Женя с трудом повернула голову, прошептала:

— Вспомни... Помоги...

— Да, да, милая. Всё будет хорошо.

Никита обернулся, к нему подошёл врач, держа наготове полупрозрачный документ. Титарёв с трудом вывел подпись. К шее жены придвинулся инъекционный аппарат. Ник никак не мог нажать на кнопку, руки не слушались, словно стали чужими.

— Ну же, — поторопил врач. Титарёв замер. Земля любит сильных, наверное, это правильно — любыми средствами прорываться к мечте. Где-то он уже слышал такое. Никита сжал зубы, потянулся и нашёл, наконец, кнопку, мелькнула игла, будто ужалила. Женя даже не заметила укол. Ник взял её руку, поднёс к губам. Пальцы в ответ слабо пошевелились.

Скоро всё будет кончено и он уедет, убежит, спрячется на чужую планету и постарается забыть этот чёрный, немигающий взгляд. Холодеющие руки, тело, из которого медленно уходила жизнь. Никита посмотрел в лицо жены. Протяжный писк сообщил об остановке сердца. Титарёв заткнул уши, спасаясь от невыносимого звука, и выскочил из бокса. Уткнулся лбом в стену. На плечо легла рука.

— Всё кончено, — врач вынул мини-комп и ввёл цифры. — Остались ещё небольшие формальности. Пройдите вот в эту дверь.

Никита боязливо глянул на кровать. В полуоткрытую дверь было видно, что над телом уже хлопотали робомедики, готовили к виртуализации. Титарёв отвернулся и вышел...

Свет искусственного солнца. Привычный для Виолы лиловый рассвет.

— Никитка, вставай, пора на службу.

Женя тормошила его, Ник мычал, отворачивался, зарывался под одеяло. Идти на работу не хотелось.

— Когда объявят начало подачи заявок на полёт к Земле, обязательно поучаствую, — сказал он, прихлёбывая суррогатный кофе. — Надо, наконец, попробовать. Надоела эта дыра. Выберусь и тебя вытащу.

— Конечно, дорогой. Уверена, у тебя всё получится, — грустно улыбнулась Женя. Тихо шепнула в спину отвернувшемуся мужу. — Хотя бы на этот раз.

Никита позавтракал, чмокнув жену, помчался на работу. В окошко Евгения видела, как муж сразу же сел в служебный автобус.

Она заправила за ухо мешавшую прядь волос, взяла узкий серый конверт. Открыла, тихонько звякнула о подоконник выпавшая серёжка. Женя подобрала украшение, вечером снова подарит её Никите.

«Уважаемая гр. Титарёва. Уведомляем Вас, что по результатам тестов четвёртая попытка признана неудачной. Мы снова вынуждены отказать вашему мужу в возвращении на Землю. Если вы сами захотите покинуть Виолу, заполните, пожалуйста, приложенную анкету. Напоминаем, у гр. Титарёва осталось две попытки. Дальнейшая корректировка памяти может привести к необратимым последствиям. С уважением, комитет по контролю за исполнением наказания».

Евгения расправила листок, сунула его в бумагоуничтожитель. Снова то же самое. Никита вновь и вновь повторяет всё ту же ошибку, за которую его когда-то изгнали с Земли. Возможно, на следующий год им повезёт больше. Возвращаться домой без мужа она не собиралась. Ради любви у Жени пока хватало сил вновь и вновь отказываться от мечты. Женщина сняла трубку, набрала знакомый номер.

— Алло, это снова я. Да, опять ничего не получилось. Ты можешь порекомендовать лучшего мастера мини-записи? Так, чтобы в серёжку встроить. Спасибо. Увидимся днём, поговорим.

Женя положила серёгу в сумочку. На этот раз она постарается сделать всё, чтобы Никита, наконец, принял правильное решение.

ПОДПИСНОЙ КУПОН

ДА! Я хочу подписаться на «Уральский следопыт»

Я подписываюсь на 3 номера журнала и плачу	☐ 159 руб. (в редакции)	☐ 234 руб. (с доставкой)
Я подписываюсь на 6 номеров журнала и плачу	☐ 318 руб. (в редакции)	☐ 468 руб. (с доставкой)
Я подписываюсь на 12 номеров журнала и плачу	☐ 636 руб. (в редакции)	☐ 936 руб. (с доставкой)

Срок купона истекает 31 декабря 2011 года. Цены с доставкой действительны только по России.

ФИО _____

Индекс _____ Область _____

Город _____

Улица _____ Дом _____ Корпус _____ Квартира _____

Уважаемые читатели!

Вы можете подписаться на журнал «Уральский следопыт» непосредственно в редакции по адресу: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Журнал высылается ценной бандеролью. Подписная цена включает стоимость доставки только по России. Если мы получаем заявку до 10-го числа текущего месяца, доставка начинается со следующего номера.

Подписаться на журнал вы можете, начиная с любого номера. Подписаться через редакцию очень просто:

- Заполните купон;
- Перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанкпо приведенной квитанции или используйте ее как образец для заполнения бланка почтового перевода;
- Отправьте купон и квитанцию об оплате (или их копии) по адресу: Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13, отдел подписки «Уральского следопыта» или по электронной почте uralstalker@mail.ru.

Если подписка проводится в здании редакции и подписчик забирает номера из редакции, то цена одного номера составляет 53 руб.

Игорь Фунт

Думай о звездах

Он помнил себя четырехлетним, замерзшим, продрогшим, лежавшим в утрамбованном пацанами снегу на крыше старого сарая. Все уже разошлись — вечерело, стемнело уж и вовсе давненько, но небо... По чистому, звонкому ночному морозцу небо не отпускало его домой своими звездами, туманностями, бескрайностью. Он заворожено смотрел вверх, не обращая внимания на то, что начинал по-настоящему коченеть. Вот одна звезда подмигнула, тут же исчезла, словно растворившись, вот другая... О чем он думал тогда? Хм, да о том же, о чем и сейчас, став сорокалетним большим дядькой, ничуть не поубавившим с годами щенячьего восторга при взгляде ввысь, в пронзительно черный Космос, сквозь него.

— Петров!

— Здесь.

— Не спрашиваю, здесь ли ты, Петров. Я имею в виду, где ты сейчас витаешь? Ответ на заданный вопрос.

— Я... я... ммм...

— Садись. Дневник сюда.

— Антонина Васильевна...

— Дневник, я сказала.

Она подошла к его парте.

— Что тут опять? — взглянув на листки в клетку, изрисованные дочерна.

Нервно собрала их в охапку, вернулась к своему столу, небрежно бросила рисунки, затем расправила, развернула. Пока разглядывала, в классе зашелестел, заколыхался народ — любая пауза всегда на руку; за минуту делались сотни различных дел, крайне необходимых именно в данный момент.

Вообще, Антонина Васильевна ему нравилась. Конечно, уроки русского далеки от космических галактик, по несколько штук вмещавшихся в один тетрадный лист, но училка, несмотря на строгость, была доброй, поэтому не очень-то кто на нее обижался. Антонина Васильевна рассматривала художества Петрова, про себя отмечая их необыкновенность и даже законченность: остроносые космические корабли уносились

Утром 19 июня 2011 года после тяжелой и продолжительной болезни, в возрасте 84 лет скончался **Сергей Александрович Другаль** — писатель, чье имя вошло в историю российской и мировой литературы, в очередной раз подтверждая, что не оскудевает талантами наш Урал.

Сергей Другаль вошел в литературу в зрелом возрасте, уже будучи заведующим лабораторией Уральского отделения Всесоюзного НИИ железнодорожного транспорта, доктором технических наук, автором более 50 изобретений. Первая его книга «Тигр про-водит вас до гаража» увидела свет в 1984 году, а до того отдельные рассказы С. Другаля печатались в журнале «Уральский следопыт», зав. отделом фантастики которого Виталий Бугров и направил начинающего писателя на литературную стезю. Поддержанный писателями-фантастами Михаилом Немченко, который был редактором его первой книги, и Владиславом Крапивинным, с которым близко дружил до самой смерти, Сергей Другаль профессионально занялся литературной деятельностью, был принят в Союз российских писателей, в 1992 году за повесть «Василиск» получил главную в России премию за лучшие произведения в жанре фантастики — «Аэлита», став вторым после В. Крапивина и пока последним уральским лауреатом этой международной премии, приравненной в мировом рейтинге к премиям Хьюго и Небьюла.

С. А. Другаль родился 10 мая 1927 года в ауле Джамбейты Уральской области Казахской ССР, окончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта и аспирантуру в Москве, далее жил и работал в Свердловске-Екатеринбурге.

Произведения Сергея Другаля переводились и издавались в Польше, Германии, Венгрии, Болгарии, в антологию российской фантастики на английском языке (издательство «Радуга») вошел его рассказ «У каждого дерева своя птица». После выхода в свет романа С. Другаля «Язычники» критики говорили, что в России появился свой Роберт Шекли.

Писатель Другаль создал неповторимый мир будущего, в котором люди живут в полном согласии с природой, общаются с говорящими зверьми и птицами, встречаются с инопланетянами; мир, где экзамен на должность воспитателя детского сада держат лучшие представители планеты — космонавт, циркач, спелеолог, конструктор... В его рассказах «всё перемешано — научные допущения и народная фантазия, шутейное озорство и философская этика, правдоподобная бль и задорная выдумка, — писал известный петербургский критик Евгений Брандис — Это тот случай, когда наука и искусство практически начинают сближаться».

С. А. Другаль как писатель создал немного, но все его произведения надолго переживут автора; светлые, жизнеутверждающие, они станут вечной памятью о нашем товарище.

Коллектив редакции журнала

в иные миры, и в этом ощущалась, в принципе, сформированная позиция художника — автор наверняка, в свое время, так же стремительно и безоговорочно примет решение, равное всей его дальнейшей взрослой жизни.

— Петров, завтра постарайся, пожалуйста, в последний раз: спрошу тебя и по новой теме, и по прошлым двум урокам; по прошлым двум, запомни!

Звучало как ультиматум, но в том-то и дело, что не зря Антонину Васильевну любили дети, как никто чувствующие теплое участие — она всегда давала второй шанс, да и третий, и четвертый тоже... После звонка она возвращала четверокласснику Петрову листочки вроде как недовольная его несобранностью, неприсутствием на уроке, но глаза, взгляд говорили другое, и Петров это видел: «Мечтай, мальчик, мечтай! Тебе это очень, очень пригодится в дальнейшем». На дворе стоял олимпийский, тысяча девятьсот восьмидесятый год.

Потом очень быстро все помчалось-полетело-закрутилось, и он это тоже помнил: и как умер бровастый престарелый вождь, второй и третий. Как бату вдруг сократили с работы; помнил Горбачева с кооперативами и очереди в видеосалонах...

Первую звезду он «взорвал» в девяностом вместе с крушением великого Союза и скоропостижной смертью папы. Звезда, конечно, погибла сама по себе, просто так совпало: до страны ему, двадцатилетнему ковбою, дела особо не было, а вот болезнь и кончину отца он перенес жуткой душевной травмой, депрессивной... вдруг явственно осознав, что знает, именно знает! — что там, «недалеко», в созвездии Козерога закончил свое существование белый карлик по имени GKL-32, как он потом выяснил в местной обсерватории, голодающей, но по-прежнему функционирующей на благо мировой науки.

И началось...

В следующий раз он пришел в обсерваторию через месяц после похорон отца.

— Ну что, Андрей... — прищурившись, спросил начальник небольшого коллектива обсерватории, добродушный седой старикан Вениамин Карлович. — Что на этот раз?

— Она может походить на распластанную птицу, несущуюся вниз?

— Кто она, Андрей? — подумав. — Ах да... вы имеете в виду туманность?

— Да.

— Конечно, может... Это же звезды, их скопления принимают любые замысловатые, причудливые формы.

— Созвездие Геркулеса, — прервал астронома Андрей.

Минут через сорок Вениамин Карлович вышел из центрального зала с лабораторией, теребя себя за бороду.

— Я созвонился с Москвой — они подтвердили мою догадку... твою догадку, вернее. Откуда ты?..

Андрей Петров, вмиг замкнувшийся, уже выходил из здания обсерватории, невнятно вякнув: «Извините».

Вениамин Карлович, удивленно глядя вслед удаляющемуся пареньку, шептал:

— Это невозможно, невероятно! Откуда он знает?

Сон накатывал изредка в течение всей его жизни, с детства. Невообразимо быстро Андрей пронесился сквозь земную атмосферу и «выныривал» в большом Космосе с надеждой взмыть, унести в немыслимые его глубины, дали... Да не тут-то было — космос оказывался «занятым», забитым всевозможными препятствиями и сопротивлялся его желанию прорваться дальше, вглубь. Поэтому приходилось бесконечно растаскивать-расталкивать всевозможные скопления глыб, астероидов, космического мусора, прежде чем продолжить движение вперед. Он расчищал себе путь, торопился, нервничал. К этому времени уже надо было возвращаться, и он не успевал запомнить, на чем каждый раз останавливался, в следующем своем сне начиная тяжелый труд заново. Возвращение происходило еще стремительней, чем «отлет», он врывался в воздушное пространство и, не успев насладиться величественным видом Земли, начинал падать с неимоверной скоростью, камнем. Внезапно наваливался страх смерти: он не мог затормозить!.. — и просыпался.

Впервые, когда он смог, наконец, «прорваться» и, облегченно вздохнув, рванул к созвездию Козерога, радуясь наконец-то обретенной свободе космического передвижения, сознание сразу навело его на умирающее светило. Это было восхитительно, хотя немного жалко, но ведь он понимал, что где-то зарождается новая звезда — и чувствовал себя причастным к миротворению, созерцая гибель пылающего гиганта с благодарностью и непередаваемой словами любовью. В то утро умер его отец.

Игорь Фунт (Игорь Владиславович Попов)

Родился в 1964 году в городе Алапаевске Свердловской области. Живет в Кирове. После окончания музучилища в 1982 г. проходил службу в оркестре Ансамбля песни и пляски Уральского военного округа. В восьмидесятые работал преподавателем музыкальной школы, колледжа культуры. В 1990 году заочно окончил джазовый факультет Ленинградского института культуры им. Н.А. Крупской. В девяностые ушел в бизнес. Специализация: небольшие магазинчики шаговой доступности с разнообразным выбором недорогих товаров повседневного спроса.

Выскочив из обсерватории, Андрей бежал домой с неясным подозрительным чувством накатывающей исподволь беды — что-то должно случиться? — или уже случилось... И почему домой? — ведь остался он один-одинёшенек; мать ушла из жизни, когда сын был еще маленьким; он не страдал тогда, просто скучал... как скучает до сих пор по матери повзрослевший мальчик Андрюша.

За три часа отсутствия в неприбранной квартире ничего не изменилось — было бы смешно, если б он обнаружил вдруг конверт на столе (о чем раньше втайне надеялся, начитавшись в детстве фантастики) с незнакомыми иероглифами и монограммами, конверт от инопланетян! «Андрюха, выходи ночью на пустырь — там будет ждать наша тарелка. Подпись: Иноаунчивуйчай». — Подпись явно отдавала вьетнамским. Он захохотал в голос от диких своих мечтаний, тут же подумав: «Как же я прочитаю? Там ведь иероглифы! Х-х-а ха-ха...» — Но и кроме как на пустырь за домом приземлиться тарелке, в принципе, некуда. А проверить ночные свои полеты не мешало бы — проверить и Козерог, и Геркулес. Сразу вспомнился седой астроном Карлович: «Что-что, откуда-откуда? Да совпадение, вот откуда!» — Он стоял на кухне и жарил яичницу. Завтра в институт — полугодовая сессия — и хорошо, и плохо: вроде времени прибавится, можно похалаявить, но и учить приходится, куда ж денешься? — четвертый курс, грех не сдать, иначе — в сапоги-кирзучи, и вперед — на защиту Родины!

Да, в армию не хотелось, да что поделать — надо! Надежда на чудо — жена, ребенок, но... откуда? — в нашу-то непростую пору! — до миллениума десять лет, время катаклизмов и потрясений. Страну колбасит из стороны в сторону, деньги не копяются; кстати, друг вон в «товарищество» зывал — что-то по торговле. Главное, «начать», как говаривал генсек... — Андрей со вкусом уплетал яичницу с колбасой — единственное блюдо, которое мог сварганить с закрытыми глазами. «Ничего, прорвемся. Армия так армия, куда деваться?» Его рассуждения прервал телефонный звонок из прихожей.

— Алло. Тетя Аля? Здравствуйте, а что... Что-о-о?!

Вот оно! Он похолодел:

— Когда? Сегодня ночью? Конечно-конечно, завтра буду, все сделаю, помогу. До свидания.

Вот оно. Навалилась тяжесть, тело стало ватным: умер дядя Коля — брат отца — единственный оставшийся родной человек, не считая тройных теток. Значит, все-таки звезда?

Вениамин Карлович оказался радушным хозяином. Проводив сразу в кухню, сначала накормил студента, потом поил чаем, приговаривая:

— Пей, студент. Андрей Петров, пей. Я догадываюсь, зачем ты пришел. Потому что два раза таких совпадений не бывает, два раза указать точно на созвездие, где погибает звезда, невозможно.

Андрей допивал, отдуваясь, горячий чай, собираясь с мыслями. Когда допил, он поведал Карловичу о том, что вместе со звездами умирают его близкие люди, самые близкие. Астроном выслушал его, шепча про себя: «Невозможно, невероятно!»

— Как... как это может происходить, Андрей, это невероятно, немыслимо! Если в предсказание смерти звезды хоть как-то! хоть как-то! можно поверить, исходя из... ну, скажем, каких-то телепатических способностей, не знаю... Но как это может быть связано с людьми, тем более родными? — я не знаю, Андрей, не знаю. Мне кажется, поймите, мне просто кажется, что смерть ваших дражайших родственников — это как раз из разряда уж вовсе несусветных совпадений, понимаете? Хотя...

На улице мела метель, «заворачивала» уши в трубочку, знобила насквозь, но домой он не спешил. При чем тут смерть родных и какая-то туманность? Действительно, при чем? Что, мало гибнет на небе звезд? Или мало умирает людей на свете? Да... Тут Карлович прав — случайно угадав пару из бесчисленных космических взрывов, Андрей мистическим образом связал их со смертью своих близких. Ну получилось! — что теперь, верить в бредовые пророчества? — да чушь все это, просто чушь! Он подошел к дому, сбросив с себя тяжесть неведомого таинства — все просто! — да, дядя Коля умер, но для этого установлена веская причина, что ясно указано в медицинских заключениях.

Через полчаса на кухне обнадеживающе шкварчала яичница, приводя его сумбурные мысли и нелегкие впечатления от недавних дядиных похорон в порядок.

Потом прошел год, затем второй... Потом он вернулся из армии, возмужавшим, подтянутым. К концу девяностых они с женой Ольгой встретили пополнение — дочку Катю, и были счастливы, веселы и молоды, невзирая на кризис, невзирая на то, что страну так и не переставало колбасить из стороны в сторону. Как и в своих космических снах, он пробивался сквозь жизненные неурядицы и препятствия стойко, непоколебимо, рьяно, и был доволен, если можно так сказать, ведь он принял на грудь немалый груз, зная о своей тайне и не видя смысла поведать о ней кому-нибудь другому.

Миллениум пролетел буднично — конца света не наступило, чего жаждали провидцы всех мастей, каждый по-своему безоговорочно ошибаясь в данных ранее прогнозах — что привело бурно цветущую астрологию девяностых к упадку.

Андрей Петров, спортивный, целеустремленный, строил свое будущее кирпичик за кирпичиком, неспешно разбираясь в окружавших его событиях, никуда не торопясь, вдумчиво. Сны о космосе приходили редко и заканчивались в основном тупиком — он опять не мог прорваться туда, вдаль, да не очень-то и хотел, соотнося свои сны с принципом реальной жизни — «не торопись торопиться!» Взорвавшиеся звезды десятилетней давности освещали

сознание Андрея совпадением незабываемых трагических событий с галактическими катастрофами, метаморфозами, лишь подталкивая к философской созерцательности, умиротворенности — что ж... все в нашей жизни когда-то повторяется и совпадает.

Как вдруг грянул гром. Этой ночью Андрей прорвался. Да, прорвался, непреодолимо взмыл вверх — туда, где еще не был, туда, где не был никто...

Он позвонил в дверь обсерватории, лишь часы пробили «восемь» — никого... Трубку домашнего телефона Карлович не брал — Андрей и подумал, что старикан на работе. Не открыли обсерваторию и в «девять». В «десять» ему сообщили, что Вениамин Карлович уж год как умер — горестно вздохнув, Андрей собрался уходить, как одна молоденькая девушка, представившаяся Евгенией Валерьевной, сказала: «Вы знаете, Вениамин Карлович рассказывал мне про вас».

Через час они чаевничали у нее в кабинете; от души вроде отлегло — молодежь уже смеялась и вспоминала разные смешные истории из времен лихих девяностых, наполненных романтическими приключениями с высоты «благополучных» двухтысячных-нулевых. Женя поведала ему, что ее наставник Вениамин Карлович по прозвищу Веня частенько вспоминал паренька, скоропостижно похоронившего в короткий срок отца и дядю, уверившегося в провидение высших сил, ниспославших ему неведомое знание о взорвавшихся в тот момент, в том году звездах-гигантах.

Андрей с Женей беспечно болтали и ждали ответа на запрос в Москву.

У симпатичной лаборантки запиликал сотовый.

— Да, — весело откликнулась она, глядя на собеседника. — Созвездие Корма, он так и сказал. Да... — почему-то унылее, задумчивей, — конечно-конечно. Это всего лишь предположение... Какая сенсация?!

Андрей Петров уже выбежал из обсерватории с непреходящим чувством дежавю, чего-то еще, чего-то еще...

— Оля!!! — кричал он в трубку мобильного, — О-о-о-ляяяя!

— Андрей!

Он открыл глаза.

— Ты весь в поту. Заболел?

— Где Катя?

— Мы ушли в садик, ты все еще спал. Заболел? — повторила жена.

— Нет вроде...

— Ты как будто кричал, мне показалось из-за двери.

— Ну, черт... привиделось что-то.

— Я пошла, Андрей, и так уже опоздала, — Ольга быстро собралась и несильно хлопнула дверью, убегая на работу.

— Ф-фуу... — Андрей вспомнил вчерашний с Женей разговор, набрал ее мобильный:

— Евгения Валерьевна?

— Да. Андрей, это вы? Куда же вы убежали вчера так быстро?

— А что там?

— Там... Вы были правы, вернее, Веня был прав, вернее...

— Я понял. Сейчас приеду.

В обсерватории он чувствовал себя как дома. Он даже купил Жене шампанского, хотя выпить она отказалась.

— Понимаете, — продолжала она свой рассказ про умирающие звезды, — эта туманность лежит от нас на расстоянии три тысячи шестьсот световых лет в созвездии Корма. Как вы это смогли определить, одному богу известно — меня даже слушать в Москве не стали. Они сказали: «Он что, Хаббл домой затащил?» — Она улыбнулась, мягко, как-то слишком уж глубоко заглянув Андрею в глаза.

— Хотя полностью подтвердили вашу версию... — она хотела добавить что-то еще.

В это время позвонил телефон Андрея. В зрачках Жени отразился неземной страх взгляда молодого парня, сидящего напротив.

— Оля?.. Оля? — только и вымолвил он, тяжело поднимаясь, будто неживой.

В больнице бесстрастно, пряча глаза, разъясняли, что insult помолодел. Сказали, что от бляшек на сосудах никто не застрахован, сказали, что...

Дочке было четыре года — подумал, если он ее не отстранит, не отодвинет от себя, — то он не ведает, что будет дальше, просто не ведает, что будет.

После погребения жены он беспробудно пил две недели. Дочку отвез к тройной тетке Алевтине — хотя понимал: это не спасет Катю, если в его снах умрет еще какой-нибудь белый карлик, оказавшийся наяву реальностью.

Прошло три месяца...

Андрей часто ездил к дочери, гулял с ней, оплачивал проживание, садик. Тетка Алевтина, несмотря на собственную семейную путаницу, мужнины проблемы с алкоголем, родственника не подвела, оказавшись на редкость терпеливой и доброй — да что там говорить! — золотой оказалась тетка, платиновой. Андрей Петров понимал неоднозначность ситуации — таким же образом Катя могла жить дома, ничего не решала эта мнимая отдаленность! — больше тут влияло простое женское участие тетки Алевтины в судьбе девочки. А он — что он мог сделать, кому пожаловаться, с кем посоветоваться?

Еще через некоторое время Евгения Валерьевна, лаборант местной обсерватории, переехала к нему. Она была единственным человеком, который знал его беду, тайну, его крест, его ношу. Женя влилась в жизнь Андрея Петрова так незатейливо, мягко, добродушно, что он, можно сказать, и не заметил перехода от ухаживаний к настоящей любви. Катя была уже с ними, в семье. Недавно она задула восемь свечей на праздничном торте — и они помчали в парк, на горки, на каток, наслаждаясь свежим воздухом. Так он и жил

со своими звездами, вернее, в ожидании своих звезд, готовых в любой момент взорваться, превратившись в гигантское космическое облако. Он никогда не спрашивал, не интересовался у Жени подробностями процессов гибели галактик, — это было табу, запрет, — оставшись на школьном уровне астрономических знаний: синие тона туманностей соответствуют гелию, голубовато-зеленоватые — кислороду, красные — азоту и водороду. Молил бога больше не летать во сне к звездам, к распластанному, как падающие птицы, космическому великолепию разноцветных туманностей, молил бога дать ему созерцать простые, земные сны... и Бог его, кажется, слышал.

Сколько раз сможет заново начать человек? Какую ношу выдержит, что перенесет, стерпит, столкнувшись с непреодолимыми, как говорят юристы, препятствиями? — Андрей Петров спрашивал себя и мысленно отвечал, что человек может выдержать все что угодно, все что потребуется, только бы это оправдывалось в итоге всего лишь малым. «Дуй!» — Катя со всей силы дула на свечи, они с первого раза не поддавались, их было много, двенадцать, и их будет еще больше, — и ради этого готов выдержать человек любую непосильную ношу. Рядом вытирала слезы радости нестареющая тетка Алевтина, на праздничной кухне кудесничала Женя, недавно назначенная на должность, занимаемую ранее Вениамином Карловичем. Звонок в дверь! — прибыли Катькины однокашники, что ж, пусть остаются... а мы прогуляемся — на улице красота, январская сказка!

Да, вот такое решение принял Андрей Петров — рискнуть! — полностью взвалив на себя бремя ответственности за дорогих людей; жить с ними дальше, имея одну всего лишь возможность оградить их от неведомых бед и неприятностей — с каждым днем любить их все больше, преданней, самоотверженней.

— Вас проводить, тетя Аля?

— Не надо, Андрюшенька, я на автобусе.

— До свидания! Завтра приходите — Рождество все-таки!

— Посмотрим, Андрей, я позвоню — девчонки тут зазывали на гадание, — она заливисто, по-молодому рассмеялась, взмахнув рукой, подходя к подъехавшему автобусу.

Они проводили тетку взглядом, кивнув на прощание, обнявшись, никуда не торопясь, растирая от морозца носы ладонью...

— Ну что, товарищ кандидат наук всех степеней и регалий, как ваше ничего? Сходим в кино? — Кино-театр был недалеко от дома.

Андрей Петров подхватил жену под руку, потащив-покотив ее по обледенелому асфальту.

— Там какая-то «фантастика», — сказала Женя.

— Ну и хорошо! Давно хотел посмотреть, что за «три Дэ» такое.

— Андрей...

— Что, милая?

— Что с тобой? — они остановились.

— Что с тобой? — повторила она.

— Все в порядке, Жень.

— Нет.

— Да все, все в порядке.

— Я же чувствую, что-то не так. Что... Что ты видел? Ты летал туда? Тебя пустили?! — спрашивала крайне серьезно.

Она даже дернула его за рукав. Она смотрела ему в глаза. Она знала — это важно, это очень, очень важно. Женя должна была услышать ответ. От этого зависела ее жизнь и жизнь удочеренной ею Кати.

— Андрей, тебя пустили? Ты видел звезду?

Он опустил голову:

— Да.

У нее на глазах выступили слезы.

— Когда?

Он молчал.

— Когда?! — закричала она, не обращая внимания на обернувшихся прохожих, спешащих по праздничным делам.

— Жень, послушай...

— Когда?!

Она вздрогнула, услышав звонок сотового в кармане. Торопливо взяла трубку:

— Да, доченька, родная, — облегченно выдохнув.

Они не пошли в кино. Двое любящих друг друга людей, мужчина и женщина, чуть пригнувшись навстречу стилому рождественскому ветерку, рука об руку, медленно шагали в неизвестном направлении.

Он говорил ей:

— Первый раз, после длительного перерыва, они «пустили» меня полгода назад. Я жутко испугался, и... скрыл от тебя... ожидая худшего. Вскоре меня снова «пустили». Я не знал, что думать — чуть не умер со страху. Потом это стало происходить чаще и чаще.

— И...

— Но никто не умирал, понимаешь? Никто не умирал, милая.

— Так ты...

— Да. Последнее время я нередко туда летаю — вижу погибающие звезды, туманности вокруг них и, ты знаешь... Недавно мне показали, как они рождаются.

— Кто рождается?

— Звезды, планеты, но... я берег вас — не мог рассказать про сны.

— Андрей, что это значит?

Слезы-льдинки скатывались со щек, они их не замечали. Плакали оба — это были слезы счастья. В рождественском небе зажглись первые вечерние огоньки. Андрей Петров смотрел ввысь и видел нечетким, мутным от слез взором вспыхивающие точки мироздания.

— Жень... Они отпустили нас, понимаешь? Нас отпустили...

Через год у них родилась еще одна девочка. А через два — мальчик. Звезды старались возместить Андрею Петрову невосполнимые утраты, и он был благодарен за это звездам.

Сергей Игнатьев

Le general Hiver

(Рассказ занял 3 место на конкурсе «Мини-проза», 2010 год)

Снегирь просвистел на манер флейты, напевно и отрывисто, с надрывом. Сильно оттолкнувшись, вспорхнул с хвойной лапы. Она еще качалась вверх-вниз, бросая к земле тяжелые снежные хлопья, а снегирь, истово плеща крыльями, уж скрылся между обледенелых березовых стволов. В просветах между ними проглядывала белая пустыня, глубокими сиреневыми тенями были отмечены границы крутобоких холмов и оврагов, казавшихся бездонными. Смутно виднелись заиндевелые серебристые отрезки дальних перелесков.

И этот вид, эта замороженная оцепенелость пробуждали в памяти в раннем детстве перечитанные, пугающие до мурашек моменты из «Иллюстрированной русской истории». Алыми бликами заката на искрящемся снегу мнились — и кровью окропленная снежная поляна меж двух берез, что разорвали напололам князя Игоря Рюриковича, и сизый сумеречный силуэт башни в Боголюбове, меловые ступени которой окропила кровь строптивного князя Андрея. И киноварю окрасившиеся льды Чудского озера. И рубиновые факельные блики на стенах ледяного дома безумной временщицы. И овечьные поземкой червонные цепи безжалостных пугачевцев... И другие картины, много еще картин, где алые артериальные оттенки мешались с сизой изморозью и равнодушно-белым.

Темная трепещущая точка снегиря растаяла на фоне зловещего заката. Закат слепил багрянцем, а тускло-зеленое небо было скучным, точно плесенью тронутым.

Заходящее солнце окрасило все одним оттенком, уравнило нас, стоящих посреди широкой поляны, с окружающим лесом и полями, что раскинулись окрест, с темнеющим низким небом. Ярмарочная пестрота партии потускнела и упростилась. Все залило алым снегом — припорошенные папахи и блестящие этишкеты киверов, ружейные ремни и эфесы сабель, шнуры на ментиках и косматые бурки, лошадей и людей, пологи саней, и березовые стволы, и нагромождения сугробов между ними.

— Озорная птаха.

Я обернулся. Оказалось, урядник Хомутов, будто из морозного воздуха соткавшийся, тоже провожал снегиря взглядом.

— И полетел себе, счастливцев, — добавил он со странным выражением, совсем не вязавшимся с грубым рябоватым лицом.

По обыкновению, оборвав монолог на полуслове, замолчал.

Не дождавшись продолжения, я стал смотреть на остальных наших, что собирались на истоптанном снегу вокруг саней. На тех, кому предстояло ехать со мной, и на провожающих.

Подошел давешний старичок из местных. Его двумя днями ранее захватил разъезд Черкасова на самых подступах к лагерю. Про него я знал только, что звался Волосичем, перед командиром нашей партии зарекомендовал себя самым лучшим образом и вызвался быть в предстоящем предприятии добровольным проводником.

— Скоро ль отправляемся, барин? Кубыть, метель собирается, нам ба поспешать...

Улыбка его большей частью спряталась в косматой белой бороде, но проступила искорками в прищуренных глазках, окруженных сеточками морщин.

И его, видимо, охватило предчувствие Дела, владевшее сейчас всеми, кто был на поляне. И теми, кто ехал, и теми, кто оставался.

Это пьянящее чувство постоянно тлело в нас. Невидимый внутренний механизм, вокруг которого строилась вся наша нынешняя жизнь. Наверное, только проблески, всполохи этого чувства позволяли назвать окружающий нас ледяной Аид «жизнью». В суровую ночную стужу, на долгих маршах следом за отступающим неприятелем, перед атакой, когда сердце готово выскочить из груди... Я хватался за него жадно, как пьяница хватается за штоф, как повеса обнимает красотку-балерину. Предчувствие Дела.

— Скоро, дедушка, — сказал я. — А про метель — то ты уверен?

— Дак мгла ж какая крутит, барин? Сам посуди, — старик посмотрел на меня с озабоченным удивлени-

Сергей Игнатьев. Родился в 1984 г. в Москве. По образованию дизайнер-график. Работал иллюстратором, художником-кукольником, декоратором, полиграфистом, ландшафтным дизайнером, сценаристом, копирайтером, бренд-менеджером, арт-директором. В настоящее время работает в сфере рекламы.

Первая журнальная публикация состоялась в 2000 г. Дебютировал в фантастическом жанре в 2005 г. в сборнике «Миры Ника Перумова. Хьервард» (Эксмо). В 2007 г. были опубликованы повести «Игры на Кровь», «Снежный вампир» (АСТ).

ем, как на умалишенного. — Оно далече ее видно, как подступает, как хороводы-то водит, ажно завертывает, а?... Пойду что ли скажу.

Поняв, что от беседы со мной толку не будет, он похрупал валенками к передовым саням, от которых раздавались повелительные возгласы ротмистра.

Я подошел к слабо чадившему костерку, разведенному особенным манером. Хоть и тепла давал мало, почти не давал дыма, что было важно в нашем положении.

Черкасов, с красным лицом, в мохнатой шапке набекрень, только что окончивший рассказывать очередную остроту, приветственно помахал мне длинной ложкой, которой помешивал что-то в котелке:

— О, Мишель, иди к нам! Решили согреться перед выступлением... Повторим круг, господа? Захарка, тащи еще бутылку, стрелой, ну! А-то и немудрено замерзнуть к черту!

И щеголь Прокудин, и богатырь Епанчин, и даже хмурый Забелин поддержали его одобрительно и громко. Беккер поправил пенсне, да только кротко улыбнулся.

Я принял из рук черкасовского денщика кружку. Отпил «жженки», которая тотчас обожгла небо, защитила язык гвоздичными нотками, ударила коньячным и ромовым духом, масляно скользнув через глотку, внутренности обволокла теплым молочным уютом.

Старик Волосич между тем толковывал что-то ротмистру. Тот хмурился в ответ, пару раз быстро переспросил что-то. Потом, бряцая саблей, показав кавалерийски выворачивая ноги, пошел к заметным амбарам на другом конце поляны, которые служили нам временным лагерем, штабом и конюшнями.

Ротмистр на ходу ожег нас взглядом, раздраженно дернув усом, скрылся внутри.

Волосич, с важностью оглаживая бороду рукавицей, остался у саней.

Черкасов, сделав изрядный глоток, завел разговор про вчерашнюю вылазку. Мне не хотелось слушать. Баюкая в руках кружку «жженки», я рассматривал товарищей, затеявших спорить о положении вражеских войск.

Прапорщик Забелин был мой ровесник, к партии прибился тем же манером, что и я, прослужив недолго в адъютантах, но всем сердцем желая драться, быть на переднем крае. Ему, как и мне, едва минуло восемнадцать, но воевал он не в пример дольше, с самого начала кампании, в гренадерском полку, был контужен, отчего теперь, споря с Прокудиным, изредка заикался. Подпоручик Прокудин в схватке отличался храбростью, но был не чужд позерства, к тому же упрямый спорщик, о чем знали все. Потому вахмистр Епанчин, одинаково невозмутимый что под вражеским огнем, что в такой вот беседе, молчал. А Черкасов, из гвардии изгнанный петербургский лавлэйс и бретер, напротив, только поддавал жару, насмешничал, подсыпал красочных деталей, раззадоривая спорщиков. Доктор Беккер, попавший в партию из губернского ополчения, робкий и дружелюбный человек, старался примирить спорщиков, но без успеха.

Спор прервался лишь с появлением из амбаров нашего начальника в предстоящем предприятии, поручика Бежецкого.

— Пора, господа! — коротко бросил он.

Следом к саням вывели под конвоем и главную причину предстоящего нам предприятия.

Я встретился с ним взглядами, сцепил зубы...

Вчерашнее сразу вспомнилось мне в красочных и ярких подробностях. Вся гамма испытанных эмоций, от пьянящего упоения предстоящей схваткой — моим первым настоящим сражением! — до всего того, что последовало, когда ротмистр скомандовал: «По три налево заезжай! Фланкеры цепью! Сабли вон! В галоп... марш!»

Мы понеслись по искрящейся снежной равнине, лоя лезвиями сабель яркие солнечные блики. Впереди, на тракте, у фургонов, стали спешно перестраиваться в подобие каре. Длинная вереница закутанных в тряпье людей, которая до того хвостом тащилась за обозом, дрогнула и рассыпалась. Раздались истошные вопли «Коссак! Коссак!», и часть черных фигурок побежала прочь от фургонов, к ближнему лесу. А нам наперерез поскакали конные, блистающие золотым шитьем, в медвежьих шапках. Мы сшиблись с галопа, пошла отчаянная рубка, а потом я оказался у фургонов, и наши верхами носились вокруг. После я очутился пешим, и бежал с саблей наголо, спотыкаясь о ножны и ташку, проваливаясь в снег, бежал по свежему следу, и по лицу больно хлестали обледеневшие ветки. Тот, кого я преследовал, вдруг оказался сбоку и справа, и я сначала увидел его глаза в узком просвете закрывающего лицо шарфа. Глаза с черными зрачками, до краев обволакивающими воспаленные красные белки. Так, что казалось, смотрит на тебя не человек, а некое существо, может, птица или зверь, химерический урод с замотанной тканью мордой. Кто угодно, но не человек.

Тотчас на меня уставился еще один черный зрачок, пистолетного дула.

Я понял, что кончено.

Это было странно, не то чтобы страшно, а очень необычно, потому что впервые я смотрел на смерть, а смерть смотрела на меня.

Стало очень тихо, лишь где-то вдали была суета и выстрелы и крики, но все это доносилось словно сквозь вязкий туман.

Потом, соткавшись из морозного воздуха, возник вдруг урядник Хомутов. Молодецки хекнув, отбил руку француза. Пистоль, полыхнув огнем, оглушительно прогрохотала, разрывая плотные сети тишины. Другой кулак урядника с разгону встретился со скулой противника. Отчетливо хрустнуло, француз, охнув, повалился в снег. Хомутов тотчас навалился, стал сноровисто, скупыми движениями крутить ему за спиной руки веревкою...

Вот теперь я снова поймал взгляд этих черных, не похожих на человеческие, глаз.

Пленника провели мимо, усадили во вторые сани. Следом под полог залез офицер по поручениям, при-

сланный в партию неделю назад, инициатор вчерашней вылазки — долгополая шинель на меху, лицо скрыто воротником, вороного крыла двугулка с пышным черно-рыжим султаном. Отъезд его все в партии воспримут с облегченным выдохом.

То, что меня отсылают из отряда, да еще сразу после «боевого крещения», я воображал карой за неведомые грехи, проклятем. Ротмистр пояснил: «Вы, корнет, его поймали, вам и сопровождать». Поручик Бежецкий в ответ на мое негодование, дернув щекой, пообещал, что предприятие будет по-настоящему опасным, и я наверняка смогу проявить себя. Черкасов высказался совсем кратко: «Крючокотворы штабные, чтоб их!»

Всего ротмистр дал четверо саней, по трое человек на каждые. Ехать предстояло через занимаемую неприятелем территорию, навстречу армейскому авангарду — в распоряжение графа Милорадовича.

Расселись по местам. В головных санях, на козлах которых усадили Волосича, приподняв полог, поднялся Бежецкий. Жадно хватив морозного воздуха, по привычке надсадно прокричал, будто не поездом саней командовал сейчас, а ротой во фронте:

— Слушай мою команду... Интервал на три корпуса, передних держать на виду! Пистолы наготове! На рыся-я-ях... марш-марш!

Волосич по-ямщицки хлопнул поводьями, издал залихватский свист, эхом заплывавший под заледенелыми лесными сводами. Наш караван тронулся.

На втором часу пути предсказание старика стало сбываться.

Пасмурное темное небо и бледный овал луны все скрылись за круговертью мелкой снежной крупы, щедро осыпавшей лошадиные гривы, косматую папаху и чекмень Епанчина, что сидел на наших санях вместо кучера. Затем ей на смену пришли тяжелые белесые хлопья, падавшие как-то косо и целеустремленно, вконец заметая то подобие дороги, по которому мы двигались посреди белой пустыни.

Колокольчики позвякивали в белой круговерти слитной терцией, полозья скрипели, сидевший рядом Беккер рассказывал что-то про исследования Бонапартовых ученых во время египетской кампании. Его сбивчивый увлеченный монолог сводился к тому, что пленный, захваченный мной при помощи Хомутова, а теперь конвоируемый четверкой саней, так необходимый в штабе — важная птица, энциклопедист-пророк, подобие нового Ньютона или Ломоносова при дворе корсиканского деспота. Что сведения, которыми он обладает, как и сам факт его пребывания в рядах бегущей к границе неприятельской армии, необычайно важны.

Я, занятый мрачными мыслями, сострил в том духе, что этому новому Ломоносову помог добраться до академических залов обоз, груженный не рыбой, но гильотинированными головами, на что Беккер, ка-

жется, страшно обиделся, и дальше мы уже молчали, слушая лишь завывания вьюги и перезвон колокольцев.

Я запомнил лишь, что звали человека с черными глазами, которому убить меня помешало лишь появление урядника, Луи-Эмиль Бланшар. Состоял он при Ставке, в инспекторской должности, а для его конвоя Корсиканец не пожалел гвардейского конноегерского взвода. С каким бы поручением ни отправили его вперед войск, окружным путем, от нашей партии ему уйти не удалось.

Доставить бы его в штаб поскорей, да и черт с ним! Поскорее бы в отряд вернуться — там мое место.

— Шаг поменяли, — пробасил Епанчин, легонько подтягивая поводья.

Из вьюжных вихрей показался Волосич.

— Скоро вкорень заметет! — озабоченно сообщил он, хватаясь за козлы и пытаясь отдышаться после бега. — Заночевать надобить!

— Прямо здесь? — воскликнул Беккер, поправляя пенсне.

— Какой здесь, барин? — удивился Волосич. — Там недалече огоньки тлеются, знамо деревня... Только какая, пойдешь разбери! Ну, что ли дальше побегу, скажу...

...От дороги вело к темному силуэту брошенной усадьбы некое подобие тропы.

Мы двинулись по ней с пистолетами и карабинами наготове.

За мельтешением снежных хлопьев по обе стороны от тропы проглядывали порой смутно знакомые силуэты, но тотчас вновь скрывались.

— Что это, Миша? — спросил шедший рядом Забелин. — Я, было, подумал...

Хомутов, щелкая огнивом, запалил небольшой факел. Повел им из стороны в сторону, бросая неровные пятна света на окружающие сугробы.

— Царица Небесная! — невольно сорвалось с губ. К нам подошли остальные.

— Могильник, — процедил Хомутов, отводя факел.

Там, за непрестанно падающим снегом, грудились одно на другое окоченелые мертвые тела. Укутанные тряпьем и вовсе раздетые, скрюченными обледенелыми пальцами намертво вцепившиеся в ружья, выставив растопыренные пятерни, вперяясь в невидимое за метелью небо пустыми глазницами черепов, скалясь на нас, живых, дьявольскими безгубыми ухмылками. Показался окоченевший лошадиный круп, выставленное копыто, покосившаяся пушка, к колесу которой примерз инеем покрытый артиллерист.

— Никак тут дело какое было? — спросил Черкасов. — А мы ни сном, ни духом...

Позади нас вдруг раздался истошный вопль, срывающийся в совершенно женский визг.

Я обернулся достаточно проворно, чтобы увидеть удаляющуюся прочь в мутном движении вьюги тем-

ными крыльями взвившуюся шинель, растрепавший султан на двуголке.

— Крыса штабная! — с наслаждением процедил Бежецкий. — Прокудин, Епанчин — за ним, живо! Убьется, дурак...

Прокудин тотчас кинулся следом за штабным. За ним, дергая с плеча штуцер, Епанчин.

— Э, куда навострился, санкюлот?! — Черкасов ухватился за воротник месье Бланшара, который на миг остался без присмотра. — Захарка, гляди за ним в оба, головой отвечаешь!

Черкасовский санчо-панца в ответ важно кивнул косматой шапкой, легонько подтолкнул пленного карабином, мол, не балуй.

— Остальные за мной! — приказал Бежецкий.

Мы уже были у ступеней здания. Усадьба екатеринских времен, в строгих классических традициях, но с некоторой долей смелого новаторства, что свойственно той эпохе. Обширный балкон с колоннами выходил к дороге, и там, за небрежно заколоченными окнами, мигнул явственный желтый отсвет.

— Свет! — Хомутов поспешно притушил факел в снегу. — Ваше благородие, задами ли обойти?

— Давай! — кивнул Бежецкий, пригибаясь и направляя подбородный ремень кивера. — Потише, ребята. Похоже, ждут нас.

Они с Черкасовым первыми оказались у высоких дверей.

Здесь, под прогрессивного проекта мезонином, мело поменьше, и мы смогли перевести дух, кое-как оттереть лица от снега, собраться к действию.

Мы с Забелиным взяли за ручки дверей, чтобы по команде распахнуть их, Бежецкий с Черкасовым, каждый с парой пистолетов наготове, прямо напротив. За гипсовыми львами, украшавшими лестницу, укрылись Беккер и Захарка с ружьями.

— По счету три! — прошептал Бежецкий. — И раз...

Двери с грохотом распахнулись, оттирая нас с прапорщиком на стороны.

Изнутри хрипло завопили, мне показалось, по-русски, но со странными ударениями.

Затем прогрохотал слитный залп. Стреляли одновременно — и из распахнутых дверей, и Черкасов с Бежецким.

Бежецкий тотчас дернулся всем телом назад, навзничь повалился на ступени. Черкасов качнулся, отшвырнул пистолеты, закричав неразборчивое, потянул саблю.

Наружу вылетели темные фигуры в характерных четырехугольных шапках. Поляки!

Я отскочил к перилам, выпалил из карабина в упор, бросил его, выхватил саблю.

Все кончилось в считанные секунды. Лязг клинков, пороховая гарь, брань, серия ударов, крики...

Мы ворвались внутрь, в просторном холле застали еще двоих в конфедератках.

А над ними Хомутова с шашкой наголо.

— Больше никого, — сказал он, обтирая клинок о портьеру. — Живых нет...

...Живых в усадьбе и впрямь больше не было.

Мертвецов же оказалось с избытком. Кроме тех, что напали на нас у входа, застрелив поручика, нашли другие, преставившиеся задолго до того.

Странной нам показалась обстановка внутри. Видно было, что противники наши собирались грабить. Им было чем поживиться здесь, и с десятков пузатых тюков, выстроившийся у стены, говорил о том, что к делу они подошли обстоятельно. Но что-то или, вернее, кто-то (очевидно, одна из соседних нам партий) потревожил их, и неприятели заняли оборону. Возле камина в просторной главной зале заготовлен достаточный запас дров, по углам устроены места для ночлега, посреди залы стояли ружейные козлы. На паркете валялись обглоданные кости, увидев которые, я вздрогнул, но Хомутов кратко пояснил: «Му-сье кониной угощаться изволили».

Но что произошло с ними затем, сказать было трудно.

Везде мы находили тела. Их набралось с три десятка, явные мародеры, разных полков и национальностей, будто представлявшие собой все разнообразие Великой армии.

Кроме поляков, были тут и французы, и германцы, а во втором этаже я опознал по мундиру португальца, изуродованного, намертво вцепившегося пальцами в затоптанный ковер.

Никто не озаботился их погребением, лежали они как попало, и все были обмороженные, скрюченные, окоченевшие, иссиня-черные, будто только что втащили их с мороза...

Мы стали обустриваться на ночлег.

Загнали лошадей с санями в конюшню, оставили при них Захарку с карабином. Вызвался сам — слишком убивался по раненому барину, срываясь в истерику, мешал доктору.

Под его присмотром оставили связанного Бланшара.

Тело Бежецкого, завернув в бархатную портьеру, бережно занесли в усадьбу, уложили в углу каминной залы, между пилястр, под высоким заколоченным окном.

Затем стали собирать чужих мертвецов. Выносили их на примыкающую к каминному залу колоннаду, укладывали жутким штабелем.

Закончив с мертвыми, собрались возле камина. Хомутов растопил его, мы уселись вокруг, кто на колченогое кресло, кто на венский стул, кто просто на затоптанный паркет. Стали смотреть на огонь.

Я все косился на тело Бежецкого, укутанное в варварски-пышный саван, пурпурный, золотом вышитый. Нетронутые тюки с награбленным громоздились вокруг, будто последняя дань готовому к погребению павшему вождю русов. И груда чужих мертвецов за стеною мыслилась в том же ряду.

Мы терпеливо ждали, когда вернутся Прокудин с Епанчиным и приведут тронувшегося рассудком штабного.

Краем глаза наблюдали, как Беккер пытается спасти Черкасова, которому разнесло живот зарядом картечи из кавалерийского мушкетона. Ждали докторских указаний, но тот лишь нервно отмахивался от нас перепачканной кровью рукой, выбрав себе в помощники Забелина.

Забелин, сам прошедший через лазаретное чистилище, был бледен, молчал. Сцепив зубы, подносил доктору то кюветку, в которую тот бросал перепачканную корпию, то лохань с растопленным снегом.

Черкасов, скрытый от нас напряженными спинами доктора и ассистировавшего ему прапорщика, бесвязно бормотал, ругался по-черному, требовал рома.

Беккер, согнувшись над ним в три погибели, блестя в отсветах камина вспотевшей проплешиной, ругался, казалось, еще чернее, и из уст его никто никогда подобного не слышал.

Мы ждали, молчали.

Слушали хриплую витиеватую брань, и вой, и плач вьюги за окном. Ее мучительные стоны, и щенячий скулеж, и заунывные подвывания.

Мы слушали и медленно сходили с ума.

Чтобы убить время, по очереди устраивали патрулирование усадьбы, проводывали на конюшне пленника и Захарку. Тот сидел на корточках у коновязи, зажав между коленями карабин, всякий раз спрашивал: «Что, барин?» шмыгал носом и до красноты тер глаза смятой шапкой.

Потом, показалось, вьюга поутихла. Черкасов спал, Беккер мерил круги вокруг дивана, пыхтя сигарой и поблескивая стеклами пенсне.

Мы решили, что самое плохое позади.

Но самое плохое только начиналось...

...подпоручик все не возвращался, и присутствующие в зале смотрели теперь на меня.

Ждали, будто по итогам негласного спиритического совета назначив меня в командиры.

И когда за заколоченными окнами, на колоннаде, раздался вдруг торжествующий волчий вой, я понял, что все ждут моей команды.

Не стало славного юноши Мишеля, краснеющего, точно девица, в самый неподходящий момент и невпопад читающего стихи после второго круга пунша, но был кавалерийский корнет, отличившийся в недавней вылазке и принимающий теперь на себя командование отрядом взамен убитого поручика и скитающегося где-то в белесой мгле подпоручика.

С ружьями наперевес, света самодельными факелами, мы выступили на колоннаду.

Но волков не было.

Была лишь безмолвная груда мертвецов, белая круговерть и уколотивший лицо мороз.

Вместе с клубами пара изо рта моего вырвалось неуместно молодецкое:

— Полноте, господа! Волков-то, небось, одолеем!

Кажется, первым засмеялся я сам, а затем уж стали смеяться все остальные. Даже опьяневший от рома Черкасов засмеялся с дивана, кривя лицо и жмурясь

от боли, закашлялся. Беккер, хмурясь, зашикал на нас, возвращаясь к раненому.

Мы снова молчали.

Спустя час сквозь гудение метели донесся отчетливый барабанный бой.

Слитный рокочущий треск приближался, нарастал, вот в него вплелась отрывистая снегириная трель флейты...

Это было немыслимо, и я смотрел на соратников, переводя взгляд с одного на другого, и видел в их глазах, что да, они тоже это слышат.

Следом за барабанами и флейтой послышался тяжелый хруст наста под множеством ног и отрывистые французские команды.

Все, кто был у камина, кроме доктора и его пациента, глядели на меня.

Тогда я приказал: «К обороне, господа!».

Первым побежал к выходу с карабином, навстречу тьме и метели, к конюшням...

Но не было там никаких французов, как часом ранее не оказалось и волков.

А то, что я увидел у конюшен, ни в какие совершенно ворота...

...после увиденного я даже не удивился находке Хомутова во втором этаже.

Они были заперты в комнате, наспех заколоченной снаружи.

Они стояли, можете себе такое вообразить?

Стояли, уставивши на нас потускневшие, будто у снулых рыббин, глаза, обрамленные заиндевельными ресницами.

Стояли мертвые, поддерживаемые лишь этими тонкими серебристыми нитями, похожими на паутину, и когда Хомутов протянул руку, я крикнул: «Не трогайте!»

Но было поздно.

Раздался высокий хрустальный звон, как от удара вилкою о шампанский бокал, и тотчас...

...а когда все, наконец, успокоились, когда мне показалось, что увещевания мои дошли до них. Что они верят мне, что я теперь их настоящий командир и внушил им надежду. Все это просто мерещится нам от усталости, голода и нервного напряжения. Что скоро кончится метель, что недалеко уж до рассвета, и мы продолжим путь. И выполним приказ. В штабе армейского авангарда нас будет ждать жаркая баня, сытный ужин и ночлег.

Когда перед дверями воздвигнута была непроходимая баррикада из мебели и я сам уверился в том, что все это было лишь странное наваждение, мираж, причудливая лихорадочная греза...

Именно тогда я поймал взгляд Волосича.

И хотя он молчал, и косматая борода его, конечно, скрывала улыбку, глаза выдавали его.

Глаза у него смеялись.

Не говоря ни слова (я устал говорить), я медленно пошел на него...

— Мы народ простой, — частил Волосич, птясь к шкапу, упираясь в него спиной. — Я тово етово, может, не понимаю чуток, дак вы, барин, не серчайте на старика! Кто жа знал, что тут такое! Да ей Богу, оборони, батюшка-заступник, я жа ни в жисть... Вам ба лучше за хрюнцузом присмотреть, чавой он там мудрит-та...

...он оказался прав.

Заперев сумасшедшего старика, отложив подробный допрос на потом, мы тотчас отправились проверять конюшни.

Захарка встретил меня, заполошно хлопая глазами и распахивая рот, как выловленный пескарь.

Я ничего не мог понять из его сбивчивого мычания. Он только тыкал рукавицей в сторону входа, откуда пришли мы с Хомутовым, распахивал рот и таращил глаза.

«Сбежал!» — С ужасом подумал я.

Поручив Захарку уряднику, я бросился в глубь конюшни.

Бланшара я нашел там же, где и оставил.

Но кое-что изменилось.

Уклониться от выпада, а затем и вышибить из его связанных рук черенок вил мне удалось без труда.

— Мер-рд...

Рыча, Бланшар согнулся от удара, неловко упал на солому, тотчас проворно перекатился к стене.

Я стоял над ним, уже занеся саблю для удара, но приказывая себе держаться.

Ведь все это — все, что происходило... Все это было из-за него!

«Любой ценой доставлю тебя в штаб», — подумал я, опуская саблю. Любой ценой, черт тебя забери со всем!

Бланшар же повел себя странно.

Завозился, приняв наиболее удобную позу, что было нелегко в его положении. Приложил сложенные домиком связанные руки к лицу. Стал дышать в них, пытаясь согреться.

Меня поразила его спокойная поза, будто на пикнике. Будто он не пытался только что исподтишка атаковать меня, выпуская из перекошенного рта клубы густого пара, тараша черные буркала.

Заметил я и еще кое-что.

По дощатому настилу было мелом прочерчено подобие неровного круга.

— Загодя меры приняли, месье Бланшар?

— Глупый мальчишка, — прошипел он в ладони. — Даже не представляет, во что впутался...

— Кровь ему пустить, ваше благородие, — сказал Хомутов с наигранным равнодушием. — Вы дайте мне этого робеспьера на часок. Мне хватит. Вот в персидскую кампанию, помню...

...теперь я видел, как пропало нехорошее, мечтательное выражение, что поселилось на лице урядника при словах «кровь пустить».

Теперь я видел Хомутова таким, каким никогда не доводилось видеть мне его прежде.

Он был напуган.

Быть может, с ним такое случилось впервые. И он ни за что не признался бы себе в этом сам, но жесты выдавали его, и выдавал напряженный, звенящий тон, с которым он сказал: «Ваше благородие, повременика! Дай сам гляну...»

А там, за сугробами, прятавшими мертвецов, простуженные и пьяные голоса неслись из темноты, из круговерти метели, вопя: «О-о за-а-арм ситуа-я-я-я! Формэ во батайо-о-он!»

И все пропадало, и был только вой вьюги и шелест падающего снега.

«Маршон, маршо-о-он!»

И волки, переключаясь, протяжно запевали на разных сторонах света...

...этого было, по-видимому, мало для нас.

Потому что теперь появился этот туман.

Красный туман, стелившийся по всему второму этажу, собрался клубами у самой арки на лестницу, будто не смея идти дальше.

Мы устроили там еще одну баррикаду, будто признавая и подчеркивая тем самым, что вот, уступаем этим неведомым силам еще больше пространства. Хомутов занял позицию напротив, усевшись на стул с ружьем на коленях.

Только что проку, когда уже в холле было видно, как сочится меж досками темно-багровое, вязкое, длинными потеками огибая напыщенных елизаветинских вельмож в вычурных рамах...

— Это он, М-мишель, он виноват! — Забелин заикался от ярости больше обычного, порываясь идти к комнате, в которой заперт был Волосич. — З-завел нас в эту дыру, с-старый черт! Д-допросить его, бороду вшивую, с п-пристрастием...

Но он снова понадобился доктору, тот звал его, и Забелин, дернув щекой, послушался, отступил.

А я стоял у запертой двери, за которой томился Волосич, и следил за малютками, сновавшими по углам зала.

Маленькие, снующие повсюду рыжеватые тельца. Дробный стук коготков по паркету, тонкий писк.

Они были толстые, откормившиеся.

Неправдоподобно смелые, наглые, и я знал причину, по которой они так осмелели, и причина эта в очередной раз разразилась бранью, требуя еще ну хоть каплю рома, черт вас всех побери...

— А вы не повышайте на меня голос, урядник! — визгливо кричал доктор, позабыв про раненого, который тянул к нему окровавленную руку, пытаясь уцепиться за штанину, за край перепачканного фартука. — Я, между прочим, выпускник медицинской академии! Вы не имеете представления даже, с какими умами мне приходилось... Что-о?! Да кто вам позволил так...

И я пытался встать между ними, стараясь перекричать их, вразумить, наконец, просто приказать успокоиться, но...

— Дайте же пистолет! — выставляя тронутый щетиной кадык, надсаживался Черкасов. — Пистолет мне! Я буду атаковать, сейчас же, насмерть! Или застрелюсь к черту! Теперь все равно... Ну? Проклятье! Как жжется! Это невыносимо, доктор... Еще рому, умоляю!

...ведь это сон, показалось мне в какое-то мгновение.

Вязкий, затягивающий кошмар.

И надо лишь проснуться. И все станет как прежде, ясно и хорошо, и на душе станет опять покойно.

Быть может, нет никакой войны и нет смерти и снежного ада.

А я заснул в траве, в истоме июльской жары, и над головой моей звенят стрекозы, вокруг шелчется, дрожа в полуденном мареве, розовеющий клевером луг и слитно трещат хоры мириад кузнечиков.

Стоит только проснуться...

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал Бланшар. — Вам кажется, что все, что происходит вокруг, — это сон. Мутный кошмар, пленником которого вы стали. Вам теперь хочется проснуться, избавиться от всего этого. Я могу помочь вам.

Он говорил без всякой интонации, как гувернер, втолковывающий мальчишке-остолопу прописные истины.

— О чем вы?!

— Я могу помочь вам проснуться.

Бланшар растянул бледные губы в улыбке. У него были скверные зубы, редкие, черные и острые.

Я молча приложил лезвие сабли к его шее. Но улыбка не сходила с его лица.

— Убив меня, — сказал он, — Вы лишь поможете проснуться мне. Только и всего...

— Где Захарка?! — закричал я, перебивая его, окончательно сатанея. — Говори, ну?

Я пнул его ногой в живот, он захрипел, я ударил снова...

...тела Захарки нигде не было.

Валялась только его косматая шапка. И тонкий кровавый след тянулся наружу, теряясь под снежным языком, который уже намело в распахнутые двери...

И не было наших лошадей.

Сани наши были здесь, все четыре штуки.

Я знал, что француз тут не при чем.

И дело не в отбившихся от обоза мародерах или лесных разбойничках, охотниках за трофеями, о которых твердил Хомутов.

Что мы столкнулись с чем-то совершенно иным.

Я заставил себя остановиться, хотя хотелось продолжать. Бланшар, ругаясь, ворочался на мерзлой соломке, отмахивался растопыренной пятерней.

Хотелось уже не пинать его сапогом, а рубить саблей, рубить в кровавую колбасу, в куски! За все! За его презрительные взгляды, за его тон, за эти его фокусы

с мелком и дурные намеки на придуманную им самим нечисть (в которую верил теперь, кажется, даже прагматик Беккер). Рубить его за само выражение его прищуренных черных глазок, и за то, что он враг, и просто потому, что я начал сходить с ума...

...Заперев Бланшара в подполе, я побежал обратно в усадьбу.

Хомутов кивнул мне, поднявшись со стула:

— С меня хватит! Пошутили, и будет.

Звеня шпорами, он направился прямо к импровизированной темнице, где заперли Волосича.

— Куда вы, урядник? — крикнул я вслед. — Эй?

Не отвечая, Хомутов вытащил ножку стула, служившую засовом, и скрылся внутри. Оттуда послышались брань и возня.

Урядник за шиворот вытащил старика:

— Поспрашаю-ка лапотника! Знал, небось, паскуда, куда правит. Неспроста завез нас сюда...

Волосич и не пытался сопротивляться.

Я подбежал к уряднику, схватил его за рукав, желая задержать. Он и впрямь остановился, посмотрел на меня блестящим взглядом и сказал нехорошим голосом:

— Ваше благородие, оставь!

Я сразу вспомнил и заснеженный лес, и черный зрачок дула.

Отпустил его рукав.

Не зная, что предпринять, я смотрел, как урядник вытаскивает старика на крыльцо, навстречу тьме, снегу и ветру.

Я кинулся обратно в зал, взять пистолет.

Беккер и Забелин склонились над Черкасовым. Тот трясся, бормотал, пытался отбиваться от них.

— Что там за ч-чертовщина, М-миша?! — обернулся Забелин.

Все поняв по моему взгляду, он дернулся встать, но Беккер, прилаживавший ко лбу раненого компресс, пронзительно крикнул:

— А ну, стойте! Вы нужны мне здесь! Держите его голову, ну?!

Забелин, чертыхнувшись, подчинился.

Я схватил пистолет, побежал обратно, но на выходе из зала столкнулся с подпоручиком Прокудиным.

Весь он, с ног до головы, был залеплен снегом, в руках сжимал вахмистровский штуцер. Ментик распахнут, щеку пересекала рваная рана.

— Куда собрались, корнет? — распахнутые глаза с обледенелыми ресницами смотрели безумно и пусто. — Ну, назад! Меня значит, туда... А сами здесь, в тепле? Так-с?! А штабного в ключья, можете себя такое представить? В ключья! Епанчину голову начисто снесло. Фонтан-с! Даже вообразить не мог, как там много помещается этого, красного... Меня там... А вы-с тут?

— Прокудин, — пролепетал я в замешательстве. — Да что с вами такое слу...

— Что-с? Как обращаетесь к старшему офицеру? Не потерплю! А ну, смирна!

Он наставил шуццер на меня.

Я попятился, инстинктивно нацеливая на него пистолет.

— Ах вот как! — на обмороженном лице Прокудина отразилась сумасшедшая радость. — Значит, так, Мишель? Против старшего по званию... Бунт-с?! Измена?... Забелин! Сюда, живо!

Забелин обернулся:

— Что за б-балаган?!

— Немедленно прекратите! — прокричал Беккер. — Подпоручик, что за шутки?

— Лекаришка? — оскалился Прокудин, продолжая целить в меня. — Молчать, штафирка! Вы и его привлекли к своему заговору, корнет? Но ничего, я вас всех сейчас... По струнке будете у меня! Вон я холопа черкасовского — хлоп! Прямо в лоб! Каков каламбур, а?! Что до вас, корнет, право, не ожидал... Вы, однако, подлая...

— Да как вы смеете? — задохнулся я. — Какой, к черту, бунт? Вы в своем уме?! Тут у нас... Такое!

— Малча-а-ать! — завопил обезумевший подпоручик. — Не смей заговаривать зубы! Подлец! Мальчишка проклятый, я давно тебя подозревал! Уж больно ты скор! Ну, теперь я...

— М-миша! — закричал Забелин.

Я дернулся в сторону, повалился, споткнувшись о перевернутое колченогое кресло, что-то прогрохотало, оглушая, над самым моим ухом, на миг обожгло щеку. Все потонуло в мучительном тошнотворном звуке, низком гуле, монотонном звоне, которого источник был у меня прямо в черепе.

Ничего не слыша, я увидел перекошенное лицо Прокудина, выхваченную саблю, занесенную надо мной.

Затем вынырнул вдруг Забелин, широко раскрывая рот, ткнул подпоручика клинком в бок. Тот, тараща глаза, повалился на меня.

В голове звенело, гудело. Забелин потащил меня вверх, широко раскрывая рот, кричал что-то неслышное и сильно тряс.

— у-у-у-о-о-о-ой?! — донеслось до моего сознания с чудовищным искажением. — Живо-о-ой?! М-миша, к-контузило?

— Живой! — разлепил губы я. — Живой... Иди к Черкасову! Я сам...

Кивнув, он кинулся обратно.

Я смотрел на подпоручика, заснеженным кулем лежащего у кресла. Вокруг собиралась лужа талой воды, мешалась с густыми темными разводами.

«Кровь», — подумал я равнодушно.

Подобрав пистолет, я направился к выходу.

Двери были распахнуты настежь, но ни урядника, ни старика нигде не было видно.

Долетел сквозь снежную завесу протяжный прерывающийся крик...

...Что-то тянуло урядника сзади, туда, в сугробы, в нагромождения снега, человеческих и конских тел, и тоненько трещала ледовая корка.

Я закричал:

— Руку, руку хватай, Хомутов!

И не видел его, потому что снегом залепляло глаза, и буря хлестала по щекам холодной ладонью.

А он, невидимый, орал в ответ:

— Уходи! Уходи-и-и, корнет! Это он... Старый запердежник! Знал, его вина! Он нас заманил, понял?! Беги, корнет, беги ты ради Христа!

...и когда Хомутова затянуло, на миг в белесых хороводах пурги, прямо передо мной, проглянуло что-то совершенно немыслимое.

Громадный человеческий силуэт, полупрозрачный, будто составленный из замерзшей воды, покрытый разводами изморози, утыканный переливающимися сосульчатыми иглами, и в таком же игольчатом венце, он тянул ко мне руку — и длинные суставчатые пальцы ее тоже кончались острыми прозрачными шипами...

...Вы можете попробовать снова застрелить меня, — сказал я. — Но, думаю, вы уже убедились, что нам всем угрожает нечто такое, что... Я не знаю, как сказать...

Он понял меня. Хоть лицо оставалось непроницаемым, в черных звериных глазах я прочитал, что он понял.

Потирая натертые веревкой запястья, он принял из моих рук карабин.

— Нам пора убираться отсюда, месье Бланшар. Идемте...

...первым войдя в каминный зал, я увидел Черкасова.

Он стоял, покачиваясь, опираясь одной рукой на спинку дивана, другой целя в мою сторону из пистолета.

Больше в зале никого не было, двери на колоннаду распахнуты, из них задували снежные вихри.

— Черкасов, не...

Я предостерегающе поднял руку.

— Мишель, сзади! — захрипел он.

И выстрелил в шедшего следом за мной Бланшара. Француза отбросило, он стукнулся спиной о дверной косяк и медленно сполз вниз.

— Вот и славно, — одними губами прошептал Черкасов. — Славно вышло...

Выронив пистолет, он покачнулся, зацепился рукой за канделябр, облепленный парой дюжин разномастных свечек, собранных по всей усадьбе.

Черкасов упал на пол, раскинув руки. Канделябр обрушился на книжный шкаф, рассыпая мириады искр, потянул за собой край портьеры, с треском расколотил склянки в докторской сумке и ромовые бутылки, что стояли возле дивана среди скомканных окровавленных бинтов. В недрах сумки что-то ярко и празднично вспыхнуло, в единый миг охватив и портьеру, и шкаф. Веселое пламя, подхваченное сквозняком, вдруг разом взметнулось во всю стену.

Я кинулся к колоннаде, выбежал навстречу мутным хороводам метели.

Беккер был у груды мертвых тел, прижатый к ней спиной. С разбитым в кровь лицом и без пенсне. Одной рукой он шарил вокруг себя, а другую протягивал вперед в защищающемся жесте.

Забелин стоял подле него, чуть склонив голову, примерялся саблей для удара.

Он повернулся на грохот и треск пламени в зале, увидел меня. Улыбнулся:

— П-присоединяйся, Миша! Как видишь, у нас в-весело...

Докторское пенсне хрустнуло под моим сапогом, в осколках отразились блики пламени.

— Значит, и ты, Георгий? — сказал я, таща саблю из ножен. — И тебя тоже...

— И м-меня, Миша.

Он стремительно развернулся корпусом и сделал выпад.

Я отразил его саблей, лязгнула сталь, на миг мы оказались лицом к лицу.

— В-выхода нет, — прошептал он. — Придется драться!

Мы отскочили друг от друга, Забелин сделал новый выпад, и еще, и еще, тесня меня к краю. Фехтовал он куда лучше меня. И когда он совсем было припер меня к перилам, за ним показался Беккер.

Забелин дернулся, удивленно приподняв брови, стал валиться на заметенный снегом мрамор.

Беккер стоял над ним, близоруко щурясь, с детским любопытством разглядывая окровавленный хирургический нож в собственной руке.

— Доктор? — позвал я. — Беккер, вы что же...?

На его губах появилась мечтательная улыбка. Он медленно, очень медленно двинулся на меня.

На третьем его шаге сквозь вой метели раздался отрывистый треск.

Доктор рухнул лицом вперед.

Бланшар, с закушенной губой, глядя исподлобья, отбросил карабин. Взялся рукой за предплечье. На шинельном сукне расплывалось темное пятно.

— Серьезно вас?

— Сквозное, чепуха. А вы правы. Нам самое время убираться...

...И тогда он выдвинулся нам навстречу, выступил из снежной круговерти, совершенно невозможный и в то же время действительный, всамделишный во всей этой переливающейся льдистой красоте, ощеренный сосульчатými иглами и шипами, в игольчатом царственном венце...

Бланшар не стал вопить от ужаса (как смертельно хотелось поступить мне, вот только не было уже сил).

Он попятился и забормотал непонятное, гортанное. Потянул здоровой рукой из-за пазухи крошечную склянку, зубами вытащил пробку, стал сыпать из нее перед собой темную пыль, стремительно развеивающуюся в вихрях метели.

Бланшар, пятясь, все продолжал бормотать, а потом швырнул склянку навстречу этому... Навстречу тому, что надвигалось на нас...

Мы медленно отступали, утопая в сугробах до колен.

Француз махал перед собой ладонью и бормотал. Он действовал так, как и должно было действовать в нашем положении. Он не боялся, потому что бессмысленно уже было бояться надвигающейся гибели.

Но можно было еще попытаться остановить это... этого...

И тогда я тоже перестал бояться, я вспомнил, что у меня тоже есть способ.

Сгинь, сгинь нечистая, пропади совсем!

В одной руке я сжимал саблю, а другой размашивал крестился. Истоиво шептал пришедшую на ум молитву, в детстве заученный «Отче наш».

И тогда вдруг переливающийся льдистый призрак дрогнул.

Отступил, будто теснимый беснующимся вокруг нас ветром, точно ветер перестал быть его союзником, а переметнулся на нашу сторону...

Быть может, на него подействовала моя молитва, моя вера, впитанная с молоком матери, вобранная с младенческих лет мерцающими в красном углу огоньками лампад и чинными проповедями в домашней часовне, запахом куличей по весне, переливчатыми голосами певчих, ладанным духом и гулким сумраком храмов...

Возможно, на него подействовали приемы Бланшара, его навыки и тайные знания, полученные в блужданиях с фонарем по испещренным тайными знаками заплесневелым гробницам мертвых царей. Знания, таившиеся в резных саркофагах, в алебастровых сосудах, занявших наряду с прочими трофеями тесные трюмы кораблей экспедиционного корпуса.

Вернее всего, мы с французом просто наскучили ему. Существу, имени которого нам не дано было узнать.

Пресытившись чудовищной игрой, сполна вкусив питавших его безумия и крови, оно оставило нас, растаяло, рассыпалось снежной крошкой, не оставив от себя и следа.

Ветер еще бесновался, еще играл, звеня заиндевелыми ветвями, шурша поземкою, но и он шел на убыль, таял, успокаивался.

Над заснеженными верхушками леса занимался бледный рассвет...

— Обопритесь на меня.

— Благодарю.

Некоторое время мы молча ковыляли по снегу. Впереди, разметанная бурей, показалась дорога.

За нашими спинами до небес полыхал чудовищный костер, искры летели навстречу рассветному небу.

Метель успокаивалась, натешившись всласть, уходила.

— Слышал, вы очень образованный человек? — разлепил губы я. — Что думаете обо всем этом? Что скажет на сей счет передовая наука?

Он некоторое время молчал, затем сказал:

— Гран-Гиньоль.

Я сначала не понял.

А потом вспомнил, удивился.

И мысленно согласился с французом. Да, именно так. Большое. Кукольное. Представление.

— Что ж это за силы такие, — пробормотал я, — что человек им, как петрушка тряпичный... Что ж это за твари-то такие...

Что-то бабье и трусливое послышалось мне в моем собственном голосе. Я только досадливо сплюнул, радуясь, что проговорил все это по-русски, и Бланшар ничего не понял.

— Пошевеливайтесь, — я решил напомнить, кто есть кто в нашем временном альянсе. — Нам предстоит долгий путь.

Он молчал некоторое время, ковыляя со мной шаг в шаг, а потом сказал:

— В мире есть такие силы, месье... При встрече с которыми наш разум цепенеет. Я знал это и раньше. Вы узнали это теперь. Какая, в сущности, разница? Кто знает, может, они так и останутся непостижимыми...

— О да, — сказал я. — Есть такие силы, месье Бланшар. А еще... В мире есть такие страны, куда лучше не приходить. Даже войском в двенадцать языков. Всегда плохие последствия...

Он посмотрел на меня черными птичьими глазами. Кивнул.

Мы поковыляли дальше.

— Как думаете, дойдем куда-нибудь? — спросил он.

— Авось выберемся, — ответил я по-русски.

Бланшар снова не понял. Покосился на меня.

Я попытался улыбнуться. Потрескавшиеся губы нещадно саднили, лицо горело от мороза. Но у меня получилось.

Он растянул бледные губы в ответной улыбке. Зубы у него были скверные, темные и редкие, и десны тронуты воспалением.

— На авось, — отвернувшись, я стал смотреть на приближающуюся дорогу. — Непереводаемо.

К полудню полковник Луиджи Гатти, с остатками отрезанного казаками на марше полка королевской гвардии из четвертого итальянского корпуса Великой армии, вышел к свежему пепелищу.

Обугленные развалины некогда просторного здания чернели посреди сугробов, а все, что лежало окрест, укрывала белая пелена.

Полковник Гатти, шедший во главе колонны пешим порядком, в женской лисьей шубе поверх походной шинели и офицерской шляпе

поверх скрывающей голову и лицо цыганской шали, вместо трости опираясь на плохо обструганную палку, приказал остановиться.

Какое-то карикатурное страшилище шло навстречу ему и его солдатам.

Перемазанный сажей старик с растрепанными волосами и косматой бородой, одетый в драный, обугленный зипун и закопченные валенки. Он приветливо помахал полковнику.

Гатти пришли на ум лишь две трактовки этого события.

Происходящее могло быть как очередной уловкой партизан, так и долгожданным явлением святого покровителя Франциска Ассизского.

Но после двух суток пешего перехода, блужданий по лесу, после ужасающей бури, что обрушилась на них минувшей ночью и унесла едва ли не треть отряда, — полковнику очень хотелось поверить в чудо.

Вперед выступил бывший щеголь-адъютант из свиты вице-короля. Он устало клонил голову, обмотанную в несколько цветастых платков, завязанных под подбородком уродливым узлом, и зябко кутался в траченный малиновый салоп.

— Узнайте, что ему нужно, — приказал Гатти адъютанту.

Говорить бывшему щеголю было трудно. Встав лицом к лицу с незнакомцем, он забормотал сквозь прореху в платках. Обменявшись с ним несколькими фразами, обратился к полковнику.

— Он хочет быть нашим проводником.

— Вот как? По доброй воле? И, конечно, завести нас в засаду к русским?

— Говорит, не связан с партизанами. Говорит, ему жалко всяких людей. Хочет помочь.

— Спросите, как его зовут?

«Может, действительно Франциск», — подумал Гатти.

Адъютант выдал из себя несколько слов.

Бородатый незнакомец пролопотал что-то в ответ.

Адъютант обернулся, медленно выпростав из-под салопы обмотанную тряпками руку, отлепил от губ краешек платка, запинаясь, выговорил по слогам «Во-ло-тсо-иче», и повторил, уже несколько увереннее, «си кьяма — Волотсиче, синьор колонель!»

Бородатый, услышав свое имя, закивал утвердительно.

— Позвизд я, — ткнул себя мосластой ручицей в грудь. — Позвизд Волосич.

«Может быть, действительно святой, — подумал Гатти, а может — к русским...»

Да и какая теперь разница?

Он смотрел на незнакомца.

И хотя тот прятал улыбку под нечистой косматой бородой, но прищуренные глазки в сеточках морщин у него были веселые, обещающие.

Наталья Запорожцева
Иллюстрации подготовлены автором

Родословные перекрестки

Сегодня мы, где разумно, а где и через колено, реформируем веками сложившиеся традиции отечественной школы и высшего образования. В центре всякой образовательной школы всегда стоял и сегодня стоит педагог — начало всех начал.

Что такое были педагоги недавних по историческим меркам царско-советских времен? Читая эти «эссеи» Натальи Запорожцевой, не будем забывать, что речь идет о веточках только одного культурно-образовательного древа — русского священнослужителя, писателя и общественного деятеля Николая Николаевича Блинова. А сколько таких «дерев» росло сквозь тернии царизма и сталинизма!..

Густо плодоносящие ветви рода вятского священника Н.Н. Блинова (1839–1917) породили династию педагогов, врачей, журналистов, музыкантов, художников.

В прошедший Год Учителя педагоги города Сарапула вспоминали Блиновых-учителей поименно. Эта педагогическая династия длится уже 150 лет и насчитывает более 20 представителей: от скромных сельских учительниц Софьи Анисимовой и Аделаиды Блиновой до преподавателей Московского технического и Екатеринбургского медицинского институтов, кандидатов наук Т.Ю. Парахони и Л.И. Комаровой. Школьный музей «Сарапульская старина» в день рождения просветителя в конце 2010 г. представил на городскую педагогическую конференцию передвижную выставку «Педагоги Блиновы: 150 лет служения».

Передо мной фотокопии писем внучек Блинова — учительницы Н.В. Киприяновой из Перми и агронома Н.И. Комаровой из Екатеринбурга, присланных из Кировского архива. В их письмах Е.Д. Петряеву и к нам, в Сарапульский музей, масса подробностей жизни этой прекрасной семьи, много сведений о ярких, незаслуженно забытых родственниках. Мы расскажем лишь о некоторых из них, т.к. невозможно объять всех разлетевшихся по всему миру потомков 10 детей священника и 39 внуков.

САШЕНЬКА

Куда бы ни отправили по Вятской губернии опального писателя Н.Н. Блинова, он всегда счастлив был увидаться в Вятке с любимой сестрой Сашенькой. Так

называли Блиновы Александру Гавриловну Блинову, двоюродную сестру Николая Николаевича. Блинов пишет в мемуарах: «Во время тяжелой болезни Елены Васильевны (жена Н.Н. Блинова) в Бемыж приехала Сашенька, и настроение в семье изменилось на радостное: больная хоть медленно, но поправлялась... В Вятке я приютился у Сашеньки, дорогой моей сестрицы».

Отец ее был земский служащий. Работала она, по словам Киприяновой, учительницей вечерней или воскресной школы. Она была одинокой, но в доме с ней постоянно жили ученицы. Наталья Киприянова, жившая с мамой Софьей Николаевной в Вятке в 1915–1919 годах, помнила эту милую, добрую старушку, ее дом с хорошей библиотекой, разговоры матери с Сашенькой о новой статье Николая Николаевича, о чуть не состоявшемся назначении его редактором вятской газеты.

ИВАН КСЕНОФОНТОВИЧ КОМАРОВ

Н.Н. Блинову по душе пришелся зять, муж дочери Веры, Иван Ксенофонович Комаров (1872–1957) — ветврач, интеллигентнейший человек, шахматист и любитель музыки. Иван Комаров вышел из беднейшей крестьянской семьи Орловского уезда Вятской губернии и закончил жизнь кандидатом наук. Он учился в реальном училище Вятки на средства земства, т.к. родители умерли. В 1894 году он уехал из Вятки на барже, имея 60 рублей, собранных товарищами. Поступил учиться в Харьковский ветеринарный институт. Стипендию от Вятского земства получил только через

Наталья Семеновна Запорожцева — медик, краевед, педагог-психолог, журналистка. Окончила Казанский медицинский институт. Попав по распределению в Сарапул, сотрудничала в одноименной независимой газете. Активно занимается поисковой работой, ведет большую историко-краеведческую переписку. Является организатором и руководителем школьного музея «Сарапульская старина». Добивается того, чтобы сделать музеем-усадебой дом писателя-просветителя Н.Н. Блинова.

год — 10 рублей в месяц. Прожить на них урокам нельзя, он подрабатывал уроками, корректурой газет, летом — на эпизоотиях.

После окончания института он отработал стипендию в Вятской губернии, а затем уехал в Москву изучать мясное дело и работал ветврачом на городских бойнях до октября 1903 г. В Москве случайно встретил землячку Веру Николаевну Блинову, в 1903 году они поженились. В 1904-м получил приглашение от Вятского губернского земства занять должность уездного ветврача в Сарапуле, где и начал работать, но началась Японская война. Его мобилизовали ветврачом обозного транспорта в Маньчжурии.

Вернувшись в Сарапул, он организовал ветеринарную лечебницу, в которой и работал. Учился бактериологии в Петрограде и Московском институте Блюменталя. Вернувшись, организовал в Сарапуле в 1911 г. ветеринарно-бактериологическую лабораторию — первую в Вятской губернии. Делегат Всероссийских съездов ветврачей в Москве и Харькове. В 1914 году был мобилизован на Германскую войну в Иркутск, где служил ветврачом в этапном лазарете до окончания войны и был демобилизован в марте 1918 года. Потом работал в Свердловске, организовал там ветлабораторию. 72-летний ветврач в 1944 году защитил кандидатскую диссертацию, преподавал в мединституте. Всем

четверым детям супруги дали высшее образование, двое получили степень кандидатов наук в биологии и медицине.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЧЕМОДАНОВ

Одна из внучек Блинова, дочь Любови Николаевны Бехтеревой, пишет: «Двоюродный брат мамы был известный «передовой карикатурист», под псевдонимом Лилин печатался в «Колоколе». В доме у мамы был журнал с цветной сатирой — сидит в центре русская красавица, рядом кованые сундуки. Она подперла голову руками и охает, а кругом тянутся фигуры и руки предприимчивых иностранцев к ее богатствам. Среди родни гулял рассказ, что однажды в сарапульской газете был помещен рисунок мухи в виде иллюстрации к какой-то санитарной статье. Муха была нарисована очень крупно и весьма натурально. О художнике говорили, что он был нам родственником».

Тетка Чемоданова, медицинский работник Александра Васильевна, жила в вятском селе Кырчаны. Михаил Михайлович родился 27 октября (8 ноября) 1856 г. в селе Боровица Орловского уезда Вятской губернии. Он учился в Вятской гимназии и жил в семье Блиновых. В 1876 году поступил на медицинский факультет Московского университета, где познакомился с А.П.Чеховым.

Открытка М. Чемоданова 1906 г

Чемоданов становится известным в университетских кругах карикатуристом. Студент-медик работал в печатных изданиях «Будильник», «Осколки», «Свет и тени», «Фаланга», «Зритель», «Гусли». Из-за гонений царской цензуры он вынужден был прервать художественную деятельность, возвратившись к ней лишь в 1905 г. Он часто менял псевдонимы. Наиболее известны «Икс», «Червь», «М. Лилин». Карикатуры «Червя» были оружием в борьбе с несправедливостью и богатейшим иллюстративным материалом по истории революции 1905–1907 гг. Рисунок на открытке «Две перспективы» предупреждал Николая II: «Если казни продолжатся, то самодержец доплатится до виселицы». В 1906 году полиция нашла автора карикатур. Открытка «Две перспективы» сыграла роковую роль в жизни М. М. Чемоданова. Царская охранка карикатуру расценила как организацию покушения на Николая II. Впервые в истории почтового дела открытки стали обвинительным материалом в подготовке политического процесса. В Бутырской тюрьме М. М. Чемоданов заболел чахоткой и 16 января 1908 г. умер.

СВЕТЛАНА ЛЕОНИДОВНА БЛИНОВА

В воспоминаниях и мемуарах правнучки Светланы Львовны Блиновой-Лазаревской — яркие сполохи жизни московской интеллигенции второй половины XX века. «Рассказ аборигена XX века» — название точное по своему сокровенному смыслу: она из последнего на постсоветском пространстве поколения двадцатого века, корнями сросшегося и спаянного с ленинско-сталинско-брежневской своей родиной, закрытой от всего мира как резервация, железным занавесом. Следующие за ними были свободнее, они уже без предубеждений ездили на Запад, имели двойные гражданства. Но и лукавость некоторая есть в названии. Зная

Светлану и историю рода, никак нельзя назвать Блиновых забытыми, зашоренными совками.

Всю страну объехала биолог Светлана Блинова, была и за границей, и легко устанавливала там научные контакты, и стала, как говорится, человеком мира. Как и вся научная интеллигенция страны. Как и Н.Н. Блинов, ее знаменитый прадед, о котором писал уже наш журнал. И если бы не отвлекающие от науки перипетии блиновских семей, которые начались еще до революции с ее мятежным прадедом, стать бы ей профессором, мировым светилом в области изучения вредителей нематод растений. Недаром пражские и французские ее коллеги охотно ехали к Блиновой изучать результаты ее многочисленных научных полевых изысканий.

А начиналось увлечение зоопсихологией с козы Зойки в Сорочинске, куда сослали маму, Аделаиду Леонидовну Блинову. Там Светлана доила козу, училась вязать снопы, работать на косилке, на молочной ферме, «лопатить» зерно, сажать картошку. А потом садилась за учебники и ездила на попутке за 20 километров в Сорочинск сдавать экзамены за годовой курс.

Потом Московский университет, «эпоха обмичуривания студентов и облысения дарвинизма». Были уволены декан С.Д. Юдинцев, академик И.И. Шмальгаузен и целый ряд профессоров и преподавателей. Лысенко дивил студентов такими перлами, как порождение пеночкой кукушки, пшеницей – ржи и овсом – сорного злака овсюга. Зато была практика в Звенигородском районе, гербарий из 100 растений, определитель мхов и запись на пластинку пения птиц, воспитание бобряток в «детском саду» воронежского заповедника и сознание правильно выбранного пути: где еще можно каждый год 3–4 месяца проводить на природе!

Были у нее встречи с выдающимися учеными В.Г. Гептнером, Н.Н. Ладыгиной-Котс, работа

Светлана с мамой Адой Леонидовной Блиновой

в Уголке Дурова, где бывали Эренбург, Качалов, Станиславский, Мейерхольд, Чехов, Гиляровский, Есенин, Саша Чёрный, первый художник-анималист Ватагин, пели Собинов и Шалапин. Был 1951-й – голодный период выживания для слонихи Пунчи и двух десятков других зверей Уголка Дурова. В Театре зверей выступали медвежонок, собаки, были сценки, где енот-полоскун стирал бельё, а шалунья-собачка опять пачкала его. И знаменитая мышиная железная дорога, где мыши-пассажиры выглядывают из окон вагона, а «машинист» по сигналу трогает или останавливает поезд. Светлана любила зверье, и слониха Пунчи по ее просьбе делала стойку на передних ногах.

Но ее ставку сократили, и пришлось идти работать на станцию юннатов. Живой уголок был скучный, но к лету ребята принесли двух галчат – Галю и Колю, научили их звонить в колокольчик. На воскресенье приходилось брать галчат домой, причём в трамвае они спокойно сидели на руках и смотрели в окно на радость и удивление пассажирам. А в отпуске она наслаждалась на Байкале обществом ручного медвежонка Феклуши и беседами с сокурсницей Наташей. Перед отъездом из заповедника друзья подарили молодого бурундучка,

который доехал благополучно до Москвы и сразу полез знакомиться на клетку с птицами – чижулей и синичкой-ополовником. Через несколько дней птицы освоились с новым зверьком, которого назвали Митей. В клетке сидеть он не хотел, ел с рук, обхватывая лапками палец.

В лаборатории гельминтологии АН СССР (в просторечии – Гелан) академика К.И. Скрябина Светлана занялась нематодами вредителями растений. Местом работы был Бузулукский бор в Оренбуржье, Тува, Алтай. В 1965 году на 5-ом месяце беременности С.Л. Блинова защитила кандидатскую диссертацию. Началась семейная эпопея. Как пишет Н.Н. Блинов, «для полной жизни, для полного счастья надо, чтобы были удовлетворены у человека троякого рода потребности: личные, профессиональные и общественные. Счастье в семейной жизни, довольство своим специальным делом и удовлетворение своим положением гражданина, – вот из чего должно слагаться счастье человека, живущего полной жизнью. У нас потребности гражданина остаются неудовлетворенными по нашему российскому убожеству». Светлана вполне была удовлетворена любимой работой (в Гелане работала 32 года), семьей (рядом были милая мама и крошечная

Яков Канторович

Оленька). Желать большего не позволяло время: еще свежи были воспоминания о репрессиях в отношении матери и Анатолия Канторовича. Но иначе думали и жили Владимир Канторович и его жена Раиса Цейликман.

КАНТОРОВИЧИ И Р. ЦЕЙЛИКМАН

История рода Канторовичей знаменательна. Прародитель Яков Абрамович Канторович (01.01.1859–15.10.1925) – российский юрист. Окончил курс юридического факультета Санкт-Петербургского университета, состоял присяжным поверенным округа Санкт-Петербургской судебной палаты, редактором-издателем юридических журналов. Провидец надвигающихся репрессий, он в 1899 году опубликовал труд «Средневековые процессы о ведьмах», в котором писал: «Существование ведьм предполагалось повсюду – в каждом доме, в каждой семье. Требовалось только их распознать, выследить, уличить и арестовать. Странствующий инквизитор, или «комиссар ведьм», переходил с одного места в другое и везде старался собирать сведения о ведьмах – на основании допросов окольных людей, доносов, слухов. В «зараженную» местность направляли комиссию для повального допроса всех жителей и с целью быстрого и энергичного приостановления заразы». Оба его сына, Анатолий и Владимир, попали в сталинские жернова «процессов ведьм»-вредителей и изменников родины.

Владимир Яковлевич Канторович (1901–1977) – русский советский писатель, экономист, социолог. Окончил факультет общественных наук в Ленинграде, начал печататься с 1929 года. В 1937 был сослан на Печору, в Башкирию, Са-

халин, откуда привез «Сахалинские тетради». Ленинградский литературовед А.И. Рубашкин в 1957-м познакомился с В. Канторовичем в ЦДЛ в Москве, подружились на всю жизнь. В коммуналке Владимира и Раисы на Софийской набережной, затем в квартирке у метро «Аэропорт» читали вместе тамиздат и самиздат, включая «Архипелаг ГУЛАГ». Владимир Яковлевич смеялся: «Если к нашему писательскому дому подогнать самосвал, то его не хватит, чтобы вывезти всю «нехорошую литературу». Пройдя лагеря и ссылки, он с трудом входил в ритм работы. Он хотел работать над новыми темами: русским очерком, который называл эссеем, его интересовала социология, влияние литературы на жизнь. Переписка писателей продолжалась до 1977, когда больной раком Канторович, которого мучили жестокие боли и бессонница, написал записку жене, в которой просил прощения, и принял большую дозу снотворного.

Обослепительной красавице-тете Раисе Цейликман писала Р. Мирер, уехавшая в США: «Родители переехали из Смоленска в Москву в 1921–1922 гг. С середины 30-х Раиса сблизилась с Владимиром Яковлевичем Канторовичем, молодым, но уже довольно известным экономистом, социологом и публицистом. Он много печатался, много ездил

Раиса Цейликман

по стране, был неглуп, честолюбив, энергичен. Отношения у них складывались вроде бы вполне серьезные, но Владимир сохранял независимость, женитьба не намечалась. Был он хорош собой, чем-то, по моему представлению, походил на английского аристократа – гордая посадка светловолосой головы, красивый нос, надменный рот. К тому же и верхом ездил, и в теннис играл. Говорил с петербургской отчетливостью, слегка грассировал... Брат Владимира, Анатолий, возглавлял в «Известиях» международный отдел. До этого занимал видное положение в Наркомате иностранных дел. Когда одна за другой начали слетать с плеч головы международных журналистов, Анатолий Яковлевич, человек умный и мужественный, понял, что дни его сочтены. Он пригласил Владимира покататься верхом в Сокольниках, а там сказал ему: «Я решил с тобой попрощаться». Арестовали его месяца через два, летом, когда Владимир с Раисой отдыхали в Сочи. Жена Анатолия, Ада Блинова, прислала телеграмму с текстом, уже превратившимся в трагическое сообщение: «Анатолий заболел». «Болезнь» оказалась смертельной: Анатолию дали десять лет без права переписки, а на самом деле расстреляли...

Вскоре арестовали и выслали Аду. Она была секретарем наркома иностранных дел М. Литвинова, но он даже и не пытался ее спасти. Впрочем, все равно не смог бы, сам ждал ареста. Эренбург писал, что, начиная с 1937 года, Литвинов клал на ночной столик револьвер: застрелиться, если за ним придут ночью... Владимир не сомневался, что и с ним это произойдет – его внезапно перестали печатать. 15-го ноября 1937 года он был арестован. Получил пять лет лагерей за антисоветскую агитацию и пропаганду – редкий случай, когда была указана реальная причина: возмущался указом об абортах...

В горе и страхе прожила Раиса долгую зиму 38-го. До весны её никто не трогал. В конце апреля Раиса упала и сломала ногу. Но это оказался настолько удачный перелом, что лучше и не придумать! В ту же ночь в дверь позвонили. С ночными гостями был знакомый дворник. Раиса извинилась: «Встать не могу», и показала ногу в гипсе. Странная задумчивость охватила гостей. Но спас-таки перелом: ночные гости сказали: «Ну-ну, поправляйтесь», и удалились. А наутро мой дядя перевез Раису на дачу в Удельное, где она благополучно прожила до следующей зимы. С работы, конечно, пришлось уволиться. Но на Большую Садовую ночные гости больше не приходили: скорее всего, в неразберихе, которая тогда творилась, о такой мелкой сошке, как Раиса, просто забыли. Отсидевшись на даче, Раиса совершила поступок, который сроднил ее с женами декабристов: отправилась в лагерь на Печоре, где отбывал срок Владимир. В отличие от декабристов, советским политическим свиданий, конечно, не давали. Однако же

Анатолий Канторович

Раисе случайно повезло: колонну заключенных вели на лесоповал, и в гаме голосов Раисе удалось различить голос Владимира. Повидавшись с ним, Раиса поехала в далекое село, куда сослана была Ада Блинова, жена Анатолия Канторовича. Отвезла ей продукты, теплые вещи».

После возвращения Канторовича в их квартире постоянно устраивались обыски, отбирали рукописи. Раиса ничего не боялась. Их квартира в писательском доме всегда была полна людьми и огромными зелеными растениями. В их доме давал прощальный концерт Галич. Кто там только не бывал! Из дела № 46012 от 6.03.79: «У вдовы Раисы Павловны Цейликман изъяли при обыске: «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Зияющие высоты» А. Зиновьева, «Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского, воспоминания Л.З. Копелева». Кроме того, у всех обыскиваемых изымались пишущие машинки. Раиса пережила Канторовича и ушла из жизни так же трагично и мужественно, как и он, когда сломала шейку бедра и стала беспомощной. Выпив снотворное, Раиса позвонила Светлане Львовне Блиновой, которая слышала последние слова Раисы, как вдруг она замолчала... Навсегда.

Трудно покидать родословные перекрестки. Недосказана еще история жизни Городецких, Рапопортов. Столько талантливых людей окружали Блиновых, что рассказ о них бесконечен, и краеведческие раскопки сулят новые открытия не одному поколению краеведов.

Ленд-лиз в переводе на русский

Английский легкий танк «Тетрарх», поставляемый в СССР на условиях ленд-лиза

Советские историки если и упоминали о ленд-лизе, то обычно очень скупой и крайне недоброжелательно. Скрепя сердце, они нехотя признавали, что, действительно, союзники по антигитлеровской коалиции поставляли Советскому Союзу разного рода боевую технику и снаряжение, транспорт, сырьё, продовольствие, медикаменты, но, во-первых, поставки эти были ничтожно малы по объёму, а во-вторых — приходившие из-за океанов вооружение, снаряжение, транспорт и прочее были либо устаревшими, либо низкого качества — по сравнению с продукцией советских заводов. Так что вся эта ленд-лизовская помощь не оказала и не могла оказать сколько-нибудь заметного влияния на победу СССР в Великой Отечественной войне. Так ли это?

Словосочетание «ленд-лиз» образовано от английских слов «lend» — «одалживать, давать займы» и «lease» — «сдавать внаём, в аренду». Ленд-лиз — это название появившейся в 1940 году в США системы помощи странам, противостоящим агрессии гитле-

ровской Германии и её союзников, путём передачи вооружения и военных материалов займы, во временное пользование, в обмен на некоторые политические и экономические уступки.

В начале Второй мировой войны в Конгрессе США были сильны позиции изоляционистов — тех, кто требовал проводить по отношению к Европе традиционную для Соединенных Штатов политику невмешательства. Европейцы дерутся между собой? Пусть дерутся! Это не наше дело. Наше дело торговать с европейскими странами, не вмешиваясь в их отношения друг с другом.

Но президент США Франклин Делано Рузвельт и его единомышленники хорошо понимали, что долго оставаться в стороне от всё более и более разгоравшейся войны американцам не удастся. Если Германия и её союзники покончат с Британией, то рано или поздно Гитлер и компания смогут добраться, а, пожалуй, наверняка доберутся и до Америки. Значит, нужно, не вступая до поры до времени официально в войну, найти способ оказать действенную помощь англичанам. И такой способ был найден.

Осенью 1940 года юристы министерства финансов Э. Фоли и О. Кокс нашли в архивах закон 1892 года, принятый при президенте Б. Гаррисоне. Согласно этому закону военный министр США мог, если по его усмотрению это будет в интересах государства, сдавать в аренду на срок не более пяти лет собственность армии, если в ней в данное время не нуждается страна.

Положения этого полузабытого закона были переработаны с учётом сложившихся в мире к тому времени обстоятельств и положены в основу билля

Владимир Семенович Пуронен родился в 1944 году в г. Томске, в семье ссыльнопоселенца. Несколько лет воспитывался в детдоме, в 1961 году закончил томскую школу №45, с 1963 по 1967 служил на Тихоокеанском флоте. Заочно окончил исторический факультет Томского госуниверситета и с отличием спортфак Томского пединститута, работал тренером по плаванию в ТГУ, преподавал историю, физкультуру, НВП и ОБЖ, в основном в сельских школах. В «Уральском следопыте» печатается с 1979 г. Автор книги «Оружие. Мундиры. Знамена. Ордена».

о ленд-лизе. Ни о какой помощи жертвам германской или иной агрессии в этом билле не говорилось, были лишь ссылки на закон 1892 года. Следует отметить, что в англо-саксонском праве большое значение имеют прецеденты, поэтому больших затруднений с принятием нового, а, вернее, обновлённого закона не предвиделось.

В январе 1941 года законопроект поступил в Конгресс США, был одобрен палатой представителей и сенатом и 11 марта его утвердил своей подписью президент Рузвельт. Новый закон (билль) получил официальное наименование «Закон Содействия Обороне США», в обиходе же его обычно называли и называют законом о ленд-лизе. Президент США — он же верховный главнокомандующий — получил право самостоятельно, без санкции Конгресса, передавать займы или в аренду за номинальную, а чаще символическую плату вооружение и иные необходимые для обороны предметы правительству любой страны, защиту которой президент может признать жизненно важной для безопасности Соединённых Штатов Америки. В тот же день действие закона было распространено на Великобританию и Грецию — последняя к этому времени подверглась нападению со стороны фашистской Италии.

Сразу же после нападения гитлеровской Германии на СССР Черчилль, выступая вечером 22 июня по радио, предложил оказать России и русскому народу всю ту помощь, какую только может Великобритания. Вскоре между Советским Союзом и Великобританией был заключён союзный договор. И уже 6 сентября 1941 года начались поставки английского вооружения для Красной Армии на условиях ленд-лиза (Хотя в самой Великобритании закона о ленд-лизе не было.).

А вот из США в СССР в первые месяцы Великой Отечественной войны поставки шли только за наличный расчёт. И лишь 7 ноября 1941 года Рузвельт признал оборону Советского Союза жизненно важной для безопасности Соединённых Штатов, после чего американские поставки в СССР стали производиться на основании закона о ленд-лизе.

Из британских и исландских портов через полярные воды Норвежского и Баренцева морей пошли в Мурманск транспортные конвои союзников с ценными грузами. Кстати, незамерзающий порт Мурманск — до апреля 1917 года он носил имя Романов-на-Мурмане — вместе с подходящей к нему железнодорожной веткой был построен в 1916 году специально

для приёма транспортов союзников России по Антанте в годы Первой мировой войны. И до осени 1917 года в этот заполярный порт иностранными, в основном британскими, судами доставлялись крайне необходимые русской армии вооружение и снаряжение. Так что английским морякам путь в Мурманск был хорошо знаком.

Однако в годы Второй мировой войны плавание в северные советские морские порты — Мурманск и Архангельск — стало гораздо более опасным, чем раньше. Полярным конвоям союзников угрожали теперь самолёты, подводные лодки и надводные корабли гитлеровцев, базировавшиеся на норвежских — по соседству с Мурманском — портах и аэродромах. И не все корабли союзников доходили до места назначения.

Многим известна трагическая судьба конвоя РС-17, две трети транспортов которого в июле 1942 года были потоплены и до места назначения дошли только 11 судов. После таких огромных потерь отправка полярных конвоев в СССР приостановилась на несколько месяцев — до наступления полярной ночи.

Советские историки обвиняли и продолжают обвинять союзников и в первую очередь англичан в том, что РС-17 якобы служил приманкой для германского линкора «Тирпиц» и сознательно обрекался на гибель, чтобы иметь повод раз и навсегда покончить с полярными конвоями и под благовидным предлогом оставить Советский Союз без помощи в самое трудное время.

Сложилось мнение, что после трагических событий июля 1942 года все поставки по ленд-лизу в СССР прекратились надолго. Но такое мнение ошибочно.

Путь из Британии в Мурманск и Архангельск был самым коротким, хотя и самым опасным. Но он не был единственным. Действовали и другие пути. После того, как летом 1941 года советские и британские войска оккупировали Иран, появился «южный» путь, по которому помощь союзников поступала в Советский Союз.

Американский танк «Генерал Ли», поставляемый в СССР по ленд-лизу

Путь этот проходил через Персидский залив — Басру—Ирак—Иран—Каспий—Северный Кавказ—Астрахань.

Через Тихий океан пароходами ценные грузы шли во Владивосток, а дальше — по Транссибирской железной дороге. За четыре военных года на этом маршруте «неизвестными» (считается — японскими) подводными лодками потоплены десять пароходов под советскими флагами, хотя до 8 августа 1945 года СССР и Япония не находились в состоянии войны. Через Аляску и Чукотку в Советский Союз перегонялись американские самолёты, для чего в Сибири были построены специальные аэродромы.

Что же получил Советский Союз по ленд-лизу от своих союзников?

За годы войны в СССР была доставлена 21491 единица бронетанковой техники, что составляло от всех произведённых на советских заводах в военное время 16% танков и 12% САУ. Много это или мало?

Если считать в процентах в течение всей войны, то не так уж и много — всего лишь каждый шестой танк и каждая восьмая самоходка были английского или американского происхождения. Однако значимость союзных поставок бронетехники в разные периоды войны была далеко не одинаковой.

Зимой 1941—1942 годов производство различной боевой техники в СССР не соответствовало нуждам фронта. Эвакуированные с прежних мест заводы ещё не прибыли в предназначенные для них места, а уральские и сибирские заводы только-только разворачивали выпуск боевой техники. Во время зимних боёв, в том числе в знаменитом декабрьском наступлении под Москвой, в действующих частях Красной Армии каждый второй-третий танк был из числа полученных по ленд-лизу. Все сто процентов, а точнее 7179 английских и американских бронетранспортёров были единственным бронированным средством передвижения пехоты в мотострелковых батальонах танковых бригад — подобную боевую технику советская промышленность в то время не выпускала.

Танк «Шерман» на улицах Берлина.

Эти танки поставлялись в СССР из США по ленд-лизу

Критики советской исторической школы любят повторять, что вся эта броневая техника не вполне соответствовала суровым климатическим условиям России и традиционному российскому бездорожью. Но тот же упрёк можно адресовать и всем без исключения немецким танкам, самоходкам и бронетранспортёрам, которые, однако, при всех своих недостатках сумели дойти до Волги и Кавказа.

Конечно, подавляющее большинство танков и САУ, поступавших в годы войны в Красную Армию, были произведены советскими рабочими на советских заводах. По производству бронетанковой техники советская промышленность намного опережала промышленность Германии и всех оккупированных ею стран. На советских танках стояли мощные и лёгкие танковые двигатели В-2. Изготавливались эти двигатели из алюминия. Основным поставщиком алюминия для советской промышленности в довоенные годы был Днепровский алюминиевый комбинат в Запорожье, потерянный в первые месяцы войны. Производство алюминия на всех остальных заводах страны (главным образом на Каменск-Уральском) не покрывало и малой доли потребности в этом металле. Выручали союзники. Ежемесячно Британия поставляла в СССР по 2 тысячи тонн белого металла, США каждый месяц — по 5,5 тысяч тонн алюминия и алюминиевых сплавов. Так что моторы большинства наших славных «тридцатьчетверок», КВ, ИС и САУ изготавливались из доставленного по ленд-лизу металла.

Из алюминия изготавливают не только моторы для танков. Алюминий часто называют «крылатым металлом», так как он широко используется в авиации. Без поставок из США и Англии советская авиационная промышленность никогда бы не сумела хотя бы частично восполнить страшные потери самолётов, понесённые в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Пополнялась советская авиация и за счёт поставляемых по ленд-лизу самолётов. Только американцы передали «сталинским соколам» более 9600 истребителей и более 3600 бомбардировщиков. Советские историки об американских и английских самолётах отзываются, как правило, нелестно: и капризны они, и вооружены слабо, и скорость не та...

Но один из самых лучших советских лётчиков-истребителей, сбивший 59 самолётов противника, трижды Герой Советского Союза, будущий маршал авиации Александр Иванович Покрышкин в своих мемуарах «Небо войны» сообщает, что многие свои победы одержал, летая на американском истребителе «Аэробра» («Эркобра»), которую он сам летом 1943 года перебрал

из Ирана. На таких же «кобрах» воевали и многие его однополчане. Значит, не так уж плохи были американские самолёты, если эскадрилья Покрышкина летом того же года в боях над Кубанью сбила десятки самолётов противника, в том числе много «Мессершмиттов» и «Фокке-вульфов», которые считались лучшими немецкими истребителями. Воюя на «Аэрокобре», капитан Покрышкин получил свою первую, а затем и вторую звезду Героя.

Много нареканий в мемуарах, в популярной исторической и художественной литературе досталось на долю поступавших в Советский Союз британских истребителей «Харрикейн». Дескать, никудышные самолёты, никакого сравнения ни с советскими, ни с германскими истребителями. В результате советские лётчики, летавшие на английских истребителях, несли неоправданно большие потери. Некоторые критики утверждали, что англичане поставляли в СССР самолёты, снятые с вооружения британских ВВС.

Это неверно. В 1940 году британские лётчики на «Харрикейнах» на равных дрались с немецкими «Мессершмиттами» и выиграли «Битву за Британию». Что же касается больших потерь советских лётчиков...

25 августа 1941 года части Красной Армии перешли советско-иранскую границу от Нахичевани до Каспия. Шахская армия сопротивлялась несколько часов, после чего

отдельные иранские части разбежались, многие сдались в плен, остальные капитулировали. Вот что пишет об этих событиях азербайджанский историк Джамиль Гасанлы: «Потери Красной Армии составили 6 погибших, 18 раненых и 9 утонувших при форсировании Аракса. Потери авиации составили 10 боевых самолётов. Однако это было связано не с мастерством иранских военнослужащих, а с несерьёзным отношением к операции советских лётчиков, их незнанием местности и игнорированием метеорологических

условий» (Гасанлы Д. Вступление Советских войск в Иран и укрепление позиций СССР в Южном Азербайджане. Сборник «Правда Виктора Суворова. Окончательное решение». М. Яуза-Пресс, 2009. Стр. 99.)

Такие ничем не оправданные потери – 10 самолётов в первый день вторжения без противодействия противника – понесли лётчики, обучавшиеся до войны по полной программе и летавшие на советских самолётах.

Чтобы получить доступ к боевым полётам, английским, американским и немецким пилотам нужно было налетать более ста часов – в каждой стране были свои нормы. В СССР в годы войны бросали в бой лётчиков, прошедших сокращённый срок обучения и имеющих налёт 8–10 часов. Считалось, что дальнейшее обучение они пройдут в боях. Более опытные пилоты звали таких поступающих в боевые части новичков «взлёт-

Английский средний танк «Матильда», поставляемый в СССР на условиях ленд-лиза

посадка». Большие потери среди этого пополнения объяснялись не качеством ленд-лизовой боевой техники, а слабой подготовкой лётного состава.

Разумеется, союзники не ограничивались поставками по ленд-лизу танков, самолётов и алюминия. Самым массовым советским грузовиком во время войны была воспетая в стихах и прозе легендарная «полторка» — ЗИС-5 В. После войны, в самом начале ведущей в блокадный Ленинград ладожской «дороги жизни», в Волховском районе Ленинградской области полторке поставлен памятник — его могут видеть все проезжающие в этом районе по Мурманскому шоссе. Этот, в общем-то, маломощный, но простой в производстве и управлении грузовичок по путям-дорогам фронтовым колесил на шинах, произведённых на Ярославском шинном заводе из американской резины. Кроме того, из США прибыли 3700000 готовых автомобильных шин, которыми можно было обуть более полумиллиона советских полторок и трёхтонок.

А ещё из Соединённых Штатов в СССР доставлено почти 430 тысяч грузовых автомобилей: «Фордов», «Шевроле», «Доджей» и лучших в мире армейских 2,5-тонных трёхосных грузовиков повышенной проходимости — «Студебеккеров». Вот что пишет в своих воспоминаниях об этих автомобилях генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн (урождённый фон Левински): «Распутица началась в начале марта (1943 г. — В.П.), хотя она и прерывалась иногда наступлением морозов. Однако она была вначале для нас более неблагоприятной, чем для русских. Я уже упоминал, что русские танки благодаря своим широким гусеницам превосходили наши танки в маневренности при движении по снегу и во время распутицы. В то же время на стороне противника появилось большое количество американских грузовиков. Они могли ездить по пересечённой местности, без дорог, в то время как наши машины в этот период были при-
Британский (англо-канадский) пехотный танк «Валентайн» пользовался заслуженной любовью советских танкистов. После установки на него пушки калибром 76,2 мм он становился добротным средним танком, почти не уступавшим Т-34.

вязаны к дорогам с твёрдым покрытием. Ввиду этого противнику удавалось быстро перебрасывать пехоту из его танковых и механизированных корпусов. К тому же на нашей стороне с усилением распутицы выходило из строя всё больше тягачей. В результате этого наши подвижные соединения могли передвигаться на большие расстояния лишь с большой потерей во времени, а при столкновении их с противником последний имел большие преимущества» (Манштейн Э. Утерянные победы. М., АСТ, 2002. С. 622).

Помимо грузовиков, американцы передали Советскому Союзу более 50 тысяч джипов «Виллис». Американский джип был машиной, равной которой не было в то время ни у кого во всём мире. Простой в управлении и надёжный в эксплуатации, проходивший в распутицу даже по печально знаменитым российским просёлкам, «Виллис» служил в Красной Армии командирской машиной, широко использовался связистами и санитарями, мог буксировать противотанковую пушку, после установки на нём пулемёта годился в разведку и десант, мог отбивать налёты вражеских самолётов — истребителей и пикировщиков... Словом, был универсальной машиной, годной на все случаи непростой фронтовой жизни.

Более 35 тысяч американских армейских мотоциклов пришлось как нельзя более кстати в танковых и механизированных частях. А ещё Рузвельт отправил Сталину более 6 тысяч танковых тягачей, почти 9 тысяч артиллерийских тракторов, более 8 тысяч зениток и без малого 6 тысяч противотанковых пушек, более 470 миллионов артиллерийских снарядов, более 130 тысяч тонн взрывчатки, более двух миллионов тонн нефти и нефтепродуктов вместе с нефтеперегонными заводами в полном комплекте — когда немцы штурмовали Сталинград и рвались к Баку, кавказская нефть поступала в центральные районы страны с большими перебоями — без малого 2 тысячи локо-

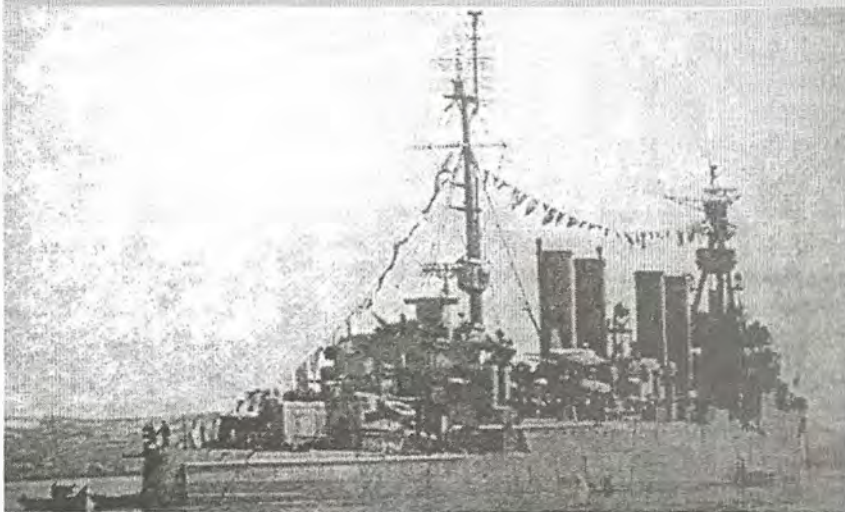
мотивов и более 11 тысяч железнодорожных вагонов, более 8 тысяч путеукладчиков и сотни тысяч тонн рельсов, кузнечно-прессовое оборудование и точнейшие станки, радиолокаторы, торпеды, морские мины, мостовые краны и оптику, полевые хлебозаводы и полевые кухни, хирургический инструмент и колючую проволоку, более 15 миллионов пар кожаных армейских ботинок, более 2300 тысяч тонн стали — включая броневую, более 65 тысяч тонн бронзы и латуни

в слитках, проволоке и листах, более 420 тысяч полевых телефонов и более 180 тысяч тонн изолированной медной проволоки к ним, почти 70 миллионов квадратных метров шерстяной ткани и т.п.

«Откроем второй фронт», — шутили красноармейцы, вскрывая заморские консервные банки. Всего в СССР американцы отправили более 3800 тысяч тонн различных видов продовольствия — тушёнки, сливочного масла, шоколада... А также поставили Советскому Союзу тысячи и тысячи тонн меди, свинца, никеля, олова, редкоземельных металлов, марганца, вольфрама, десятки миллионов электроламп, тысячи тонн маскировочных сетей, оборудование для госпиталей, навигационное оборудование для кораблей и самолётов... И многое-многое другое.

Большинство наших флотводцев в своих мемуарах получаемую по ленд-лизу помощь обходят молчанием. Даже те, кто сам воевал на кораблях зарубежного происхождения, стараются об этом не вспоминать. О самих же английских и американских моряках наши мемуаристы отзываются чаще всего в высшей степени неодобрительно. Читая воспоминания иного адмирала, и создаётся вполне определённое впечатление — настоящей помощи от союзников на море не было никакой, скорее даже наоборот. Но так ли было на самом деле?

В первые месяцы войны советский флот понёс огромные потери. Больше всего досталось самому мощному Балтийскому флоту. Только за двое суток 28–29 августа 1941 года при прорыве из Таллина в Кронштадт сводный отряд из 195 кораблей, транспортов и различных судов потерял более пятидесяти на минах и от налётов германской авиации. Ещё несколько десятков военных кораблей разных классов погибли на Балтике в июне-июле, при этом многие были взорваны или потоплены своими экипажами. В дальнейшем, до освобождения Прибалтики, Балтийский флот простоял в Кронштадте и устье Невы, обстреливая позиции немцев под Ленинградом крупнокалиберной корабельной артиллерией и защищая город от налётов вражеской авиации. Помощь кораблями Балтийскому флоту в это время была не нужна. Более того, до установления блокады несколько катеров и восемь подводных лодок по Беломоро-Балтийскому каналу отправлены на пополнение Северному флоту, где ко-

*«Мурманск» (до 20.04.1944 «Milwaukee»
получен по ленд-лизу от США. Возвращен ВМС США 10.12.1949)*

*Линейный корабль «Архангельск» (до 30.05.1944 «Royal Sovereign»
получен от Великобритании, возвращен 18.05.1949)*

рабли могли действовать и в течение всей войны действовали активно.

Черноморский флот хоть и понёс большие потери от авиации противника, недисциплинированности командиров кораблей и собственных мин, но всё же оставался во много раз сильнее, чем объединённые морские силы Германии и Румынии на Чёрном море (Правда, не очень добросовестные советские историки причисляют к боевым кораблям немецкие самоходные баржи и, считая поштучно силы противостоящих сторон, «доказывают», что на Чёрном море количественное превосходство было у противника.). Лишившись основных своих баз, советский флот теснился в маленьких, совершенно не приспособленных для обслуживания крупных боевых кораблей портах кавказского побережья. Дополнительные корабли были бы Черноморскому флоту только в тягость.

Тихий океан располагался далеко от основного театра военных действий Великой Отечественной войны. Но Тихоокеанский флот на протяжении всей войны постоянно находился в состоянии повышенной оперативной готовности к отражению возможного нападения Японии. И хотя боевая подготовка флота

проводилась в условиях, максимально приближённых к условиям военного времени, реальных боевых действий до августа 1945 года здесь не было. Часть кораблей Тихоокеанского флота Северным морским путём была переведена в Архангельск и Мурманск, на пополнение Северного флота. Однако общая численность Тихоокеанского флота не сократилась, а увеличилась. Ушедшие на Север корабли были замещены полученными по ленд-лизу от США фрегатами и корветами (Американские фрегаты и корветы 40-х годов XX века по своему классу предшествовали эсминцам и примерно соответствовали большим и малым сторожевым кораблям.).

К началу Великой Отечественной войны Северный флот из всех флотов Советского Союза был самым малочисленным. Полярное — главная, а точнее, единственная полноценная военно-морская база Северного флота не могла полностью обеспечить нормального базирования основных корабельных сил флота. Ремонтные и доковые возможности здесь не соответствовали потребностям военного времени. Боевые действия Северный флот вёл непрерывно в течение всей войны. Но даже незначительно повреждённые корабли выходили из строя надолго. Многие корабли — эсминцы, подводные лодки, тральщики, торпедные катера — погибли в боях и на минах. Тем не менее, к концу войны силы Северного флота многократно возросли.

В военно-исторической литературе не только советского, но и российского периода можно встретить утверждение, что Северный флот в годы войны непрерывно пополнялся новыми кораблями и самолётами, поступающими от советской промышленности и других флотов. Однако это утверждение не вполне соответствует истине. Советская промышленность в годы войны выпускала хорошие танки и самолёты. Но строительство боевых кораблей практически прекратилось. Судостроительные заводы (верфи) на Чёрном море в Николаеве и Севастополе в 1941–1942 годах захватили немцы. Ленинград с его мощной судостроительной промышленностью находился в блокаде. Красное Сормово под Горьким (ныне Нижний Новгород) было загружено ремонтом волжских судов. Впрочем, и в мирное время здесь производились, в основном, малые суда, катера и части подводных лодок. Комсомольск-на-Амуре и Владивосток только могли обеспечить нужды быстро растущего Тихоокеанского флота. Так за счёт чего увеличилась численность боевых кораблей на Севере?

За счёт поставок по ленд-лизу. Из США СССР получил 202 торпедных катера, 140 больших (БО) и малых (МО) охотников за подводными лодками (в нашей популярной печати МО часто называют «морскими охотниками»), 105 подводных лодок, 28 фрегатов, 77 тральщиков, 3 ледокола и десятки вспомогательных судов. А всего 595 кораблей — целый флот! Многие из этих кораблей вошли в состав Северного флота.

Существенную помощь Северному флоту оказала и Великобритания, поставившая Советскому Союзу

92 боевых корабля, большинство которых были оснащены самым современным оборудованием. В середине 1944 года союзники в счёт репараций с Италией передали во временное пользование Северному флоту британский линейный корабль «Ройял Соверин», получивший в советском флоте имя «Архангельск», американский крейсер, девять эскадренных миноносцев и четыре подводные лодки. Во времена «холодной войны» советские военно-морские историки если изредка и упоминали об этих кораблях, то неизменно подчёркивали, что все без исключения они были устаревшими, в боях участия не принимали и годились разве что на металлолом (Кстати, не участвовали в морских боях и линкоры Балтийского флота — ровесники «Архангельска». Однако никто из советских историков никогда не утверждал, что эти корабли безнадежно устарели и годились только на слом.) Так как к 1944 году британский флот уничтожил или серьёзно повредил все крупные надводные корабли Германии, базировавшиеся в портах Северной Норвегии, то английский линкор и американский крейсер хоть и держались в постоянной боевой готовности, но случая использовать их в бою так и не представилось. Зато все остальные боевые корабли — в первую очередь эсминцы и подводные лодки — активно участвовали в боевых походах до самого конца Великой Отечественной войны. В 1947 году, возвращая оставшиеся в составе Северного флота полученные в своё время по ленд-лизу корабли США и Великобритании, главком ВМФ Адмирал флота Советского Союза Кузнецов дал этим кораблям высокую оценку и от имени советских моряков поблагодарил союзников за помощь. В данном случае, наверное, следует больше верить адмиралу, чем историкам.

После окончания Второй мировой войны действие условий ленд-лиза прекратилось, уцелевшие к тому времени боевая техника и снаряжение постепенно возвращались союзникам. Последние боевые корабли, полученные по ленд-лизу, были возвращены американцам в 1954 году. К этому времени некоторые из них пришли в полнейшую негодность и даже не могли двигаться самостоятельно — их уводили на буксире. Есть сведения, что часть вооружения и транспорта СССР выкупил и оставил в своём распоряжении.

Так мог или не мог Советский Союз победить в Великой Отечественной войне без помощи Великобритании и Соединённых Штатов Америки?

Историки советской школы отвечают однозначно — мог! Многие зарубежные исследователи с ними не согласны и считают, что без иностранной помощи Красная Армия была бы заметно слабее, война бы затянулась на более долгий срок, и конец её мог быть совсем иным...

Все эти споры носили и носят умозрительный, схоластический характер. Помощь по ленд-лизу в Советский Союз поступала. И называть эту помощь ничтожной, пожалуй, всё-таки не стоит. А Вторая мировая война закончилась так, как она закончилась — полной победой СССР и его союзников.

Алексей Молчанов
Иллюстрации предоставлены автором

Филофонист Шестернев

Методист-руководитель клубной работы, он создал своеобразный звуковой музей голосов эстрадных исполнителей прошлых лет и пропагандирует их на круглосуточном эксклюзивном новосибирском радио «Слово». Знакомьтесь, филофонист Вячеслав Шестернев.

Дома у М. Бернеса (он в центре). Слева направо дочь Бернеса Наташа, В. Шестернев и приемный сын Бернеса — Жан

САМОУЧКА

— Мой отец Михаил Семенович — уроженец Смоленска, а матушка Полина Григорьевна появилась на свет в Воронеже, — рассказывает Вячеслав Михайлович. — Я тоже родился в Воронеже. Когда началась Великая Отечественная, немцы шли на Москву как раз через этот город. Родители работали на авиационном

заводе. Отец собирал самолеты, а мать была раздатчицей — так тогда называли официантку в столовой. Отец подал заявление на фронт. Но ему сказали: «А кто будет делать самолеты?» Была дилемма: или этот завод авиационный взрывать, чтобы немцам не достался, или отправить в тыл. Правительство решило его эвакуировать в Самару. Оборудование разбиралось,

Алексей Молчанов окончил факультет журналистики УрГУ, работал в пресс-службе ГУВД Свердловской области, газете «Уральский рабочий», телевизионной и радиовещательной компании. Печатался во многих журналах и газетах. Дипломант и призер журналистских конкурсов. Давний автор нашего журнала. Преподает в детской школе искусств №6 Екатеринбурга.

В. Шестернев (слева) и В. Трошин

грузилось на платформы товарных вагонов и увозилось на Волгу. В течение двух недель отец вместе с другими рабочими на новом месте собирал эти станки. Затем ему дали комнату в бараке, он вызвал нас, и семья воссоединилась. А Воронеж немцы разбомбили. Это достоверно показано в фильме «Судьба человека».

После войны было так. Я оставался дома один, потому что родители работали с утра до вечера. Мне полагался дневной рацион: два-три кусочка хлеба, луковица, ложка-две подсолнечного масла и две-три картофелины. Завод выпускал бомбардировщики «ИЛ-2». Отец работал в ЛИС — летно-испытательной станции. Самолет, прежде чем его отдать в воинскую часть на выполнение задания, необходимо было опробовать, как он поднимается, летит, приземляется.

Однажды назначили испытательный полет. Экипаж, в котором был и мой отец — бортинженер, отвечающий за работу двигателей: летчики, штурман, радист, моторист — занял свои места.

Взлетели, взяли курс на Каспий и вскоре доложили на аэродром: «Возвращаемся домой, задание по бомбометанию выполнили». Неожиданно связь прекратилась. Оказалось, что у них отказал какой-то люк, вылетели плотики для приземления на воду и отбили часть крыла. Самолет потерял управление и упал под Саратовом на хлебное поле с 3-х тысяч метров...

На поминках наши друзья спросили маму, как она собирается меня теперь воспитывать? Кто-то подсказал, что в Куйбышеве есть суворовское училище, может быть, сумеешь определить его туда. До начала занятий оставалось 10 дней, прием в училище был закончен. Тогда мама взяла отношение с авиационного завода, чтобы меня посмотрели отдельно. Начальник училища генерал-майор Баландин, фронтовик, вник в нужды нашей семьи. Я прошел медкомиссию, у меня индивидуально приняли все экзамены. И так с 1-го сентября 1951 года я стал учиться в суворовском. На погонах значилось СВУ КБ.

Однако спустя 5 лет мне пришлось уйти — испортилось зрение. Я окончил школу, потом поступил в техническое училище при авиационном заводе, где работал отец, и стал учиться на радиста.

По окончании устроился мастером в телеателье. Ходил по домам, ремонтировал телевизоры тех лет: «Темп», «Рубин», «Заря», «КВН», «Радий», «Енисей», «Рекорд». А еще увлекался музыкой. Однажды побывал на концерте Капитолины Лазаренко в сопровождении инструментального квартета под управлением аккордеониста Евгения Выставкина. Мне так понравилось, как играл Выставкин, что я сказал маме, что очень хочу научиться играть на аккордеоне. А в те послевоенные годы этот инструмент был немножко под запретом, потому как зарубежный. Мы никак аккордеон не могли найти в магазинах. А какой-то товарищ говорит:

«Ты возьми баян, это то же самое, только преподавателей много».

Мой первый учитель по баяну взял плату за обучение у мамы за два месяца вперед и смотался. Оказывается, он последний день работал в клубе. Пришлось заниматься по самоучителю. В репертуар брал обычные застольные песни. Позже перешел работать на большой завод «Экран», который собирал телевизоры. При нем существовал пионерский лагерь, где отдыхали дети сотрудников. Летом подошла пора набирать в него коллектив. Поваров нашли в столовых, физруков в спортивных комплексах, а музыкантов во время просмотра художественной самодеятельности. Меня заметили по выступлениям нашего 15-го цеха.

Так я попал в пионерский лагерь как аккордеонист и радист, даже в радиоузле жил, у меня было много записей для танцев, для развлечения пионеров-ленинцев. Воспитательница, которая руководила всей самодеятельностью, спросила меня: «Что вы окончили?» Отвечаю: «Я слухач, образование — техучилище». — «Вам бы надо поучиться, я чувствую, ваша профессия не техническая, а музыкальная». По ее совету я попал в институт культуры. Окончил факультет культмассовой работы и получил диплом «Методист-руководитель клубной работы». И стал вести уроки пения в школе. Так и остался музыкантом-самоучкой.

ИМЯ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

— Во время учебы в суворовском училище, в Ленинской комнате в свободные часы я прилипал к ламповому приемнику ВЭФ с зелененьким глазком настройки. Моими любимыми передачами были: «Веселый спутник» (предтеча «С добрым утром!»), «Сельские вечера». В одной из них диктор объявил: «А сейчас премьера! Композитор Кирилл Молчанов, стихи Михаила Матусовского. «Песенка о мечте». Исполняет молодой артист Московского Художественного Академического театра Владимир Трошин. И он запел: «Пускай по-

встречались мы лишь сейчас, наша юность давно пронеслась...».

Я обратил внимание, что тембр его голоса и манера очень похожи на моего первого песенного кумира Марка Бернеса. И стал ждать, когда Трошин вновь появится в эфире. Вскоре зазвучали: «Тихий дождь», «Я вернулся в свой город родной». Премьера знаменитых «Подмосковных вечеров» состоялась в октябре 1956-го. Ее представил в передаче «Сельский час» сам композитор Василий Павлович Соловьев-Седой. Как я узнал из разных источников, эта песня была одиннадцатая в репертуаре Трошина.

5 января 1962 года я приехал к нему в Москву, в квартиру на проспекте Вернадского. С тех пор мы подружились. Я собирал его записи очень скрупулезно, старался не пропускать пластинки, которые появлялись в магазине. Следил за передачами, где звучали премьеры его песен: «Голубой огонек», «До, ре, ми, фа, соль», «С добрым утром!», «Добрый вечер». Недавно решил посчитать, сколько же у меня песен Владимира Константиновича — их оказалось 756. У самого Трошина было за 400. На видеозаписи, которая у меня есть, он говорит: «Славик, ты меня обогнал почти в два раза».

Я немножко горжусь тем, что песни Владимира Константиновича не остались мертвым грузом в моих домашних архивах. В 1996 году, когда Трошину исполнилось 70 лет, я решил предложить сделать о нем передачу на радио в Новосибирске. Позвонил в редакцию, сказал, что у меня много его фотографий, трогательных, семейных, которых ни у кого нет, что знаком с его женой Раисой Тимофеевной, сыном Костей, которого увидел первый раз, когда ему было всего три года...

Ведущая Елена Алексеевна Батурина обратила внимание на мой звонок. Вместе с ней сделали первую передачу про Трошина на круглосуточном эксклюзивном радио «Слово». Случился обвал звонков. Вскоре вышла вторая, а там и третья. Редактор радио Тамара Александровна Бычкова сказала: «Давайте пригласим этого парня

постоянно вести передачи». В них я пропагандирую песни наших кумиров, не только исполнителей, но и композиторов и поэтов. Оказывается, почти все известные композиторы были в репертуаре Владимира Трошина. Часто сами предлагали ему свои песни. Но не все они зафиксированы. Что-то он пел только в концертах, в театральных спектаклях, которые не записывались.

Желание узнать как можно больше о Трошине вот уже который раз приводит меня на Урал. Я побывал не только в Свердловске-Екатеринбурге, где прошла его юность, но и на родине певца — в городе Михайловске Нижнесергинского района, где проходит региональный фестиваль российской песни «Все, что на сердце у меня», посвященный его памяти. Встречался с его родственниками, друзьями.

КУМИР ЮНОСТИ

— В конце 40-х годов отец купил коломенский патефон с набором пластинок Бунчикова, Нечаева, Утесова, Шульженко, Янзем, Руслановой, — продолжает свой рассказ Шестернев. — На виниловом диске Бернеса на 78 оборотов в минуту были, с одной стороны, «Песенка фронтového шофера», а с другой — «В жизни так случается». Я так любил их! А в мае 1961 года он приехал в Куйбышев с концертами — после двухгодичного запрета на его выступления: в «Комсомольской правде» был напечатан фельетон Ильи Шатуновского «Звезда на Волге», а «Правда» опубликовала статью Георгия Свиридова о шепту-

нах на эстраде. Тогда отрицательные отзывы в центральной прессе сразу накладывали на человека табу.

Концерт моего кумира проходил в Доме культуры «Родина», где я когда-то приметил Капитолину Лазаренко. Я очень хотел, чтобы он спел мою любимую «Песенку влюбленного шофера» Бориса Мокроусова: «На Таганке, где с тобою раньше мы гуляли, по Полянке, где недавно проходили мы с тобой». Поэтому я дома на всякий случай заготовил записочку, чтобы не писать ее в темном зале, на коленках. Но чтобы мое послание было заметным, сложил его треугольником на манер фронтového письма. Обычные записки он клал на фортепиано и говорил: «Я эту песню спою». Дошла очередь и до моей: «О, солдатский треугольник!» — удивился Бернес и вслух прочитал: «Уважаемый Марк Наумович, мне очень нравится «Песенка влюбленного шофера». Прошу вас исполнить. Слава Шестернев, 8 ряд, 10 место». Он ответил: «Слава, мне эта песня тоже нравится, но мои музыканты, к сожалению, ее не знают. Поэтому я тебе спою «Три года ты мне снилась». Я обрадовался, что он мне ее посвятил. Но было немного обидно: «Три года» у меня есть в записи, на пластинке, а вот той-то нет. И, как будто прочитав мои мысли, Марк Наумович добавил: «В следующий раз, когда я в этот город приеду, мои музыканты ее выучат».

Кончился концерт. Возле черной «Волги», на которой Бернес должен был уезжать в гостиницу, собрались жаждавшие автографа. Я сообразил,

В. Шестернев (слева) с женой Раисой Тимофеевной

что если подойду первым, то надо будет давать дорогу следующему. А мне хотелось пообщаться с любимым артистом. Ребята и девочки просили его расписаться на коробке «Казбека», в записной книжке, на листочках, даже на денежных купюрах, а я принес две фотографии Бернеса, и он обратил внимание: «Да этот парень подготовился лучше других!» А я еще и пожалел: «Очень жалко, Марк Наумович, что вы не спели «Песенку влюбленного шофера».

— Так это ты треугольник прислал?

— Да, я!

— Приезжай завтра с утра ко мне в гостиницу, я тебе напою!

Я пришел домой взволнованный:

— Мамочка, дорогая, я познакомился с Марком Наумовичем Бернесом!

— Сынок, он тебя пригласил для приличия. Не вздумай ехать! — сказала мама.

Но я ослушался. Взял с собой рукописный песенник, вырезки из газет, большой альбом с кадрами из кинофильмов. Гостиница «Жигули» располагалась в центре города, на берегу Волги. Бернес песню мне не спел, разговор пошел по-другому. Я познакомился с его женой Лилией Михайловной Бодровой, ведущей концерта. Сделал несколько снимков. Когда прощались, он говорит: «Слава, я хотел бы иметь эти фотографии». Оторвал клочок нотной тетради и написал адрес. Я до сих пор его помню. Я ему фотографии потом переслал и четыре раза был у него дома. Виделся с Наташей, его родной дочкой от первого брака и приемным сыном Жаном.

Владимир Трошин и Марк Бернес очень хорошо общались между собой, Марк Наумович ничуть его не ревновал, потому что знал, что Владимир Константинович никогда не пел песен из его репертуара.

ра. А Марк очень обижался, когда это происходило. Лазаренко однажды спела: «Я спешу, извините меня!» Он тут же позвонил: «Капитолина, у тебя же много своих песен!» — «Я спела только одну, да и то в конце концерта «на бис», — оправдывалась артистка.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

— В 1984-м году народная артистка России Елена Антоновна Камбурова приехала в Новосибирск, где у нее сложился контингент слушателей, который ее очень привлекает. Зная, что она будет выступать у студентов сельхозинститута, подошел к ней после концерта и говорю: «В моей коллекции есть две ваши первые песни!»

— Какие? — решила она меня проверить.

— Я их записал с передачи радиостанции «Юность» в 1965 году, когда ведущий объявил: «Это дебют молодой выпускницы ГУЦЭИ Елены Камбуровой». Первую песню мне называть неудобно.

— Почему? — удивилась она.

— У нее очень странное название «Я тебя не люблю».

— Господи, и у вас она сохранилась?!

— К счастью.

— А вторая?

— «Зимняя сказка».

Она обратилась к гитаристу: «Сереза, мы сумеем их переписать?»

Потом мы созвонились, встретились, а когда прощались на крыльце моего дома в Новосибирске, Елена Антоновна сказала: «Вячеслав Михайлович, спасибо вам за то, что вы в далекой Сибири сохранили две мои первые песни, которые упустила, потому что у меня тогда на радио не было знакомых звукооператоров. Вы — создатель уникального звукового ретро-музея!»

В. Шестернев и племянница В. Трошина — Н.П. Ерофеева

Юний ГОРБУНОВ

Иллюстрации из заводского музея

Зотов, крестьянский сын

Продолжаем историю машиностроительного завода имени Калинина

Пушка и лошадь... Конная артиллерия... Эти два существительных (так и просится сказать — существа) сегодня далеки друг от друга, ну никак не сопоставимы. Но мы с вами «живем» в начале двадцатых прошлого века, когда эти два «существа» один без другого обойтись не могли, ходили, что называется, в одной упряжке.

Нет, конная артиллерия как род войск, конечно, уже удалялась в историю, но лошадь... Листаем одно за другим воспоминания подлипковских «пушкаррей». Евгений Сергеевич Горбушин: «Я поступил на завод в марте 1919 года... Трудности были огромные. Дороги и автотранспорт отсутствовали. Все перевозки осуществлялись гужевым путем на лошадях. Администрация завода часто обращалась за помощью к жителям Мытищ и Болшева. Имевшие по одной лошаденке, они могли в любой день составить конный обоз... Тогда это имело колоссальное значение».

В 1920-м в Подлипках возникла первая пожарная команда. В ее распоряжении были три пары коней с повозками и соответствующий инвентарь — багры, топоры, лопаты, лестницы и бочки для воды. Когда в 1925-м команда праздновала свое пятилетие, Михаилу Ивановичу Калинину направили такое вот почти былинное послание: «Дорогой наш вождь Михаил Иванович! Сегодня в день нашего праздника... и открытия нового депо мы, работники пожарной команды, единогласно постановили: назначить вас, Михаил Иванович, почетным кучером пожарной команды Московского орудийного завода вашего имени...».

Вспоминает Михаил Васильевич Бакин: «С продовольствием в Подлипках было плохо. Но выходили из положения — резали для еды иногда своих лошадей, которые тоже с голода валились. Резал Костя Бобров, фрезеровщик, прозванный Моргун Хитроватый, здоровяк, ловкий мужик. А столовой тогда заведовал

Сергея Иванов, прозванный нами Сережа-лошадка. Бывало, спросишь его: «Сергея, что сегодня у тебя на обед?», а он отвечает: «Опять лошадка, ребята».

И все-таки «самоснабжение» военного коммунизма прекращалось. В 1921-м завод перевели на государственное, через систему кооперации. Во главу нового дела поставили старых питерцев. В Подлипках, Тайнинской и в Москве для заводчан открыли продовольственные лавки.

Летом того же 1921-го ЦПАЗ обсуждает вопрос о выделении Московскому орудийному 5 миллионов рублей на покупку 20 коров для заводской молочной фермы. Чтобы было свое молоко по доступным ценам. И опять-таки через рабочий кооператив. «Летом скот будет пастись на территории завода, обеспечивающей подножным кормом, — читаем в архивном документе, — на зиму корм придется приобретать».

А вот еще один, пожелтевший от времени, «пергамент»: «Смета на оборудование швальни и сапожной мастерской при Московском орудийном заводе на 1921 г.». Швальня — это портняжная мастерская. Смета обещает снабжать одеждой и обувью 2400 человек: 1000 рабочих и служащих, 500 строителей и 900 членов семей. И опять надежда на кадровиков-питерцев, партийную ячейку из 35 человек и заводской комитет. Завком, партячейка в ту пору задействовали поистине лучших.

Так дала о себе знать в Подлипках «новая экономическая политика», сменившая в России «военный коммунизм» времен Гражданской войны.

Трудно было и жить «на подножном корму», и работать в цехах завода, «введенного лишь в частичную эксплуатацию». Но время было уже совсем другое. Страна одолела интервентов, вернулись к мирному труду оставшиеся в живых красноармейцы. НЭП сулила отмену 3-летнего «крепостного права». Государство развязало руки иностранным концессиям, коопера-

тивному движению, частному предпринимательству и торговле. Это был реальный и, увы, краткий по времени глоток свободы. Но продолжалось пресловутое деление народа на «красных» и «белых». Людей с пролетарским происхождением жаловали и поднимали, а на представителей иных «классов» смотрели косо и избирательно. Снова объявился этакий «средний класс» торгашей и зажиточных крестьян, занимавший убудочное положение между буржуазией и пролетариатом. Губительный для страны искусственный и насильственный раскол общества подспудно продолжался.

Но если мы с вами отринем эту большевистскую шелуху, которая 70 лет навязывалась нам и нашей многотрадальной истории, то что же, посмотрим, выпадет в животворный «осадок» в архивных документах и мемуарах, в тяжелых и покаянных размышлениях о судьбе страны?

А выпадет то и те, для чего и для кого классовая оболочка не имела решительно никакого значения. В тяжелые годы гражданский распри и в пору наступившей «оттепели» непременно давала о себе знать уже знакомая нам еще с петербургской «богадельни» категория заводчан, которая вбирала в себя представителей разных политических взглядов и пристрастий, разного социального происхождения, разного уровня образования и культуры. Вбирала по естественному человеческому принципу отношения к заводу, к себе, своей семье и родине, к извечному нравственному закону, отраженному еще в библейских заповедях: не убий, не укради, не сотвори зла ближнему, а себе — кумира...

Кто, скажите, интересовался происхождением гражданского архитектора, когда он, проваливаясь в талом снегу, обходил территорию и набрасывал первый генеральный план будущего завода в Подлипках?

Кто проявлял политическую бдительность, когда люди спасали станки с полузатонувших барж? Кто спрашивал, какому богу молишься, у голодных и раздетых «пушкарей», что вкатывали ломиками на деревянных катаках эти станки в цеха без крыш и отопления?

И в пору политической «оттепели», чьи дни были сочтены, эти внеклассовые принципы повсю торжествовали на Московском орудином, как они противостояли произволу и насилию всегда.

В ходе нашего жизнеописания мы попытаемся исподволь и насколько возможно проследить судьбу орудицев разного социального статуса, составлявших на заводе это жизнестойкое внеклассовое общество. Потому что благодаря ему завод выстоял, держался и держится вопреки всем политическим «погодам» на пространстве нашей многотрадальной родины.

Начнем с директора. В августе 1921-го Московский орудиный возглавил 25-летний (если верить анкете) Григорий Тимофеевич Зотов, сын крестьянина на Московской губернии. Анкете веришь еще и потому, что, как увидим, молодой энергией директора дышало буквально каждое начинание заводчан этого периода.

Григорий Тимофеевич Зотов появился на свет в 1896 году в семье крестьян Акатовской волости Коломенского уезда Московской губернии. Трудовую жизнь начал в семье, а продолжил, как многие в его время, на заводе, Коломенском машиностроительном. Кем и как работал — об этом документы молчат, но видно, что быстро пошел в гору как организатор-выдвиженец. Потому что на Московский орудиный его направили из Главного управления военной промышленности (ГУВП). Здесь, с «пушкарями», провел

Г.Т. Зотов в своем кабинете

Работники охраны с директором Г.Т. Зотовым (второй в верхнем ряду)

он лучшие годы своей молодости, восстановив завод буквально из небытия. Семь активных напряженных заводских лет, буквально преобразивших завод и самих «орудийцев»!

В 1928-м Григория Зотова, руководителя-практика, направляют на курсы «красных директоров», а затем в Промакадемию. Уезжая из Подлипок, на заводском активе он подвел итоги работы заводчан. Особенно был горд тем, что в 1923-м Московский орудийный освоил производство 3-дм зенитной пушки Лендера обр. 1912 года. Освоил и испытал на петербургском полигоне первые три орудия. А в 1924-м — уже восемьдесят! Как отметила в эти годы комиссия ГУВП, завод, налаживая новое производство, имеет просторные мастерские и площадь для дальнейшего развития.

Весной 1930 года Григория Тимофеевича Зотова назначают директором Сталинградского орудийного завода «Баррикады» (возник накануне Первой мировой как Царицынский орудийный). Это была первая «ласточка»: Подлипки вручили стране выпестованного в своей среде руководителя. На-

чиная с этого времени, завод будет «ковать» не только пушки, но и кадры.

Дальнейшая судьба «хозяина» Подлипок нам неизвестна. Весь Интернет поставили на уши: никаких следов Григория Тимофеевича. Директор двух крупнейших «секретных» предприятий в период их становления канул в мутные воды реки Леты, не оставив кругов на ее

поверхности. А место ему в Галерее Замечательных Орудийцев завода им. Калинина.

Первые годы НЭПа на Московском орудийном были отмечены событием знаковым. В 1922 году заводчане обратились с ходатайством к советскому правительству и попросили присвоить заводу имя Михаила Ивановича Калинина, бывшего рабочего токаря, шлифовщика-орудийца, а ныне председателя ВЦИК СССР. Просьбу удовлетворили. С первого января 1923 года предприятие стало именоваться Московский орудийный завод имени М.И. Калинина. На общезаводском торжественном собрании рабочие, инженеры, техники, служащие поклялись с честью нести высокое имя калининцев. А в Кремль послали телеграмму: «Рабочие, партийная организация, завком и правление завода приветствуют старого борца революции, вышедшего из наших рядов, обещая своим трудом на пользу революции не уронить великого имени, написанного на принятом нами знамени». Этой клятве труженики-орудийцы не изменяли никогда.

Опираясь на первый генеральный проект гражданского архитектора Самойлова, завод начал обретать контуры солидного предприятия. Расширились прежние

Медперсонал заводской амбулатории 1932 г. Фото И.А. Сафронова

мастерские и возводились новые. Выбралась из временных помещений и обрели постоянную прописку прицельная, лафетно-сборочная, ремонтная мастерские, кузница — в ней установили паровые молоты.

С чертежей и планов Самойлова в этих двадцатых переместились на твердую реальную землю Подлипок литейная мастерская, которой у завода никогда не было — она плавала чугун и цветные металлы. Заработали закалочная мастерская, лесопилка и заводская лаборатория. Над буровой скважиной поднялась водокачка, ставшая знаковым, символическим объектом. В Софрино раскинулся свой испытательный полигон, и теперь уже не надо было отправлять готовые орудия на Волково.

Новая подстанция высокого напряжения покончила с кризисом электроснабжения. А ведь мы называем только самые главные заводские «мускулы», которые обрело предприятие в эти «зотовские» годы. В полном их перечне около 60 объектов!

Словом, уже в 1924-м Московский орудийный получил твердую программу производства горных орудий и зенитной артиллерии, буссолей Михаловского и компасов. А еще через три года освоил выпуск батальонных, горных и 37-мм пушек Гочкиса.

Завод уверенно становился на ноги.

Роль директора в этом становлении несомненна. Требовательный и дальновидный организатор, он одновременно умел найти подход к людям. Это было, пожалуй, главное достоинство Зотова, которое, как и всякое большое благо, порой перехлестывало за пределы разумного. Он как бы забывал об интервале между директором и рабочим. Мог через головы заместителей придти к нему с чертежом, разносом или похвалой. На снимках мы видим Зотова то в группе с пожарниками, то с членами заводской охраны. Он старался общаться не приказом, а призывом, упирая на то, что завод — «наше собственное дело и ничье больше», его будущее «исключительно

зависит от нас самих», «только общими дружными усилиями и вполне сознательным отношением к делу можно добиться желаемых результатов» — это все цитаты из «приказов» директора Зотова. Тогда, в пору НЭПа, и в устах лучших представителей новой нарождающейся «красной» директуры и профессуры они еще не звучали кощунственно и цинично.

Зотов интуитивно, без злого умысла, брал на себя чужие функции. В нем то и дело просыпался крестьянин, который все привык делать сам, ни на кого не полагаясь. А крестьянскую «самость» не так-то просто в себе подавить.

Ближайшим к нему заместителям это, естественно, не нравилось. Возникали конфликты, порой доносившиеся и до московских верхов. А заводской партийке импонировало — она в этом директора одобряла.

Короткая дистанция между директором и рабочим — это тот реальный фактор, который формировал внеклассовую личность. В ее натуре лежат три довлеющих общечеловеческих принципа: Самодостаточность, Самостоятельность и Совестьливость. В пору НЭПа они безоглядно себя заявили — и в директоре, и в рабочем. Они, если присмотреться, отразились на каждом деянии орудийцев этого периода.

Взять хотя бы настоятельное веление времени — так называемый хозяйственный способ. Он не допускал никакой разницы между директором, мастером, рабочим. Строительство, переоборудование и реконструкция предстояли масштабные, а суммы на все это отпускались мизерные. Приходилось беречь каждую копейку, а строить — в свободное от основной работы время. Это и называлось «хозяйственный способ». Так сооружалось все вышеперечисленное. Например, на постройке кузницы сметная стоимость условного кубометра составляла 13 руб. 25 копеек, а фактическую стоимость «хозяйственный способ» снизил до 11 руб. 47 коп. На сооружении лафетно-

ул. Ленина

сборочной мастерской экономия достигла 17,67 процента! За лопаты, образно говоря, брались все: и глава технического отдела В. П. Данилевский, и главный строитель К. М. Лукашевский, и руководители цехов Ф. Т. Салин, И. П. Снегирев, П. И. Кадыков, Л. И. Шамшурин, В. С. Гнедин, и председатель завкома Г. Г. Рожков. А директор Зотов, как заводила, наверно, по его натуре, хватался за лопату первым.

В 1925-м начали строить жилой поселок. На эту стройку завод ежегодно должен был получать по 2 млн. рублей, а не получал и половины. Директор буквально выклянчивал деньги у предприятий-соседей — на школу, на жилой дом... А чего недоставало, добирал «хозспособом». Уже через год завод построил шесть 3-этажных кирпичных домов. Кроме них, в жилом фонде оружейцев было 35 деревянных домиков и 8 барачков. Но и они не решали жилищной проблемы. По-прежнему часть рабочих и служащих жила в Мытищах, Щелково и даже в Москве. Правда, квартиры в подлипковских дачах предоставлялись рабочим бесплатно.

На этой, якобы пролетарской, струне советское правительство играло с народом все время своего существования, превратив самодеятельно и совестливо возникший «хозяйственный способ» в гигантскую спекуляцию, сводя на «нет» одно из наших «С» — самодостаточность трудового человека.

А вообще здесь, в подлипковском НЭПе, зародились многие начинания, которые продолжали лучшие традиции оружейцев Литейного проспекта. Но и пестовали уже новые, советские. Которые потом — трудно, но неуклонно — пробивали себе дорогу к нашим дням.

Как нам не терпится и как мечтается взглянуть на Подлипки тех лет! К счастью, такая возможность у нас есть. Ее дал нам Василий Александрович Боголюбов. Сын питерского рабочего А. В. Боголюбова, он родился в декабре 1918-го. Всего два месяца прошло, как его родители прибыли в Подлипки с одним из первых эшелонов с оборудованием. Родился в доме на московской Сретенке, куда поселили молодую семью. Но уже в 1920-м они переселились в Подлипки на Пионерскую улицу. Словом, Василий Боголюбов был одним из первых коренных жителей оружейных Подлипков.

Сохранилась запись беседы с ним хранителей музея в Подлипках. Мы благодарно перепечатаем эти страницы из книги Л. Бондаренко и Р. Позамантур «От пушечных залпов до космических стартов», которая вышла в городе Королеве в 2008 году и сослужила нам хорошую службу.

« — На ваших глазах создавался поселок. Наверно, вам есть что вспомнить.

— Мне казалось, что мы живем в лесу, в котором островками разбросаны дома с огородами и сараями, в них рабочие держали коз, кроликов, кур, свиней. В лесу мы собирали грибы и ягоды.

В 8 лет, в 1926 году, я пошел в школу, что на нынешней улице Гагарина. Школа была единственной в поселке. Со второго этажа школы, где помещался наш первый класс, были видны проходная завода и его территория. Особенно нас забавляло, что ежедневно, в одно и то же время, люди выбегали из проходной и бегом бежали мимо нашей школы. Вскоре картина повторялась — только теперь бежали в обратную сторону, к проходной. Став постарше, поняли,

Первый выпуск школы фабрично-заводского обучения

что рабочие торопились, боясь опоздать к окончанию обеденного перерыва. Такие опоздания в то время были чреваты последствиями.

Первыми благоустроенными улицами стали Ленина и параллельная ей Коммунистическая. Улица Ленина протянулась от Пионерской улицы до площади Ленина и строилась несколько лет. Сначала появились рубленые одно- и двухэтажные дома, с конца 1920-х годов продолжилась ее застройка трех- и четырехэтажными домами в сторону железнодорожного полотна. Оформилась центральная площадь Ленина, вырос квартал зданий социально-бытового назначения: баня, фабрика-кухня, продовольственный магазин.

На нынешних улицах Калинина и Карла Маркса еще с 1915 года расположились дачки с башенками, резными наличниками на окнах. Смотрелись они нарядно.

От станции к проходной протянулась через лес узкая дорожка. Ее протоптали заводчане. В 30-е годы дорожка, освобожденная от деревьев, стала широкой дорогой, вдоль нее возвели каменные дома. Так сложилась улица Коминтерна, а вслед за ней — проезды Ударника и Воровского.

Я еще не ходил в школу, когда поселок стали радиофицировать. Мы, мальчишки, стояли у столбов, задрав вверх головы, и с любопытством наблюдали, как наверху чудодействовали какие-то дяденьки. Взрослые говорили: «Теперь у нас будет радио».

— Василий Александрович, какое самое яркое впечатление детства сохранила ваша память?

— Детская железная дорога, в создании которой мы все участвовали. Это было в 1930-х годах. Идею подал директор детской технической станции Михаил Михайлович Протопопов. Он же разработал проект и руководил строительством дороги. Дорога протяженностью 250 метров начиналась около пионерского клуба за первой школой и тянулась до клуба ЗИК. По ней ходил всего один вагончик. Главным прорабом назначили Васю Миронова из нашего класса, а машинистом поставили моего друга Ваню Федосеева. Старый мотор, рельсы, шестерни дали на заводе. Вагон сделали сами из бруса и досок, покрасили масляной краской. Сооружали дорогу около года. В 1935 г. ее открыли. И тут же появились статьи о нашей детской железной дороге в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде». Желаящими прокатиться были все мальчишки и девчонки поселка.

— В 20-е и даже 30-е годы среди работающих на заводе было много питерцев. Вы ощущали, что привнесли питерцы в жизнь поселка?

— Они привезли в наш будущий город культуру. Ведь это была рабочая интеллигенция одного из крупнейших артиллерийских заводов российской столицы. Буквально с первых шагов появления в Подлипках, несмотря на бытовую неустроенность, они стали внедрять в жизнь поселка спорт. Наш первый стадион строили в лесу «всем миром», включая и детей, в свободное от работы и учебы время. Стадион

Ю.О. Ботнер

занимал довольно большую площадь, там сейчас стоят Дворец культуры им. Калинина и Школа искусств. И так же дружно все дневали на стадионе. Да вообще-то ни одна стройка в поселке не проходила без участия жителей. Все это делалось добровольно и безвозмездно.

А театр, искусство? Пусть не покажется странным, что я употребил такие высокие слова применительно к клубной сцене 20-х годов. В мир театра питерская молодежь окунулась еще в столичном орудином заводе, когда там устраивались балы с конкурсами на лучшее исполнение танца или какого-либо музыкального произведения. Об этом я не раз слышал от своих родителей.

— А мне, Василий Александрович, — перебивая своего собеседника, — рассказывал еще Соловьев Тихон Романович, что на всех балах призы за лучшее исполнение вальса доставались ему и его будущей жене.

— Кстати, заводилками театральных постановок были братья Соловьевы, Тихон и Владимир, и прибывший с фронта Анатолий Ковалев, ставший руководителем драмкружка и не покидавший сцену до ухода из жизни».

Первый в Подлипках объект культуры строился прямо в лесу, среди елей, берез и сосен в 1927–1928 годах. А открыли в 1929-м. Значит, долгожданным был. Проект сработал сам начальник строительного отдела Казимир Михайлович Лукашевский. И так рационально сработал, что кинозал, вмещавший 450 зрителей, можно было в одночасье превратить в театральный — со сценой, кулисами, специальным освещением. Отведено было место для различных самодеятельных кружков, выставок, фойе.

Наконец-то обрел здесь свою сцену драматический кружок, созданный еще в 1922-м слесарем-фронтовиком Анатолием Ковалевым. Он стал гордостью и любовью орудийцев. Как и заводской духовой оркестр, собранный в те же, что и драмкружок, годы музыкантом и педагогом Дмитрием Дмитриевичем Азаровым. И случайно ли то, что из среды клубных актеров вышли потом артист театра и кино В. Р. Соловьев, кинорежиссер Н. И. Сафронов?

До 1960-х годов «Клуб ЗИК» — так называли его заводчане — был центром всей массово-просветительской работы в Подлипках-Калининграде.

Тогда же, в начале 20-х, именно из недр зарождавшейся внеклассовой среды, возникла и медицина в Подлипках. Ее, буквально сказать, привез из Владимирской губернии фельдшер Михаил Иванович Шаварин. Он был на все руки. Лечил и заводчан, и местных поселковых. Принимал в одном из заводских барачков, а чаще — у себя дома на Колхозной улице. В доме никогда не выветривался запах лекарств и никогда не запирались двери.

Настоящий врач появился только в 1924-м — Лидия Григорьевна Невзорова. На улице Октябрьской, где ныне трехэтажное здание стоматологической поликлиники, открылась первая амбулатория.

Позднее на этом медпункте появилась вывеска «Терапевтическое отделение завода № 8». Теперь здесь священнодействовал Юлиус Освальдович Ботнер, будущий заслуженный врач Российской Федерации.

Тогда же, в 20-х, проклюнулась и заводская пресса. Из стенгазеты, которую назвали «Прожектор». Конечно, партийцы были инициаторами. Редактором поставили Н. Мельникова. В редколлегию вошли контрольный мастер Н. Фатеев, знакомый уже нам слесарь Михаил Бакин. «Стенновку» субсидировал клуб, покупая краски, карандаши, цветную бумагу, листы ватмана. В клубе же она и творилась, а потом вывешивалась для чтения. Редколлегия побывала на Всероссийской конференции рабселькоров.

За «Прожектором» в 1928-м последовал живой и колючий «Фотоглаз» — уже комсомольская инициатива. А еще через два года — в 1930-м — на заводе стала выходить многотиражная газета «Ударник» — сначала только раз в 10 дней.

Очень кстати будет сказать, что упомянутый нами фельдшер положил начало двум заводским династиям. Опять благодарно процитируем названную книгу: «В 1922 году к нему приехала племянница Анна. Заводу требовались рабочие. За Анной потянулись братья — Иван, Михаил, Анатолий Шаварины. Михаил поступил в ФЗУ Уже позднее, после войны, окончил техникум при заводе и стал работать мастером. А Анна встретила свою судьбу — Алексея Михайловича Волкова, слесаря-сборщика. С годами он стал мастером высокой квалифика-

ции. А во время войны Шаварины и Волковы так же, с полной отдачей, трудились в Свердловске на эвакуированном заводе № 8. Там же продолжал врачевать и фельдшер Михаил Иванович. Сын его, тоже Михаил, героически сражался в годы Отечественной, горел в танке. После госпиталя вернулся в Подлипки на свой завод. Брат Алексея Волкова Тимофей добровольцем ушел на фронт, уже из Свердловска. Артиллерист по профессии, он воевал на знаменитых «катышах». Погиб в 1945-м...».

Впрочем, таких славных династий на Орудийном не перечить. Они тоже складывались по внеклассовому принципу.

Таковыми были Подлипки. Такой был народ. Такое было время.

Печать личности директора Григория Тимофеевича Зотова, думается нам, запечатлелась на каждом деянии тех лет.

Пожарная команда

ПЛАТЕЖНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

ЦЕНТРАЛЬНОЙ КАССЫ

ДМ 123456

НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ФИНАНСОВ

Срок выпуска 1го ДЕКАБРЯ 1923 г. Срок уплаты 1го МАРТА 1924 г.

ДМ 123456

*Предъявителю сего обязательства Центральная
Касса Народного Комиссариата Финансов
с 1-го марта 1924 г. по 1-ое марта 1925 г. в день пред-
ъявления, уплатит денежными знаками ОДНУ ТЫСЯЧУ
рублей золотом по официальному курсу с начис-
ленным процентом из расчета 6 1/2% ГОДОВЫХ
с 1-го марта 1924 г.*

Народный Комиссар Финансов

Начальник
Бюджетного Управления

И. Рейман

Начальник
Валютного Управления

И. Шейфер

Управляющий
Центральной Кассой

Василий ПОПОВ

Иллюстрации из собрания автора

Клуб собирателей

Как Иван Шадр «делал деньги»

Его звали Иван Иванов. Таких в России сотни тысяч — так писатели называли своих героев, если хотели подчеркнуть их «простое», «истинно русское» происхождение. Он был родом из глухих мест бывшей Пермской губернии. Родился в селе Такташинском близ Шадринска 10 апреля 1887 года в семье потомственного плотника. Синие дали уральского предгорья, просторные изумрудные луга. Чистые, прозрачные воды Исети отражали неспешный бег облаков. Рядом таежная глухомань... Красота!..

Но нужда, горькая нужда всегда стояла на пороге их дома. И сколько ни бились его отец, Дмитрий Евграфович, и мать, Мария Егоровна, которая была из семьи потомственных мастеров знаменитого Палеха, жить было очень трудно.

Отец вынужден был отдать мальчика в услужение к купцам Панфиловым. «Закабаленный на пять лет, — вспоминает позже Иван Иванов, — я был увезен на Урал и помещен на ватно-шерстяную фабрику». На фабрике мальчик обратил на себя внимание 90-летнего старика — хозяина. И тот взял его к себе

на дачу читать газеты. Когда же хозяин умер, мальчик «был выдворен на фабрику для новых пинков и колотушек».

«Случайно один из сыновей умершего хозяина, — вспоминал Иванов, — открыл во мне способности к живописи, взял под свое покровительство, и положение мое на фабрике от этого несколько видоизменилось. Как будущему художнику, мне подыскали работу по специальности; сначала доверили окрасить бочонков для соленья капусты в зеленый цвет, потом окрасил крыши, вывески к складам на фабрике. Когда же все источники по художественной специальности были исчерпаны, мои хозяева просто-напросто выгнали меня на улицу. 13-летний, ни к чему не приспособленный, я в то время хватил достаточно горя, совсем было растерялся и упал духом».

Но судьба смилостивилась над мальчиком. Случай познакомил его с директором Екатеринбургской художественно-промышленной школы Михаилом Федоровичем Каменским, который принял живое участие в судьбе будущего скульптора. Каменский су-

Василий Попов живет в рабочем поселке Верх-Нейвинском Свердловской области. Практически всю жизнь занимается коллекционированием. Рассказывает о своем увлечении на выставках и в местной печати. Давний автор «Уральского Следопыта».

РЕКА ВРЕМЕНИ

мел заметить дарование в детских работах мальчика, совершенно незнакомого с правилами рисунка. В Екатеринбурге он прошел пятилетний курс прикладного искусства.

После окончания художественно-промышленной школы у него появилось желание попытаться счастье на театральной сцене. Для осуществления этой мечты он решил попасть сразу... в Петербург. Вместе с товарищем по школе Дербышевым он, подобно Горькому, отправился путешествовать «по Руси».

Без денег, то «зайцем» на железной дороге или на пароходе, то на лодке, а когда и просто «на своих двоих» они прошли не одну тысячу верст по родной стране. Кама, Волга, Кавказ, Крым, Одесса... В 1907 году он оказался в Петербурге.

В большом незнакомом городе не на что было жить и не от кого было ждать помощи. «Пришлось голодать, зябнуть и спать на улицах, — рассказывал он впоследствии. — Ночуя на берегах Невы под старой баркой, в окружении бесприютных бродяг, я познакомился с шарманщиком. Ходили мы по улицам столицы, и под «Златые горы» я пел». Знаменитый артист Дарский, услышав голос спутника шарманщика, повел его с собой в театральное училище. Но театр не стал его основным призванием. Тянуло к скульптуре.

Осенью 1907 года, учась в школе рисования Общества поощрения художеств, он решил ходатайствовать о выдаче ему пособия для обучения за границей. При содействии актера В.Н. Давыдова, отзывы о Иване Иванове дали художники И.Е. Репин, Н.К. Рерих, Н.И. Кравченко, артист В.И. Петров, режиссер М.Е. Дарский. Эти письма сыграли ре-

шающую роль в дальнейшей судьбе молодого художника. Столь авторитетные ходатайства известных деятелей искусства возымели действие и на шадринскую городскую думу — пособие было выдано. Здесь важна не только материальная сторона — а отеческая поддержка старших братьев по искусству, в том числе всемирно известного Ильи Репина.

Получив стипендию шадринской городской думы, Иван Иванов уехал на два года учиться скульптуре в Париж, а затем в Рим. Великие примеры мастеров прошлого помогли увидеть многое, по-новому осознать мир сегодняшний. Он учился у великого скульптора Антуана Бурделя, у знаменитого мастера Огюста Родена и др. И учился успешно. Об этом говорит интересный документ, поступивший в шадринскую думу: «Я, директор Высших муниципальных курсов Альберт Баллэ, сим свидетельствую, что господин Иванов, родившийся в России, в г. Шадринске, прилежно посещал названные курсы в течение

1910 и 1911 г. Его поведение было отличное и успех выдающийся.

Париж, 8 ноября 1911 года. Директор Альберт Баллэ.

Работал как одержимый, особенно после случая, происшедшего на занятии у Родена.

— Вылепите руку, — велел Роден. И ушел на долгих два часа. И вот, как показалось молодому человеку, задача выполнена. «Я очень гордился моей быстрой, — вспоминал он через много лет. — Но, увы, недолго. Роден назвал мою модель мешком с овсом. Пришлось взяться заново. На этот раз возился два месяца...». Наконец, Роден одобрил работу Ивана Иванова.

В суете парижских буден начинающий художник принимает решение — рождается Иван Шадр. Вот как он сам объясняет свой выбор: «Нас, Ивановых-то, слишком уж много. Надо как-то отличить себя от других Ивановых, ну я и взял себе псевдоним «Шадр» — от названия родного города, чтобы прославить его».

«Сын мужика», как он себя называл, принял революцию безраздельно. Художник с юношеским пылом создает образы времени. С романтической открытостью ищет черты эпохи в людях труда, в героях Гражданской войны. И создает замечательные произведения — «Рабочий», «Сеятель», «Крестьянин» и «Красноармеец», образы которых были запечатлены на денежных знаках, почтовых марках, облигациях займов молодой Советской Республики.

В 1922 году он поступает на работу в Гознак и ему поручают создать образы новых хозяев государства — для изображения их на марках, деньгах, облигациях.

Первой в гознаковской серии была скульптура «Рабочий». В образе рабочего больше всего отразилось стремление Ивана Шадр к созданию обобщенного символического образа. Торжественные, резкие черты лица, гордо вскинутая голова, сосредоточен-

ный, суровый взгляд, рука сжимает тяжелый молот. Сила, мужество, готовность перенести любые трудности — таким изваял скульптор рабочего. Сам Шадр говорил, что «это рабочий не русский, не английский, а есть символ международного рабочего, содержащий в себе разноплеменные черты».

Второй была создана скульптура «Красноармеец». Шадр бывает в казармах, на солдатских митингах. По его словам, он изучил весь наличный состав армии — от повара до комсостава. Об этой скульптуре земляк ваятеля, историк В. П. Бирюков писал: «Фигура красноармейца вполне национальна. Изображает она двадцатилетнего Ванюху с полуоткрытым ртом, совершенно еще не искушенного жизнью, а живущего казармой, привыкшего быть всегда начеку».

В 1922 году для создания скульптур крестьянина и сеятеля Иван Дмитриевич с женой, Татьяной Владимировной, отправляется в далекое и по тем временам небезопасное путешествие в родные места. Ему нужны были свежие впечатления, непосредственное общение с русскими крестьянами. В Шадринск они приехали летом. Через несколько дней, погрузив мешки с глиной на телегу, по вязкой дороге отправились в деревню Прыговую.

Уговорить натурщиков позировать стоило огромных трудов. Слишком уж непривычным, чудным было такое предложение. С первым стариком ничего не получилось:

— Окаянный, что ты меня улещаешь? Я на карточку-то отродясь не снимался, а ты с меня куклу стряпать хочешь...

Скульптор вынужден был продолжать поиск. Наконец, выбрал мужика «типа стрельца с картины Сурикова». «Лукошко его вмещает два пуда зерна, — вспоминал Шадр. — Подвесив его через плечо на шею, он рыскает по полю, как собака добычу ищет, и разбрасывает зерно одновременно той или другой рукой». Только и этого мужика уговорить не удалось:

— Я не пойду, — заявил он. — Чать-то не маленький.

Лишь значительно позже с помощью более дипломатичных деревенских родственников и уже не лобовой атакой, а тонким подходом удалось уговорить стать натурщиком Перфилия Петровича Калганова, бородатого крепкого мужика. С него Иван Дмитриевич взял бюст «Крестьянина». Глядя на это произведение, испытываешь уважение к простому русскому земледельцу — столько душевной силы, затаенного ума, несгибаемой воли читается в его чертах.

Другая скульптура — «Сеятель» — тоже была создана в Прыговой. Согласившись позировать, Киприян Кириллович Авдеев с каждым днем все больше проникался сознанием важности и ответственности этого дела. Он старался запомнить каждую складку на рубашке, терпеливо стоял по много часов, хотя оттянутая рука быстро уставала. К тому же, стояла несусветная жара. Скульптор потом рассказывал, что, когда однажды жена позвала Киприяна в баню, он мылся, высунув голову в окошко, боясь испортить «сеятельскую» прическу.

Вокруг помоста, на котором работал Шадр, постоянно толпились любопытные, давали советы, беззлобно подсмеивались над натурщиками. Им было лестно, что теперь на деньгах вместо царей будут свои же, деревенские.

Вот как рассказывал впоследствии сам Авдеев:

— Дело было перед самым покосом. Жара нестерпимая. Я стою посреди ограды на особой подставке. Рука на отлете, затекает, и пошевелить нельзя. Пот градом. А он, Шадр, и отсюда зайдет, и от туда подойдет. А то заставит меня, ради практики, насыпать в лукошко песку и ходить вдоль ограды — рассеивать, значит. Народ, бывало, соберется, глазеет. «Пострадай, — кричат, — Киприян, во славу Республики!» А я молчу. Скульптуры, отлитые из гипса в Прыговой, Шадр увез в Москву.

Прошло некоторое время, и, по свидетельству очевидцев, вся деревня всполошилась. Кто-то привез из города новый денежный знак, а на нем — рисунок со скульптуры Шадра: Киприян — сеятель...

В пятидесятые — шестидесятые годы прошлого века у колхозниц сельхозартели имени Куйбышева

Мехонского района Курганской области, сестер Анны Киприяновны Лубиной и Елены Киприяновны Бурнашевой, хранился интересный сувенир — фотография Государственного банковского билета в три червонца. В них, как свидетельствует надпись, содержалось 23,23 грамма чистого золота. Но не стоимостью дорог сестрам этот денежный знак. На нем изображен русский крестьянин, сеятель с лукошком, полной горстью разбрасывающий семена. Это их отец!

— Почему не сохранили настоящие банковские билеты? — часто спрашивали сестер.

— В те годы терять такие деньги для нашего личного хозяйства было очень начетисто, — отвечали они.

Исследователи высоко оценили художественные достоинства «денежных» скульптур Шадра, считая, что «Сеятель» похож на героя русских былин Микулу Селяниновича.

на стандартных почтовых марках 1922–1927 годов.

Новые стандартные почтовые марки, денежные знаки, ценные бумаги с изображениями шадринских скульптур быстро разлетелись по всей стране и по всему миру. Иван Дмитриевич Шадр стал всемирно известной личностью.

У коллекционеров бонистов (собирателей бумажных денежных знаков) и филателистов (почтовые марки) эти знаки пользуются большой популярностью и занимают почетные места в их коллекциях. Конечно, больше всех повезло филуменистам (собирателям спичечных этикеток). Спичечные фабрики постарались — кроме «Рабочего», «Крестьянина», «Сеятеля» и «Красноармейца», на спичках даны изображения и других скульптур Ивана Шадра. Среди них — монументальная фигура «Бульжник — оружие пролетариата», а также — «А. М. Горький», «Н. А. Касаткин», «Мать» (мать Шадра), «Сезонник» (образ отца Шадра) и другие.

«Не кабальным — вольным трудом связан он с землей, матерью всего живого и сущего. Взмахи его руки, — писала О. Воронова, — апофеоз свободы и силы. Да и весь образ построен по тому же принципу, по которому строили образы богатырей народные сказители».

В 1923 году была отчеканена монета из золота 900-й пробы с изображением «Сеятеля» Шадра на фоне фабричного города. Позади «Сеятеля» изображен еще плуг. На лицевой стороне монеты — герб РСФСР, а по кругу лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Изображение «Сеятеля» было помещено также на облигациях выигрышных займов (1924, 1925, 1927 годы), на стандартных почтовых марках 1922–1927 гг.

«Крестьянин» Ивана Шадра изображен на Государственном денежном знаке СССР 1923 года номиналом в 15 000 рублей.

Вообще, шадринские крестьяне в то время были очень популярны и публиковались повсюду, даже на коробках дешевых папирос «Смычка».

Скульптура «Рабочий» изображена на Платежном обязательстве Наркомата финансов РСФСР в 1923 году (номинал 500 рублей золотом) и на Государственном казначейском билете СССР 1925 года номиналом в 5 рублей.

«Красноармеец» помещен на Государственном денежном знаке СССР выпуска 1923 года номиналом в 25 000 рублей.

Изображения скульптур «Крестьянин», «Рабочий», «Красноармеец» также помещены были

Партизаны белого генерала

В российской отечественной истории только-только начинается изучение формирований и боевых действий частей и соединений антибольшевистских сил, в частности, в восточных районах страны. В числе, можно сказать, совершенно не изученных остается Отдельная Красноуфимская бригада, возникшая из партизанских отрядов в 1918 г. и сохранявшая такое название, став уже регулярной. Необычна судьба и ее командира, выросшего в Русской армии А. В. Колчака за год из подпоручика до генерал-майора. Речь идет об Александре Рычагове.

Александр Сафонович Рычагов вышел из крестьянской семьи Саткинского завода в Златоустовском уезде (ныне город в Челябинской области). Получил образование в Сатке, занимался самообразованием, стал служащим завода. Был мобилизован в армию, участвовал в Первой мировой войне, многократно отличался в боях героизмом, а затем, став унтер-офицером, и командирскими качествами. Был произведен в офицеры — подпоручики.

После Октября 1917 г. и развала Русской армии вернулся на малую родину — в Златоустовский уезд Уфимской губернии, который к лету 1918 г. стал одним из основных очагов сопротивления засилью власти большевиков. Против нее выступали не только широкие крестьянские массы, недовольные хлебной монополией, продразверсткой, повальными реквизициями, средние слои населения Златоуста, заводских поселков, но и часть рабочих. Местами сопротивление выливалось в вооруженные восстания. Организаторами выступлений чаще были не какие-то, как принято считать, политические организации — социалистов-революционеров и прочих, а беспартийные активисты. Большую роль играли организации или группы фронтовиков, состоявшие из людей, как правило, еще молодых, но обогащенных жизненным и боевым опытом, пользовавшихся уважением земляков.

Одним из крупнейших стало восстание рабочих, начатое по инициативе фронтовиков и железнодорожников ст. Бердяуш и Сатка в ночь на 18 июня 1918 г. В их руках оказалось 64 вагона с военными грузами, в том числе винтовками и пулеметами. После захвата

повстанцами узловой ст. Бакал обширный заводской район оказался в руках антибольшевистских сил. Повстанцы установили контакты с командованием чехословацкого корпуса. Почти месяц их борьбы привел к поражению красных. Произошло соединение сил белых челябинского и западносибирского регионов с уфимско-поволжским. Начальником гарнизона в уездном центре — Златоусте стал полковник Моисеев, комендантом уезда — полковник Алексеев.

Еще раньше в борьбу активно включались крестьянские волости. В июне северная часть Златоустовского, а затем и южная часть смежного Красноуфимского уездов тоже стали повстанческим районом. Одним из вождей крестьян-повстанцев и стал подпоручик Рычагов. Ударной силой выступил его конный отряд, постепенно обретающий и пешими формированиями. Рычагов поддерживал связь с подпольно действовавшими группами ряда сел и железнодорожных станций, которые постепенно освобождались. Удары отряда Рычагова были направлены на восток, к железнодорожной линии Екатеринбург — Челябинск. В волостях и селах формировались штабы, ведавшие вопросами и военного, и гражданского характера, т.е. органы партизанско-крестьянской власти. 16 и 18 июня в с. Карантрава на съездах представителей от 20 волостей был сформирован Штаб партизанских отрядов Златоустовского уезда под председательством К. П. Леонтьева.

Отряд Рычагова, официально названный «Златоустовским конным отрядом», насчитывал 700 бойцов, но продолжал расти и относительно регулярно снабжался волостями. Штаб Леонтьева ходатайствовал о присвоении виднейшему повстанческому командиру очередного звания — поручика. Однако еще очень долго, будучи уже командиром целого соединения, Рычагов оставался в прежнем звании, имея в подчинении офицеров в более высоких чинах.

Рычагов и его штаб вступили в прямой контакт и во взаимодействие с командующими белыми и чехословацкими войсками челябинского района, наступавшими на Екатеринбург, полковниками Н. Г. Сорочинским и С. Н. Войцеховским. Партизаны Рычагова действовали на левом фланге группы, развернув свои силы на север, в сторону недостроенной железной дороги Казань — Екатеринбург, Ревды, Красноуфимска.

Иван Федорович Плотников, академик Российской Академии гуманитарных наук, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат ряда премий, доктор исторических наук, профессор УрГУ. Автор многих книг, публикаций в изданиях, сборниках. Давний автор «Уральского следапыта».

Соединения белых на Урале и в Сибири формировались, как правило, из партизанских отрядов в ходе боев. Так возникла Сибирская армия. Из объединенного отряда Рычагова к началу 1919 г. была сформирована отдельная Красноуфимская партизанская бригада, нередко называвшаяся и добровольческой. В документах и переписке она называлась и Златоустовской, и Уфимской, и Уральской, пока за ней не закрепилось именование Златоустовской.

Это соединение, в итоге вошедшее в екатеринбургскую группу (Сибирскую армию), было совершенно специфичным — оно долго не только по названию, но и по фактическому положению сохраняло черты партизанского. В этом были и плюсы, и минусы. Отряд (бригада) мало что получал по централизованному армейскому снабжению, особенно из обмундирования и продовольствия. Последнее получал в основном от местных жителей, благо, что на протяжении долгих месяцев действовал в одном районе — Красноуфимском уезде. Командованию бригады порой приходилось прибегать и к реквизициям. Так, в октябре — ноябре 1918 г. в штаб генерала Гайды на Рычагова поступили жалобы со стороны населения за эти поборы. Но начальник Иркутской дивизии, в которую в итоге отряд включили, полковник П. П. Гривин оправдывал действия Рычагова и вместе с тем указывал, что делится с ним скудными поступлениями обмундирования. В дальнейшем бригада в деле снабжения была уравнена с другими армейскими соединениями.

В ноябре 1918 г. численность бригады достигала 3 тыс. человек. Как и прежде, бойцы и офицеры были добровольцами из местного населения Красноуфимского и Златоустовского уездов. Действовать отряду (бригаде) приходилось против 5-й и 4-й Уральских дивизий. Первой командовал Г. И. Овчинников, а второй В. К. Блюхер (с января 1919 г. — Н. Д. Каширин) — военачальники знаменитые.

Весной 1919 г. бригада А. С. Рычагова, взаимодействуя с Иркутской, получившей наименование 4-й стрелковой дивизией (в командование ею вступил генерал-майор И. С. Смолин), успешно наступала на Сарапул — Ижевск, в Прикамье. Однако летом войска А. В. Колчака терпели неудачи, отступали. Бригада Рычагова вместе с частями 4-й Сибирской дивизии защищала Красноуфимск, однако, понеся большие потери от частей 5-й стрелковой дивизии красных, вынуждена была отступить. В последующие дни бригада сражалась за Екатеринбург, но и его вынуждена была покинуть.

В период успешных наступательных действий в Прикамье, о чем шла речь, а затем — в тяжелых оборонительных боях при отступлении белых, за проявленный талант в командовании и личное мужество Рычагов быстро продвигался в чинах. В итоге осенью 1919 г. Верховным правителем адмиралом А. В. Колчаком был произведен в генерал-майоры. Молодой генерал погиб под Красноярском во время зимнего «Ледяного похода». Это были новогодние дни 1920-го. Его прах покоится в братской могиле вместе с polegшими тогда солдатами и офицерами уральских полков.

Гибель Александра Рычагова и почти всей его бригады запечатлены в памяти их боевых товарищей, в частности, офицера-эмигранта Б. Б. Филимонова, ставшего военным историком.

Остатки бригады Рычагова в составе новых соединений продолжали действовать и отступили в Приморье. В момент поражения белых в 1922 г. бывшие партизаны — красноуфимцы и златоустовцы — оказались в ближней — Маньчжурской (Китай) — эмиграции, а некоторые рассеялись по всему белому свету. Как миллионы россиян, они нашли свой конец вдали от Родины, на чужбине. Так распорядилась судьба, ко многим оказавшаяся неблагоприятной.

Дорогие друзья журнала «Уральский следопыт»!

В почте редакции скопилось большое количество произведений, которые по разным причинам мы не смогли разместить на страницах журнала. Приходят материалы больших форм, стихи, произведения, требующие значительной редакторской доработки или не близкие по тематике журналу, приуроченные к дате статьи и др.

Чтобы дать возможность опубликоваться молодым авторам, донести оригинальные произведения до читателей, зафиксировать авторство, редакция предлагает публикации в дополнительном блоке журнала «НЕФОРМАТ». При этом Вы частично оплачиваете типографские расходы и получаете часть тиража.

Условия размещения произведений Вы можете найти на сайте www.uralstalker.com в разделе НЕФОРМАТ

Акция «Я хочу читать УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Поместите прилагаемую наклейку у ближайшей точки реализации периодической печати, и возможно уже следующий номер журнала Вы сможете купить здесь.

Директор ООО «Каповатур» Урал Халиуллин вырос на Бурзянской земле. Он настоящий патриот родного края. Еще будучи студентом, видел, какой популярностью пользуется 59-й всесоюзный маршрут сплава, что начинался на турбазе «Агидель», и гордился тем, как восхищает людей его малая родина. Со всего Советского Союза приезжали сюда туристы насладиться величественной красотой прибрежных скал, несепным течением Агидели, отведать бурзянского меда, увидеть наскальную живопись, которой миллионы лет. Чего стоят одни сказания, легенды, предания, которыми овеяна эта благодатная земля! Он чувствовал, что толчком к развитию благосостояния района станет туризм. Только бы дорог было побольше да гостиниц, ресторанов с европейским обслуживанием.

У нас есть чем удивить даже бывалых туристов

Впрочем, он не стал дожидаться, когда все это будет, а 11 лет назад при активном содействии администрации Бурзянского района зарегистрировал туристическую фирму «Капова пещера». Тогда было закуплено первое туристское снаряжение и оборудование: лодки, палатки, спальники. Главное — он решил взять под свой контроль чистоту этих заповедных мест. Ведь многочисленные дикие туристы оставляли после себя мусор, беспощадно вытапывали траву. Сотрудники фирмы, сопровождая туристов на маршруте, создавали им максимум удобств и охраняли от разрушения этот уникальный природный заповедник. В 2006 году ООО «Капова пещера» было переименовано в ООО «Каповатур» и поныне является единственным туро-

ператором на территории Бурзянского района, в полном объеме предоставляющим клиентам качественное обслуживание и выполнение программы туров. «Основное направление фирмы — это организация сплавов по реке Белой, конно-верховых туров, туров выходного дня, корпоративного отдыха, агротуризма, экскурсии в Капову пещеру и в самые красивые уголки Бурзянского района, рассказывает Урал Халиуллин. — Работа фирмы базируется на опыте и честности команды профессионалов, которые делают все возможное для удовлетворения желаний наших гостей. Мы предоставляем высококлассное снаряжение: 2, 3, 4-местные палатки, двухслойные спальники, 6-местные катамараны. На маршрутах по реке Белой нами обо-

родованы стоянки: «Три брата», «Разбойничья», «Сумеречная долина», «Цульганташ», которые расположены в самых красивых и удобных для остановки, преимущественно в проветриваемых местах, без комаров, с прекрасными пляжами с речной галькой и песком, на стоянках ежегодно проводится дератизация от грызунов. Если большинство людей, желающих активно отдохнуть на лоне природы вдали от цивилизации, считают, что питание в походах — это тушенка и гречка, то крупно ошибаются. На наших маршрутах туристов кормят преимущественно деревенскими продуктами питания: это баранина, сметана, домашний творог, курут, чак-чак, кумыс, бурзянский мед, овощи местного производства. На всех маршрутах работают квалифицированные псеэра, которые приготовят завтрак, обед, ужин, исходя из пожеланий группы, а также выловленную вами рыбу, замаринуют шашлыки по вашему заказу. Инструкторы по водному туризму с многолетним опытом работы отвечают на все ваши вопросы, расскажут легенды, интересные истории, споют, сыграют на гитаре и при необходимости окажут первую медицинскую помощь. Вас также будут обслуживать помощник инструктора и сторож стоянки, который поможет распаковать снаряжение, разбить палатку, приготовить ужин. Постоянные клиенты приезжают сюда по многу лет, потому что знают: лучшее обслуживание по сплаву только в «Каповатур». Многие приезжают семьями. Протяженность маршрута составляет 45 километров. Это достаточно для того, чтобы получить полное впечатление. Развитие туризма в Бурзянском районе сделает его инвестиционно привлекательным, — считает Халиуллин. Здесь нужны дороги, гостиницы, рестораны. Благодаря энтузиастам, дело должно сдвинуться с мертвой точки. Бурзянский район скоро станет туристической Меккой. Такая природа не может не привлекать. Так что не жаль ни сил, ни средств. Дело того стоит.

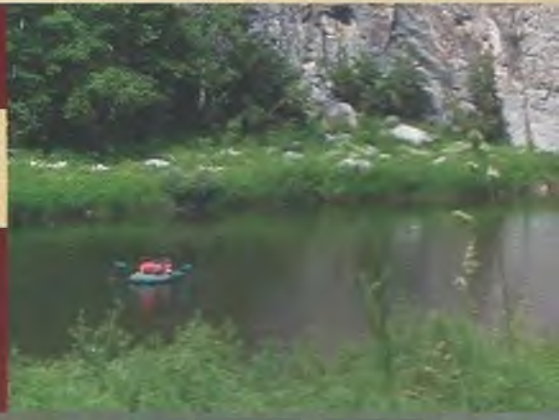
ООО «КАПОВАТУР»

АКТИВНЫЙ, СЕМЕЙНЫЙ, ЭКСКУРСИОННЫЙ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ туризм.

МАРШРУТЫ:

- сплав по реке Белой
- конные походы
- туры выходного дня
- осенние, весенние туры

РБ, Бурзянский район, с. Старосубхангулово, ул. Х. Ишкильдина, 38
 тел. : (34755) 3-44-99,
 моб. : 8-927-08-147-66, 8-937-31-691-44
 e-mail: kapovatur@gmail.com, сайт: www.capovatur.ru

УРАЛЬСКИЙ следопыт

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:
*доисторические находки дайверов
на реке Тобол*

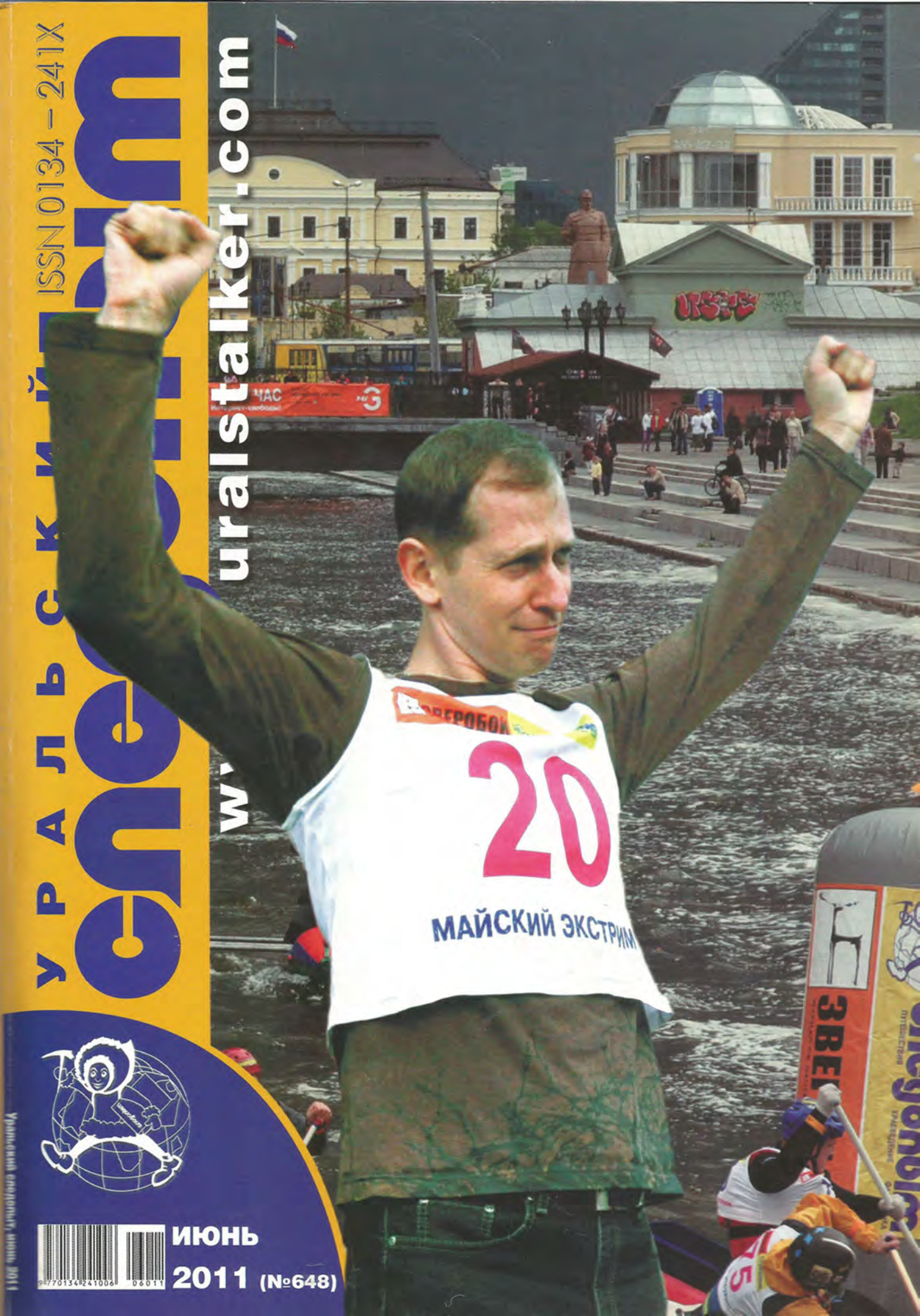

ISSN 0134-241X Индекс 73413 «Уральский следопыт», 2011, №6 (648)

ISSN 0134 - 241X

УРАЛЬСКИЙ ОЛЕНЬ

www.uralstalker.com

ИЮНЬ
2011 (№648)

Уральский оленевод, июнь 2011

генеральный
информационный
партнер

официальная
сотовая связь

фото П. Захарова

С НОВЫМ ЭКСТРИМОМ!

Дарина Дашкова

Почему «Майский экстрим-2011» нам особенно запомнится?

В сознании современного обывателя слово «экстрим» не вызывает недоумения. Напротив, воображение мгновенно рисует прыгающих сноубордистов, байкеров, огромную, пугающей высоты морскую волну, которую «седлает» бесстрашный серфер... «Extreme» в переводе с английского — чрезмерный, неординарный, особенный. Охотиться за новыми ощущениями, играть с огнем, бросать вызов самому себе, горстями хватать адреналин — вот лишь немногие задачи для настоящих экстремалов.

Можно ли представить нечто подобное в кипящем тесном мегаполисе? Да еще в самом его центре, который приходится ежедневно лицезреть из окна автомобиля или автобуса. Однако хмурым воскресным утром 29 мая, когда в пору нежиться под теплым оде-

ялком, слушая, как ворчит за окном мелкий дождь, и радоваться, что можно оставаться в постели сколько угодно, я приоткрыла сначала глаза, а затем шторы. Какой фестиваль возможен в таких условиях? Наверняка, при виде лилового грозового неба у большинства участников поубавилось пыла. Но я и предположить не могла, какое грандиозное действо готовится в сквере...

Скорее всего, многие читатели уже знакомы с хронологией и планом мероприятий. Поэтому журнал «Уральский следопыт» составил хит-лист отличий, благодаря которым «Майский экстрим-2011» особенно запомнится зрителям и участникам фестиваля.

фото В. Синельникова

